

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ · НАКАЗАНИЕ · ИСПРАВЛЕНИЕ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Бабурин С.В. — начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Середа С.П. — старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Кругликов Л.Л. — заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член МАН ВШ и РАЕН;

Беляева Л.И. — профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации профилактики преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Колодкин Л.М. — профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Тимофеев Ю.Ю. — начальник правового управления ФСИН России, кандидат юридических наук;

Ищенко Е.П. — заведующий кафедрой криминологии Академии им. О.Е. Кутафина государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Поздняков В.М. — профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор;

Попов В.В. — профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации;

Старостин С.А. — профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Трофимов В.Ю. — начальник управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гаврилов Б.Я. — профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук;

Бекбатыров Н.Ж. — начальник Академии комитета уголовно-исполнительной системы МВД Республики Казахстан, кандидат юридических наук;

Зубкова В.И. — профессор кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Крымов А.А. — начальник Академии права и управления ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Кузьминых А.Л. — доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук;

Лапшин В.Ф. — начальник кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Нагорных Р.В. — директор филиала Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина в г. Вологде, кандидат юридических наук, доцент;

Оботурова Н.С. — заместитель начальника института по учебной работе ВИПЭ ФСИН России, доктор философских наук, доцент;

Попова И.Н. — начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Софийчук Н.В. — заместитель директора филиала Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина в г. Вологде по научной работе, кандидат юридических наук, доцент;

Спасенников Б.А. — профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

Трунигер Л. — директор Высшей школы социальной работы г. Ольтен (Швейцария), доктор, профессор;

Шабанов В.Б. — заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь по научной работе, доктор юридических наук, профессор;

Шахов О.А. — начальник инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук, доцент

Решением Президиума ВАК 22.10.10 журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по направлениям: право, экономика, управление, психология и педагогика

Журнал выходит четыре раза в год

ISSN 2076-4162

№ 3 (19)
Вологда 2012

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ4

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Е.Ю. ПУДОВОЧКИН

Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: новые решения и новые проблемы . . 4

Ю.В. НОВИКОВА

К вопросу о криминологической классификации преступности (преступлений)9

И.А. ДЕВЯТОВСКАЯ

Некоторые аспекты законодательной регламентации отягчающих обстоятельств, связанных с категорией «доверие».....14

В.И. ЖУРАВЛЕВ

Социальная защита населения как фактор современной уголовной политики Российской Федерации . . 19

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

О.Н. УВАРОВ

Право осужденных на передвижение без конвоя или сопровождения: социально-правовая сущность, проблемы применения и правового регулирования . . 22

А.М. РУДАКОВ

Свобода совести и свобода вероисповедания осужденных: исходные понятия и их закрепление в уголовно-исполнительном праве 27

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

А.С. ШАТАЛОВ

Основания и порядок пересмотра по уголовным делам не вступивших в законную силу решений суда первой инстанции..... 32

Р.В. НАГОРНЫХ

Принципы государственной правоохранительной службы 43

Н.В. СОФИЙЧУК

Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: некоторые проблемы правоприменения 48

И.А. ТЕРЕНТЬЕВ

Место прокуратуры в современном государственном аппарате России..... 53

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ . . 58

А.Ф. ФЕДОРОВ

Акмеологический подход к процессу изучения проявлений преступности и личностных деформаций в местах лишения свободы у несовершеннолетних осужденных 58

Е.С. ТРЕТЬЯК, Е.Н. НИЗОВЕЦ

Социально-психологическая компетентность несовершеннолетних осужденных как составляющая процесса ресоциализации 62

Е.Л. СУЧКОВА

Обстоятельства совершенных преступлений в представлениях осужденных 66

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ. 69

В.В. ВОЛКОВА, Б.В. ИЛЬИН

Коррупционные проявления в УИС 69

Т.В. МАКАРОВА

К вопросу о сущности единоначалия и коллегиальности в управлении уголовно-исполнительной системой 73

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ 77

С.П. СЕРЕДА

К вопросу об уголовной политике в отношении несовершеннолетних 77

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ 83

А.Л. САНТАШОВ

Дифференциация исполнения лишения свободы в отношении несовершеннолетних в ИТК РСФСР 1970 г. 83

Р.И. ИВНЯКОВ, Я.М. КАРАСЕВА, М.И. ХОДАРЕНКО

Становление нормативно-правовой базы, регламентирующей исполнение наказаний в отношении несовершеннолетних, в дореволюционной России 87

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ. 92

С.П. СЕРЕДА

Научная школа «Уголовная и уголовно-исполнительная политика в отношении несовершеннолетних». 92

РЕЦЕНЗИИ 97

О.Е. КУРЕНКОВА

Рецензия на методические рекомендации Н.А. Коноваловой «Использование методики "Дерево целей" в социальной работе с осужденными» 97

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ. 97

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ 98

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 99

CONTENT

TOPICAL ISSUES OF JURISDICTION4

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Y.E. PUDOVCHIKIN

The involvement of a minor to commit a crime:
new solutions and new problems4

J.V. NOVIKOVA

Towards the question of criminological classification
of criminality (crimes).....9

I.A. DEYATOVSKAYA

Some aspects of legal regulation of aggravating
circumstances connected with the category
of «trust»14

V.I. ZHURAVLYOV

Social protection of the population in the Russian
Federation: constitutional aspect19

CRIMINAL EXECUTIVE LAW

O.N. UVAROV

Social and legal essence, the present state and
possibilities to provide the prisoners with the right of
movement without escort 22

A.M. RUDAKOV

Freedom of conscience and freedom of religion
convicted: basic concepts and implementation into penal
law 27

CRIMINAL COURT PROCEDURE AND ORGANIZATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITY

A.S. SHATALOV

Reasons and order of revision of criminal cases not
come into legal force by decision of the court of first
instance32

R.V. NAGORNYKH

Some principles of the State Law Enforcement
Service 43

N.V. SOFIYCHUK

Pretrial cooperation agreement in criminal legal
proceedings of the Russian Federation: problems with
law enforcement48

I.A. TEREPTYEV

Public prosecutor's office place in modern Russian state
machinery.53

TOPICAL ISSUES OF PSYCHOLOGY, PEDAGOGICS AND SOCIAL WORK58

A.F. FEDOROV

The acmeological approach to the process of studying
of criminality and personality deformation in the places
of imprisonment manifested by convicted
minors.58

E.S. TRETIKOV, E.N. NIZOVETS

Social and psychological competence juvenile offenders
as part of the process of re-socialization 62

E.L. SUCHKOVA

Convicts' notions of the circumstances in which they
committed their crimes66

TOPICAL ISSUES OF ECONOMICS, MANAGEMENT AND TECHNOLOGY.....69

V.V. VOLKOVA, B.V. ILYIN

Corruption in the penal system 69

T.V. MAKAROVA

On the essence of one-man and cooperative
management in relation to the penitentiary system's
regulation 73

DISCUSSION IS WELCOME77

S.P. SEREDA

On the criminal policy of juvenile 77

HISTORY PAGES83

A.L. SANTASHOV

Differentiation of execution of imprisonment in juvenile
penitentiary RSFSR 1970. 83

R.I. IVANYACKOV, J.M. KARASEVA, M.I. KHODARENKO

Establishing of basis of norms and rights, that is standing
order of sentence execution in relation to juveniles in the
prerevolutionary period of time. 87

OUR RESEARCHES92

S.P. SEREDA

Scientific school «criminal and criminal-executive juvenile
policy» 92

REVIEWS97

O.E. KURENKOVA

A review of the guidelines N.A. Konovalovoj «Using the
technique of "objectives tree" in social work with prison-
ers» 97

NOVELTIES OF LITERATURE97

INFORMATION, ADVERTISEMENTS.....98

INFORMATION ABOUT THE AUTORS99

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: новые решения и новые проблемы

Ю.Е. ПУДОВОЧКИН – профессор кафедры уголовного права Российской академии правосудия, доктор юридических наук, профессор

В статье анализируются положения российского уголовного законодательства об ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и практика их реализации, а также разъяснения высшей судебной инстанции Российской Федерации по данному вопросу. Автор формулирует собственную точку зрения на понятия «вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления», «преступная группа» и предлагает алгоритм квалификации случаев вовлечения-подстрекательства несовершеннолетних к совершению преступления.

Ключевые слова: вовлечение; несовершеннолетний; преступление; квалификация; судебная практика

The involvement of a minor to commit a crime: new solutions and new problems

Y.E. PUDOVCHIKIN – doctor of Law, Professor, professor of Criminal Law at the Russian Academy of Justice

This paper analyzes the provisions of the Russian criminal law on the responsibility for involving a minor in the commission of the crime and the practice of their implementation, as well as the highest court for clarification of the Russian Federation on the issue. The author formulates his own view on the concept of «involving a minor in the commission of a crime», «criminal group», the algorithm of qualifying cases involving minors, incitement to commit a crime.

Key words: engagement; a minor; a crime; qualifications; judicial practice

Одним из значимых уголовно-правовых средств предупреждения подростковой преступности и защиты прав детей является обладающая двойной превенцией норма об ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. В отечественной практике данное положение уголовного закона давно и с успехом применяется, при том что сам закон и его

официальное толкование в этой части неоднократно изменялись.

Наиболее сложными и неоднозначными в плане понимания состава вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления всегда были такие аспекты, как момент окончания посягательства, характеристика конструкции объективной стороны, и связанные с этим правила квалификации

результативного и безрезультативного вовлечения. Сегодня ощущается острая необходимость в дополнительном анализе соответствующих вопросов в силу того, что Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» существенным образом изменило, казалось бы, устоявшиеся решения.

Согласно последним разъяснениям высшей судебной инстанции, под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления следует понимать действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление. Такое определение не является новым. Действующее постановление в рассматриваемой части практически дословно воспроизводит рекомендации, ранее высказанные Пленумом Верховного Суда СССР в постановлениях от 03.12.1976 г. № 16 «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность» и от 05.12.1986 г. № 17 «О выполнении судами руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР по применению законодательства при рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних».

Однако представляется, что подобная ретрансформация определения не вполне оправдана, так как сама дефиниция далеко не безупречна. Во-первых, как еще двадцать лет назад справедливо указывал К.К. Сперанский, желание предполагает исключительно свободное волеизъявление несовершеннолетнего на участие в преступлении, которого может и не быть в ситуации принуждения подростка к его совершению¹.

В связи с этим целесообразно говорить не о желании, а о решимости, готовности, намерении и тому подобных вещах, не акцентируя внимание на признаках волимости преступного поведения подростка.

Вместе с тем при всей своей значимости это лишь терминологические претензии к определению. Основной, сущностный упрек состоит в том, что такая дефиниция самым существенным образом сокращает объем исследуемого понятия. В частности, имеющаяся трактовка вовлечения не позволяет признать преступными действия взрослого, который склоняет подростка к преступному образу жизни, прививает ему ценности и

идеалы криминальной субкультуры, вербует в ряды преступников. Если такая психологическая обработка подростка не предполагает склонения его к совершению конкретного преступления, не вызывает желания совершить это преступление, то, согласно разъяснению пленума, взрослого нельзя привлечь к ответственности за преступление, предусмотренное ст. 150 УК РФ.

Сложившаяся ситуация, как представляется, есть отражение не вполне верного понимания объекта и социальной опасности вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. Полагаем, что ст. 150 УК РФ ориентирована в первую очередь на защиту детей от информации, которая способна причинить вред их нравственному и социальному развитию. К таковой согласно Закону Российской Федерации от 29.12.2010 г. № 463-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» относится среди прочего информация: 1) способная вызвать у детей желание употреблять наркотические средства, психотропные и (или) одурманивающие вещества, заниматься проституцией; 2) обосновывающая или оправдывающая допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающая осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным; 3) оправдывающая противоправное поведение. Распространение ее, в том числе в процессе частного, межличностного общения, грубым образом нарушает гарантированное Конвенцией ООН о правах ребенка его право на защиту от негативной информации, а потому должно влечь за собой соответствующую правовую реакцию государства, не исключаящую и уголовной ответственности.

В этой связи более качественным, отвечающим истинному смыслу исследуемой уголовно-правовой нормы представляется определение, которое было дано в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 12.09.1969 г. «О судебной практике по делам о вовлечении несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность»: в нем под вовлечением предлагалось понимать не только действия, направленные на подстрекательство несовершеннолетнего к совершению преступления либо на привлечение его к совершению преступления в качестве соисполнителя или пособника, но также и действия, направленные на подготовку несовершеннолетнего к участию в преступлениях². Понятием «подготовка к совершению преступления» как

раз и охватываются действия по так называемому неконкретизированному вовлечению, не связанному со склонением подростка к участию в каком-либо определенном преступлении.

Надо сказать, что, изменив трактовку вовлечения, Пленум Верховного Суда Российской Федерации создал серьезные препятствия к применению ч. 4 ст. 150 УК РФ. Среди прочего была установлена ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу. Но к преступным, как представляется, относятся не только группы, создание и участие в которых криминализировано законом как самостоятельное преступление (ст. 208, 209, 210, 282.1 УК РФ). Понятием «преступная группа» должны охватываться любые формы групповых образований (например, группа лиц по предварительному сговору, вооруженная или невооруженная, структурированная или неструктурированная, устойчивая или неустойчивая группа лиц, не подлежащих в силу возраста уголовной ответственности, и др.). Склонение к участию в такой группе, как известно, не обязательно предполагает склонение к участию в совершении конкретного преступления: оно может ограничиться склонением к участию именно в группе. В этой ситуации соблюдение рекомендации пленума, трактующей вовлечение как возбуждение желания совершить преступление, не позволит привлечь виновного к уголовной ответственности.

Смена толкования понятия «вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления» повлекла за собой и изменение позиции высшей судебной инстанции относительно момента окончания этого преступления. На протяжении последних тридцати лет она подвергалась корректировке неоднократно. Так, в определении Судебной Коллегии Верховного Суда РСФСР по делу У. и Ц. от 17.02.1972 г. было указано, что ответственность по ст. 210 УК РСФСР (аналог ст. 150 УК РФ) наступает независимо от фактического совершения несовершеннолетним преступления или участия в нем³. Однако Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 03.12.1976 г. № 16 уже характеризовал этот состав преступления как материальный, поскольку предписывал квалифицировать как покушение на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления действия виновного, в результате которых подросток не стал участвовать в совершении преступления даже на стадии приготовления или покушения. В

постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2000 г. № 7, напротив, значилось, что «преступления, ответственность за которые предусмотрена статьями 150 и 151 УК РФ, являются оконченными с момента вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления либо антиобщественных действий независимо от того, совершил ли он какое-либо из указанных противоправных действий». И вот последнее (2011 г.) постановление Пленума вновь определило: преступление, ответственность за которое предусмотрена ст. 150 УК РФ, является оконченным с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление; если последствия, предусмотренные диспозицией названной нормы, не наступили по не зависящим от виновных обстоятельствам, то их действия могут быть квалифицированы по ч. 3 ст. 30 и ст. 150 УК РФ.

Надо сказать, что такая позиция давно высказывается в науке⁴ и так же давно ею критикуется⁵. Мы убеждены, что признавать последствием исследуемого преступления совершение преступления несовершеннолетним не только нецелесообразно, но и неправильно. Если исходить из того, что преступление окончено с момента причинения вреда объекту посягательства, то необходимо признать, что вред развитию несовершеннолетнего причиняется не в результате совершения им преступления, а в процессе негативного воздействия взрослого лица. Поэтому вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления следует считать оконченным с момента выполнения виновным действий по вовлечению, с момента передачи негативной информации.

Рекомендованное в последнем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации понимание вовлечения, во-первых, как действий, направленных на склонение к совершению конкретного преступления, а во-вторых, как результативного процесса не только идет вразрез с устоявшимися представлениями о преступлении, предусмотренном ст. 150 УК РФ, и сложившейся практикой, не только ограничивает возможности уголовного закона в части охраны интересов подрастающего поколения, не только внутренне противоречиво, но и порождает новые проблемы, которые еще не стали предметом пристального внимания специалистов.

Речь идет о том, что конкретизированное результативное вовлечение по своим при-

знакам совершенно ничем не отличается от подстрекательства к преступлению. Эта мысль предельно четко сформулирована самим пленумом: «Действия взрослого лица по подстрекательству несовершеннолетнего к совершению преступления при наличии признаков состава указанного преступления должны квалифицироваться по статье 150 УК РФ, а также по закону, предусматривающему ответственность за соучастие (в виде подстрекательства) в совершении конкретного преступления».

Развивая представленные выводы пленума, можно предложить следующий алгоритм квалификации случаев вовлечения подстрекательства несовершеннолетних к совершению преступления:

1) если взрослый воздействует на несовершеннолетнего, способного нести уголовную ответственность, который самостоятельно, без участия взрослого выполнил преступление, к совершению которого его подстрекал взрослый, то взрослый несет ответственность по ст. 150 УК РФ и за соучастие в преступлении, совершенном несовершеннолетним, со ссылкой на ст. 33 УК РФ, а несовершеннолетний – за выполненное им преступление;

2) если в аналогичной ситуации преступление выполнено несовершеннолетним совместно со взрослым, то взрослый несет ответственность по ст. 150 УК РФ и за соисполнительство в конкретном преступлении, причем, если состав этого преступления предусматривает квалифицирующий признак «совершение деяния группой лиц по предварительному сговору», последний должен быть вменен и взрослому, и несовершеннолетнему;

3) если в аналогичной ситуации несовершеннолетний не довел преступление до конца по не зависящим от него причинам, то взрослый несет ответственность по ст. 150 УК РФ и за приготовление или покушение на преступление;

4) если в аналогичной ситуации несовершеннолетний не стал совершать преступления, взрослый несет ответственность по ч. 3 ст. 30 и ст. 150 УК РФ и за приготовление к конкретному преступлению в форме приискания соучастников (если взрослый склонял подростка к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления), причем при квалификации вовлечения в данном случае необходимо ссылаться на ч. 4 ст. 150 УК РФ.

Однако такое толкование закона вызывает серьезные вопросы в части соблюдения

принципа справедливости, а именно установленного законом запрета нести уголовную ответственность дважды за одно и то же деяние. Ранее, когда объем вовлечения и подстрекательства не совпадал и вовлечение могло содержать, а могло и не содержать признаки подстрекательства, проблем с соблюдением принципа справедливости не возникало: они предотвращались посредством учета общих правил квалификации идеальной совокупности (если альтернативным, необязательным способом совершения одного преступления является совершение другого самостоятельного преступления, то виновный должен нести ответственность за совокупность совершенных преступлений). Сегодня же ситуация изменилась коренным образом, а высказанная пленумом рекомендация о квалификации преступления, по нашему убеждению, нелегитимна.

Возникают и иные трудности с квалификацией. В частности, исходя из предложенного понимания вовлечения необходимо констатировать, что если взрослый склоняет подростка к совершению преступлений небольшой или средней тяжести, но несовершеннолетний в итоге не принимает участия в их совершении, то действия взрослого остаются вне поля уголовной ответственности: поскольку вовлечение было безрезультативным, ст. 150 УК РФ не применяется, а раз речь идет о преступлениях небольшой или средней тяжести, нормы о приготовлении также не действуют.

Пленум помимо прочего указал, что в случае совершения преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности, лицо, вовлекшее его в совершение преступления, в силу ч. 2 ст. 33 УК РФ несет уголовную ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения. Однако при этом умалчивается о возможности вменения ст. 150 УК РФ. Очевидно, что если вовлечение – это подстрекательство, то ст. 150 УК РФ вменена быть не может. Но здесь пленум входит в противоречие с позицией самого Верховного Суда, который в одном из обзоров надзорной практики признал ошибочным мнение о том, что обязательным признаком вовлечения является определенный уровень развития несовершеннолетнего, позволяющий ему самому осознавать факт вовлечения⁶.

Даже такой весьма краткий (и, возможно, поверхностный) анализ последних суждений высшей судебной инстанции о квали-

фикации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления позволяет установить главное: выводы пленума противоречат устоявшейся практике, общим

правилам квалификации преступлений, принципам уголовного права, существенно ослабляют степень уголовно-правовой охраны интересов несовершеннолетних.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Сперанский К.К. Уголовно-правовая борьба с преступлениями несовершеннолетних и против несовершеннолетних. Ростов н/Д, 1991. С. 84.

² См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1973. М., 1974. С. 563.

³ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1972. № 12. С. 6.

⁴ См.: Курс советского уголовного права. М., 1971. Т. 6. С. 364; Уголовное право БССР. Часть Особенная. Минск, 1971. С. 315; Борьба с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность / Отв. ред. И.П. Лановенко. Киев, 1986. С. 97.

⁵ См.: Трофимов Н. Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность // Советская юстиция. 1968. № 14. С. 17; Яценко С.С. Ответственность за преступления против общественного порядка. Киев, 1976. С. 47; Иванов В.Ф. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних путем понуждения в преступную и иную антиобщественную деятельность // Личность преступника и уголовная ответственность. Правовые и криминологические аспекты: Межвуз. науч. сб. Саратов, 1987. Вып. 3. С. 84.

⁶ См.: Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 1999 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 10.

¹ См.: Сперанский К.К. Уголовно-правовая борьба с преступлениями несовершеннолетних и против несовершеннолетних. Ростов н/Д, 1991. С. 84.

² См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1973. М., 1974. С. 563.

³ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1972. № 12. С. 6.

⁴ См.: Курс советского уголовного права. М., 1971. Т. 6. С. 364; Уголовное право БССР. Часть Особенная. Минск, 1971. С. 315; Борьба с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность / Отв. ред. И.П. Лановенко. Киев, 1986. С. 97.

⁵ См.: Трофимов Н. Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность // Советская юстиция. 1968. № 14. С. 17; Яценко С.С. Ответственность за преступления против общественного порядка. Киев, 1976. С. 47; Иванов В.Ф. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних путем понуждения в преступную и иную антиобщественную деятельность // Личность преступника и уголовная ответственность. Правовые и криминологические аспекты: Межвуз. науч. сб. Саратов, 1987. Вып. 3. С. 84.

⁶ См.: Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 1999 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 10.

К вопросу о криминологической классификации преступности (преступлений)

Ю.В. НОВИКОВА – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Воронежского института ФСИН России, кандидат юридических наук

В данной статье говорится о необходимости обеспечения научного подхода к разработке криминологической классификации преступности (преступлений). Автор анализирует различные основания, используемые для классификации преступности (преступлений) при разработке криминологической характеристики отдельных видов (групп) преступлений. Обосновывается мнение, что в криминологии имеются предпосылки для формирования криминологической классификации преступности (преступлений) как частного криминологического учения.

Ключевые слова: криминологическая характеристика преступлений (преступности); основания классификации преступлений (преступности); частная теория; специфические криминологические и уголовно-правовые свойства преступлений.

Towards the question of criminological classification of criminality (crimes)

J.V. NOVIKOVA – Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure and Criminalistics Voronezh Institute FPS Russia, the candidate of jurisprudence

In this article refers to the need for a scientific approach to the development of criminological classification of criminality (crime). The author analyzes various grounds used for the classification of criminality (crime) in the development of their criminological characteristics of some kinds (groups) of crimes. The opinion that in criminology there are prerequisites for the creation of the criminological characteristics of crime (crime) as the private teaching of criminology is proved.

Key word: criminological characteristic of criminality (crimes); the bases of criminological classification of criminality (crimes); the private theory; specific criminological and criminal legislative properties of crimes.

До настоящего времени в криминологии не сформировано единого подхода к классификации преступлений (преступности). Мы согласны с П.А. Кабановым: криминология нуждается в научной классификации и систематизации криминологических знаний о преступности¹. Отдельные суждения по данной проблеме можно встретить на страницах криминологических публикаций². К сожалению, они лишь обнаруживают существующую лакуну, но не разрешают концептуальных вопросов криминологической классификации преступлений (преступности). Об этом наглядно свидетельствует история развития криминологических знаний³.

Так, например, в первом учебнике «Советская криминология» (1966 г.) Особенная часть вообще не имеет каких-либо криминологических классификаций⁴. Специфику криминологического изучения и предупреждения отдельных видов (групп) преступлений

раскрывают отдельные главы в соответствии с формулировкой конкретных составов преступлений по действующему тогда УК РСФСР (убийства, хулиганства и т.д.) либо элементов состава (отдельный объект, район, область, республика). Несколько разделов посвящены отдельным видам преступности (преступность несовершеннолетних, рецидивная преступность и т.д.).

Во втором издании учебника (1968 г.) предпринимается первая попытка объединить в рамках отдельных глав преступления по сходным признакам: против личности, особо опасные, составляющие пережитки местных обычаев и т.д.⁵ Однако назвать такую классификацию криминологической едва ли можно.

Более высокий уровень достигнут в учебниках «Криминология» (1979 г.)⁶ и «Курс советской криминологии» (1986 г.)⁷, где в Особенной части систематизация престу-

плений осуществляется посредством разбития на более крупные, имеющие криминологическое значение блоки: насильственная преступность и хулиганство, корыстные и корыстно-насильственные преступления, должностные и хозяйственные, неосторожные преступления, преступность несовершеннолетних и молодежи, женская преступность и т.п. Указанный метод классификации принят в большинстве аналогичных работ.

Авторы «Теоретических основ предупреждения преступности» в Особенной части сгруппировали преступления следующим образом: по направленности преступного посягательства; мотиву и способу совершения отдельного вида (группы) преступлений; субъектам; отдельным обстоятельствам (группам обстоятельств), порождающим преступления; объектам предупредительного воздействия (в среде определенного контингента, в определенном регионе (на объекте) и пр.); особенностям профилактической деятельности отдельных ее субъектов и т.д.⁸

В.А. Серебрякова классифицировала преступность (преступления): 1) по мотиву: корыстная и насильственная преступность; 2) социально-демографическим показателям: преступность несовершеннолетних, разных возрастных групп, мужчин и женщин; 3) социально-профессиональным признакам: преступность рабочих, служащих, студентов и т.д.; 4) территориальным признакам: преступность в городской и сельской местности, в крупных и сверхкрупных городах, малых городах; 5) признаку повторности: преступность лиц, совершивших преступление впервые, повторно, рецидивистов⁹.

К сожалению, большинство авторов не уделяют должного внимания структуре криминологии и криминологической классификации. Во многих учебниках вообще не выделяются части, в учебных пособиях и монографиях криминологическая характеристика отдельных видов преступлений (преступности) и особенности их профилактики излагаются в произвольных и несистематизированных формулировках¹⁰.

В современной отечественной криминологии имеются определенные предпосылки для научной классификации и систематизации ее положений. В частности, П.А. Кабанов вполне аргументированно отстаивает точку зрения о необходимости и возможности формирования не только юридической, но и криминологической таксономии (разновидностей теории классификации сложноорганизованных областей действительности и знаний, имеющих иерархи-

ческое строение)¹¹. В качестве критериев криминологической группировки явлений и процессов он предлагает использовать территориально-национальный признак, объем, содержание, социальные сферы, пораженные преступностью, особенности личности преступника, средства достижения преступниками целей преступления, мотивацию преступного поведения, методы познания криминальных явлений и процессов и др.

Знания о преступности, как и само явление, имеют сложный междисциплинарный и иерархический характер. Это требует их научного описания, объяснения, фиксации, систематизации и классификации в рамках криминологии с использованием передовых достижений других наук. При этом следует учитывать, что основная цель криминологической классификации преступлений (преступности) – обеспечение процесса разработки и внедрения в практику борьбы с преступностью научно обоснованных и эффективных способов познания причин (детерминант) отдельных видов (групп) преступлений и наиболее рациональных мер их предупреждения.

Одними из доминирующих оснований криминологической классификации преступлений (преступности) выступают, несомненно, положения уголовного права.

Следует подчеркнуть, что все уголовно-правовые признаки преступлений являются существенными и с позиции предмета криминологии. Уголовный закон в типизированной, абстрактной форме фиксирует наиболее значимые социальные свойства единичных преступлений и лиц, их совершающих. Эти свойства входят в предмет криминологии, где получают в ряде случаев более широкую интерпретацию, основанную на использовании данных социологии, психологии, педагогики, демографии, экономики и других наук¹². Уголовно-правовые признаки общественно опасных деяний могут поэтому эффективно использоваться в качестве оснований для выделения различных групп и категорий преступлений в криминологических исследованиях.

В подавляющем числе случаев разработку особых криминологических характеристик осуществляют на основе классификации преступлений одновременно по нескольким основаниям, значимым в уголовно-правовом и (или) криминологическом отношениях. Правовое содержание уголовно-правовых признаков нередко дополняется и расширяется с позиций предмета криминологии.

К сожалению, как приведенные, так и другие криминологические классификации не лишены недостатков и в большинстве своем не удовлетворяют в полной мере потребности теории и практики. Причины этого кроются в том, что, во-первых, они не охватывают всего многообразия специфических криминологических и уголовно-правовых свойств преступлений и их сочетаний, а во-вторых, их группировка осуществляется не по единым основаниям, что противоречит формально-логическим правилам классификации.

Как известно, классификация – это упорядочение знаний о предмете путем расчленения его по значимым основаниям на виды и группы. При выстраивании типологии, соответственно, должны быть соблюдены следующие логические правила: 1) в одной и той же классификации должно быть применено одно и то же основание; 2) объем членов классификации должен равняться объему классифицируемого явления; 3) члены классификации должны исключать друг друга; 4) классификация должна быть непрерывной; 5) основание деления должно быть четким и ясным¹³.

Классификация – это не только систематизация знаний о классифицируемых объектах либо систематизация самих объектов, но также и этап в познании сущности последних. Теоретическая и практическая значимость классификации состоит в том, что она позволяет группировать изучаемые объекты в зависимости от потребностей теории и практики, обеспечивая тем самым решение многообразных теоретических и прикладных задач¹⁴. Она позволяет уточнить уровень и объем знаний о предмете исследования и определить наиболее эффективные пути использования этих знаний на практике.

Мы согласны с мнением о том, что верная криминологическая классификация преступлений может быть осуществлена только при условии, если в качестве базового основания для систематизации будет воспринята уголовно-правовая классификация преступлений по объектам уголовно-правовой охраны, осуществленная в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации¹⁵. Дополнительными основаниями могут и должны служить элементы состава преступления (в уголовно-правовой и криминологической интерпретации их содержания).

В связи с этим категорически нельзя согласиться с теми авторами, которые отрицают значение уголовно-правовой классификации преступлений для криминологических исследований¹⁶. На наш взгляд, криминоло-

гия не может вольно обращаться с понятием «преступление», хотя многие предпринимают попытки разработать собственное его определение. Суждения по данному вопросу могут быть высказаны многочисленные и разноплановые, но в конечном счете криминология не может не использовать либо свободно интерпретировать общеобязательные положения закона. Рекомендации как итог всех криминологических изысканий направлены на предупреждение именно тех общественно опасных деяний, которые закреплены в уголовном праве в качестве преступлений.

Вместе с тем следует отметить, что уровень обобщения преступлений в классификациях может быть разным.

Так, например, в ст. 15 УК РФ все преступления делятся в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния на четыре группы. Эта классификация используется и при создании криминологической классификации преступлений (преступности)¹⁷.

Однако данная схема при проведении криминологических изысканий и обобщении эмпирического материала, как правило, не применяется в связи с большой разнородностью объединяемых подобным признаком преступлений, имеющих в связи с этим разные детерминанты, доступные для предупредительного воздействия. Его действуют лишь в сочетании с иными дифференцирующими (или синтезирующими) элементами.

В этой связи интерес представляет вопрос об употреблении понятий «классификация преступности» и «классификация преступлений». По данному поводу нами уже высказывались предложения, сущность которых заключается в том, что на высшем уровне обобщения (при описании элементов, например, женской, насильственной, рецидивной преступности) предпочтительнее применить термин «преступность», а в ходе криминологического исследования преступлений на следующем уровне, как правило, в уголовно-правовом звучании (например, при исследовании убийств, преступлений против собственности и т.п.) целесообразно использовать термин «преступления».

Одним из наиболее часто принимаемых для криминологических классификаций преступлений оснований является уголовно-правовое разграничение объектов уголовно-правовой охраны. При этом признаки объекта преступления либо привлекаются на начальном этапе классификации, либо вы-

ступают в качестве дополнительного основания. Основное содержание этих признаков в уголовном праве и криминологии в подавляющем большинстве случаев совпадает.

Криминологическая классификация преступлений на уровне наименования признаков состава возможна и по субъекту преступления: преступления, совершаемые должностными лицами (должностная преступность); преступления, совершаемые несовершеннолетними (преступность несовершеннолетних); преступления военнослужащих (воинская преступность) и т.п. В большинстве случаев основанием дифференциации служат признаки специального субъекта преступления.

По форме вины можно выделить преступления, совершаемые по неосторожности, умышленные преступления и т.д.

Не менее значима с точки зрения выявления единой этиологии преступлений криминологическая группировка различных их видов по доминирующим мотивам или способам совершения, предмету преступного посяательства, особенностям субъектов и другим признакам. Подчеркнем еще раз, что криминологическое значение имеют любые уголовно-правовые признаки преступлений.

В то же время уголовно-правовая классификация преступлений не полностью удовлетворяет потребности криминологической теории и практики¹⁸. В.Н. Кудрявцев по этому поводу отметил, что уголовно-правовая классификация мало что дает для достижения целей криминологии, так как не упоминает об обстоятельствах, факторах, признаках, которые бы относились к причинам преступности¹⁹. Поэтому при разработке криминологических классификаций широко используются иные основания.

Каждый вид, каждая группа и категория преступлений имеет свою специфическую совокупность криминогенных объектов. Явления и процессы, их составляющие, а также носители этих явлений и процессов весьма многообразны и обнаруживаются на различных уровнях социальной жизни²⁰.

Классификация преступлений, по сути, есть одновременно и классификация криминогенных объектов (объектов предупредительного воздействия).

Наиболее распространенной является точка зрения, в соответствии с которой главным критерием криминологической классификации преступлений должен выступать характер основных сфер жизнедеятельности, в рамках которых совершаются преступления²¹. Такой подход вполне правомерен, так как преступления, совершаемые в одной и той же сфере социальной жизни, нередко имеют единый комплекс детерминант, но это основание должно быть одним из многих: в одной и той же сфере социальной жизни могут совершаться и различные по своей этиологической природе преступления²².

В этой связи следует признать справедливым, что «классифицировав все преступные деяния соответственно основным сферам жизнедеятельности, в рамках которых они совершаются, мы получим такие группы преступлений, которые, будучи различными с позиций уголовно-правовых признаков, окажутся вместе с тем однородными с точки зрения криминологии, так как в их генетической основе мы обнаружим общие факторы, составляющие содержание ситуации преступления»²³.

А.И. Долгова предлагает рассматривать криминологическую классификацию преступлений, беря за основу специфику причинного комплекса преступности²⁴.

Р.В. Скоморохов полагает, что базу криминологической классификации должны составлять общественные отношения, а именно социальные противоречия, или социальные антагонизмы²⁵.

Подводя итог вышесказанному, подчеркнем, что теоретические изыскания по вопросам криминологической классификации преступлений могут успешно трансформироваться в частную криминологическую теорию. Вместе с тем мы осознаем сложность и дискуссионность ряда моментов, связанных с ней.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кабанов П.А. Криминологическая таксономия: понятие, содержание, таксономические единицы и основания их группировки // Новые направления в криминологии. 2007. № 1–2. С. 25–29.

² См., напр.: Криминология: Учеб. / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., 2009. С. 315–316; Криминология: Учеб. / Под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2008. С. 487–489 и др.

³ См.: Криминология: Учеб. / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. С. 315–316.

⁴ См.: Советская криминология: Учеб. / Отв. ред. А.А. Герцензон, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев. М., 1966.

¹ См.: Кабанов П.А. Kriminologicheskaia taksonomija: ponjatie, sodержanie, taksonomicheskie edincy i osnovanija ih gruppировки // Novye napravlenija v kriminologii. 2007. № 1–2. С. 25–29.

² См., напр.: Kriminologija: Učeb. / Pod red. V.N. Kudrjavceva, V.E. Jeminova. M., 2009. S. 315–316; Kriminologija: Učeb. / Pod obw. red. A.I. Dolgovoj. M., 2008. S. 487–489 i dr.

³ См.: Kriminologija: Učeb. / Pod red. V.N. Kudrjavceva, V.E. Jeminova. S. 315–316.

⁴ См.: Sovetskaja kriminologija: Učeb. / Otv. red. A.A. Gercenzon, I.I. Karpec, V.N. Kudrjavcev. M., 1966.

- ⁵ См.: Криминология: Учеб. / А.А. Герцензон, В.К. Звирбуль, Б.Л. Зотов, И.И. Карпец и др. М., 1968.
- ⁶ Криминология: Учеб. / В.К. Звирбуль, В.В. Клочков, Н.Ф. Кузнецова. М., 1979.
- ⁷ Курс советской криминологии. Предупреждение преступности / Под ред. И.И. Карпеца, Б.В. Коробейникова, В.Н. Кудрявцева. М., 1986.
- ⁸ См.: Теоретические основы предупреждения преступности / Отв. ред. В.К. Звирбуль. М., 1977. С. 68.
- ⁹ См.: Серебрякова В.А. Преступность: основные направления исследования /
- ¹⁰ См., напр.: Криминология: Учеб. пособие / Под ред. С.М. Иншакова, А.В. Симоненко. М., 2008; Клейменов М.П., Федоров А.Ю. Криминальное манипулирование в сфере экономической деятельности: криминологическая характеристика и предупреждение: Моногр. Омск, 2008; Семенова Н.Ф. Криминологический анализ налоговой преступности в современной России: Моногр. Н. Новгород, 2009; Кара И.С. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений, совершаемых условно осужденными несовершеннолетними: Моногр. Брянск, 2009 и т.п.
- ¹¹ См.: Кабанов П.А. Криминологическая таксономия: понятие, содержание, таксономические единицы и основания их группировки. С. 27.
- ¹² См.: Мусейбов А.Г. Частные методики предупреждения преступлений. Воронеж, 2003. С. 56.
- ¹³ См.: Кривоченко Л.Н. Классификация преступлений. Харьков, 1983. С. 19.
- ¹⁴ См.: Там же. С. 12.
- ¹⁵ См.: Блувштейн Ю.Д., Зырин М.И., Романов В.В. Профилактика преступлений. Минск, 1986. С. 42.
- ¹⁶ См.: Хохлаков Г.Ф. Криминология. М., 1999. С. 78.
- ¹⁷ См., напр.: Бужор В.Г. Криминологический анализ и предупреждение тяжкой насильственной групповой преступности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992; Боровков Д.В. Криминологическая характеристика и предупреждение рецидива тяжких и особо тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья в сверхкрупном городе: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004; Данилевская М.В. Криминологическая характеристика и социальные последствия тяжких преступлений, совершаемых с проявлением жестокости взрослыми в отношении несовершеннолетних: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996; Федченко В.В. Криминологическая характеристика тяжкой насильственной преступности против личности и особенности ее профилактики: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006; Корецкий Д.А. Основы теории и методологии криминологического исследования тяжких преступлений, совершаемых с применением оружия: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997 и др.
- ¹⁸ См., напр.: Блувштейн Ю.Д. К вопросу о соотношении криминологической и уголовно-правовой классификации преступлений и преступников // Вопросы судебной экспертизы и криминологии. Вильнюс, 1977. Вып. 13. С. 54–59.
- ¹⁹ См.: Кудрявцев В.Н. Лекции по криминологии. М., 2005. С. 109.
- ²⁰ См.: Механизм преступного поведения / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1981. С. 29–30.
- ²¹ См.: Давыденко Л.М. Криминологическая классификация преступлений.
- ²² См.: Долгова А.И. Некоторые вопросы диалектики познания преступности и ее причин // Методологические проблемы изучения преступности и ее причин. М., 1986. С. 10.
- ²³ Давыденко Л.М. Криминологическая классификация преступлений. С. 25.
- ²⁴ См.: Криминология: Учеб. / Под ред. А.И. Долговой. С. 489.
- ²⁵ См.: Скоморохов Р.В. К вопросу об основании криминологической классификации // Государство и право. 2010. № 4. С. 40.
- ⁵ Sm.: Kriminologija: Učeb. / A.A. Gercenzon, V.K. Zvirbul', B.L. Zotov, I.I. Karpec i dr. M., 1968.
- ⁶ Kriminologija: Učeb. / V.K. Zvirbul', V.V. Klochkov, N.F. Kuznecova. M., 1979.
- ⁷ Kurs soverskoj kriminologii. Preduprezhdenie prestupnosti / Pod red. I.I. Karpeca, B.V. Korobejnikova, V.N. Kudrjavceva. M., 1986.
- ⁸ Sm.: Teoreticheskie osnovy preduprezhdenija prestupnosti / Otv. red. V.K. Zvirbul'. M., 1977. S. 68.
- ⁹ Sm.: Serebrjakova V.A. Prestupnost': osnovnye napravlenija issledovanija /
- ¹⁰ Sm., napr.: Kriminologija: Učeb. posobie / Pod red. S.M. Inshakova, A.V. Simonenko. M., 2008; Klejmenov M.P., Fedorov A.Ju. Kriminal'noe manipulirovanie v sfere jekonomicheskoj dejatel'nosti: kriminologičeskaja harakteristika i preduprezhdenie: Monogr. Omsk, 2008; Semenova N.F. Kriminologičeskij analiz nalogovoj prestupnosti v sovremennoj Rossii: Monogr. N. Novgorod, 2009; Kara I.S. Kriminologičeskaja harakteristika i profilaktika prestuplenij, sovershaemyh uslovno osuzhdennymi nesovershennoletnimi: Monogr. Brjansk, 2009 i t.p.
- ¹¹ Sm.: Kabanov P.A. Kriminologičeskaja taksonomija: ponjatje, sodержanie, taksonomicheskie edinicy i osnovanija ih gruppirovki. S. 27.
- ¹² Sm.: Museibov A.G. Chastnye metodiki preduprezhdenija prestuplenij. Voronezh, 2003. S. 56.
- ¹³ Sm.: Krivočenko L.N. Klassifikacija prestuplenij. Har'kov, 1983. S. 19.
- ¹⁴ Sm.: Tam zhe. S. 12.
- ¹⁵ Sm.: Bluvštejn Ju.D., Zyrin M.I., Romanov V.V. Profilaktika prestuplenij. Minsk, 1986. S. 42.
- ¹⁶ Sm.: Hohrjakov G.F. Kriminologija. M., 1999. S. 78.
- ¹⁷ Sm., napr.: Buzhor V.G. Kriminologičeskij analiz i preduprezhdenie tjažkoj nasil'stvennoj gruppovoj prestupnosti: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 1992; Borovkov D.V. Kriminologičeskaja harakteristika i preduprezhdenie recidiva tjažkikh i osobo tjažkikh nasil'stvennyh prestuplenij protiv žizni i zdorov'ja v sverhkrupnom gorode: Dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2004; Danilevskaja M.V. Kriminologičeskaja harakteristika i social'nye posledstviya tjažkikh prestuplenij, sovershaemyh s pojavleniem zhestokosti vzroslymi v otnošenii nesovershennoletnih: Dis. ... kand. jurid. nauk. M., 1996; Fedchenko V.V. Kriminologičeskaja harakteristika tjažkoj nasil'stvennoj prestupnosti protiv lichnosti i osobennosti ee profilaktiki: Dis. ... kand. jurid. nauk. Rostov n/D, 2006; Koreckij D.A. Osnovyteoriiimetodologiiikriminologičeskogo issledovanija tjažkikh prestuplenij, sovershaemyh s primeneniem oruzhija: Dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 1997 i dr.
- ¹⁸ Sm., napr.: Bluvštejn Ju.D. K voprosu o sootnošenii kriminologičeskoj i ugovolno-pravovoj klassifikacii prestuplenij i prestupnikov // Voprosy sudebnoj jekspertizy i kriminologii. Vil'njus, 1977. Vyp. 13. S. 54–59.
- ¹⁹ Sm.: Kudrjavcev V.N. Lekcii po kriminologii. M., 2005. S. 109.
- ²⁰ Sm.: Mehanizm prestupnogo povedenija / Otv. red. V.N. Kudrjavcev. M., 1981. S. 29–30.
- ²¹ Sm.: Davydenko L.M. Kriminologičeskaja klassifikacija prestuplenij.
- ²² Sm.: Dolgova A.I. Nekotorye voprosy dialektiki poznaniya prestupnosti i ee prichin // Metodologičeskie problemy izučeniya prestupnosti i ee prichin. M., 1986. S. 10.
- ²³ Davydenko L.M. Kriminologičeskaja klassifikacija prestuplenij. S. 25.
- ²⁴ Sm.: Kriminologija: Učeb. / Pod red. A.I. Dolgovoj. S. 489.
- ²⁵ Sm.: Skomorohov R.V. K voprosu ob osnovanii kriminologičeskoj klassifikacii // Gosudarstvo i pravo. 2010. № 4. S. 40.

Некоторые аспекты законодательной регламентации отягчающих обстоятельств, связанных с категорией «доверие»

И.А. ДЕВЯТОВСКАЯ – соискатель кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова

В статье раскрывается сущность обстоятельства совершения преступления с использованием доверия, оказанного виновному в силу его служебного положения. Особое внимание автор уделяет соотношению данного признака с таким обстоятельством, как совершение преступления с использованием форменной одежды или документов представителя власти. Обосновывается целесообразность законодательной регламентации данных обстоятельств и подчеркивается главенствующая в них роль доверия, в связи с чем выдвигается предложение об изменении п. «н» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Кроме того, в статье анализируются случаи пересечения данных обстоятельств с обстоятельством, закрепленным в п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Ключевые слова: доверие; использование служебного положения; форменная одежда представителя власти; документы представителя власти.

Some aspects of legal regulation of aggravating circumstances connected with the category of «trust»

I.A. DEVYATOVSKAYA – an aspirant of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov

The article discloses the gist of the circumstance of «committing a crime with the use of trust rendered to the guilty by virtue of his official position». A special attention is given to the co-relation of this circumstance with that of «committing a crime with the use of uniform or documents of the representative of authority». The author proves the necessity of the legal regulation of the above mentioned circumstances, underlines the domineering role of trust in them and therefore suggests making appropriate changes in item «n» part 1 article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article furthermore deals with the cases of «overlapping» of these circumstances with the one stipulated by item «o» part 1 article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: trust; taking advantage of official position; uniform of the representative of authority; documents of the representative of authority.

В закрепленном в ч. 1 ст. 63 УК РФ перечне отягчающих обстоятельств категория «доверие» упоминается в п. «м»: «совершение преступления с использованием доверия, оказанного виновному в силу его служебного положения или договора». В рамках статьи мы хотели бы остановить свое внимание на такой разновидности данного обстоятельства, как «использование доверия, оказанного виновному в силу его служебного положения», оценить ее сущность и соотношение с другими отягчающими обстоятельствами, связанными с категорией «доверие».

Интересующее нас отягчающее обстоятельство является средством индивидуализации наказания в силу своей принадлежности к перечню, содержащемуся в ч. 1 ст. 63 УК РФ. В то же время «использование лицом своего служебного положения» является обстоятельством-признаком состава

преступления: в одних случаях это обязательный признак состава преступления (например, ст. 170 УК РФ), в других – квалифицирующее обстоятельство, то есть средство дифференциации (например, п. «в» ч. 2 ст. 229 УК РФ). Однако независимо от выполняемой функции сущность остается неизменной, поэтому все, что касается содержания признака «использование лицом своего служебного положения» и отражения в нем категории «доверие», применимо и к аналогичному отягчающему обстоятельству.

Служебное положение лица определяется его правовым статусом, который включает в себя права, обязанности, гарантии и принципы деятельности и устанавливается нормативными актами для конкретной категории лиц. После того как лицо занимает определенное служебное положение, оно наделяется служебными полномочиями, ко-

которые являются составной частью статуса лица и представляют собой право (и одновременно обязанность) действовать в определенной ситуации способом, предусмотренным нормативным актом¹.

Использовать служебное положение при совершении преступления можно путем злоупотребления им или превышения, суть которых раскрывается в п. 15 и 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»².

Одни авторы считают, что субъект, обладая на службе определенным авторитетом, может использовать свое служебное положение и путем оказания влияния на лиц, с которыми он связан по службе, то есть имеет возможности, которые отсутствуют у других лиц, не состоящих на данной службе³.

Другие исследователи придерживаются узкой трактовки термина «использование служебного положения», понимая под ним совершение только таких действий, которые входят в служебную компетенцию лица⁴.

На наш взгляд, следует признать правильной первую из приведенных точек зрения, что подтверждается и судебной практикой⁵, и рассматривать как использование служебного положения возможность злоупотребления им, его превышения, применения имеющегося в связи со служебной деятельностью авторитета. В связи с этим вызывает сомнение трактовка п. «м» ч. 1 ст. 63 УК РФ, данная Верховным Судом РФ по одному из уголовных дел, в соответствии с которой использование служебного положения ограничено лишь возможностью злоупотребления им⁶. Особо подчеркнем, что между использованием служебного положения и преступлением должна наличествовать связь, «при которой данное преступление было необходимо сопряжено с совершением каких-либо действий (бездействий) по службе или использованием служебного авторитета, зависимости и пр.»⁷. При отсутствии такой связи признак «использование лицом своего служебного положения» не может быть вменен.

Как нам представляется, служебное положение обоснованно закреплено в уголовном законе как одно из оснований возникновения отношений доверия, поскольку в сознании людей служащие олицетворяют государство, от имени которого действуют, и, обращаясь к ним за помощью, граждане расположены открыто, так как надеются на поддержку. «При этом полномочия по службе определяют доверие потерпевшего

скорее не к самому субъекту, а к его статусу и функциям»⁸. С другой стороны, и государство для выполнения различных своих функций также вынуждено доверять лицам, состоящим у него на службе.

Следуя разъяснениям Верховного Суда РФ, данным в п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм», «использование служебного положения» должно вменяться и в том случае, когда лицо использует форменную одежду и атрибутику, служебное удостоверение⁹. В то же время в п. «н» ч. 1 ст. 63 УК РФ зафиксировано такое обстоятельство, как «совершение преступления с использованием форменной одежды или документов представителя власти». В ситуации когда виновный, являясь представителем власти, использует свою форменную одежду и документы при совершении преступления, возникает вопрос, какое из обстоятельств применить – использование форменной одежды или документов представителя власти или использование служебного положения (так как представитель власти относится к субъектам, которые им обладают). Для ответа проанализируем сущность обстоятельства, закрепленного в п. «н» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Совершение преступления с использованием форменной одежды или документов представителя власти не зафиксировано в статьях Особенной части УК РФ в качестве признака состава преступления и является лишь средством индивидуализации наказания. Определение первостепенного для данного обстоятельства термина «представитель власти» сформулировано в примечании к ст. 318 УК РФ. Не ставя целью анализ проблемных моментов, связанных с понятием «представитель власти», мы лишь отметим, что данные лица располагают властными полномочиями публичного характера.

В п. «н» ч. 1 ст. 63 УК РФ содержится указание на два альтернативных обстоятельства: использование форменной одежды представителя власти и использование документов представителя власти. Что касается первого, то здесь необходимо выяснить, что означает термин «форменная одежда». Анализ существующей нормативной базы показал, что единого определения данного понятия нет, однако наиболее полно оно раскрывается следующим образом: форменная одежда – предназначенный для ношения комплект предметов одежды и обуви (обмундирование), а также снаряже-

ния, унифицированный по комплексу существенных внешних признаков (конструкции и цвету одежды и обуви, различительным элементам установленных цветов, фурнитуре и погонам (наплечным знакам) установленных образцов)¹⁰. Цели ее ношения заключаются в отражении принадлежности лица к службе и осуществлении им официального представительства от имени данного ведомства (службы)¹¹.

Как правило, находиться в форменной одежде сотрудники могут лишь при исполнении служебных обязанностей¹², однако носить форменную одежду вправе и лица, не состоящие на службе, но имеющие заслуги перед определенным ведомством (службой)¹³. Кроме того, форменная одежда выдается не всем сотрудникам одного ведомства (службы)¹⁴. Таким образом, получение форменной одежды связано с поступлением лица на службу и занятием им в связи с этим определенного служебного положения.

Поскольку круг лиц, которые могут носить форменную одежду, определен нормативно¹⁵, а за ее незаконное ношение установлена административная ответственность¹⁶, можно, на наш взгляд, согласиться с теми авторами, кто считает, что форменная одежда официальна и является символом власти¹⁷.

Второй вариант, о котором идет речь в п. «н» ч. 1 ст. 63 УК РФ, – использование документов представителя власти. Под документом в уголовном праве понимается созданный человеком материальный носитель с зафиксированной на нем информацией, которая имеет юридическое значение, обладающий необходимыми реквизитами и составленный по установленной нормативными актами форме¹⁸. Документы представителя власти (например, служебное удостоверение сотрудника полиции) относятся к числу официальных¹⁹ и обладают всеми необходимыми признаками: выражены в установленной форме с соблюдением необходимых реквизитов и порядка их удостоверения, имеют юридическое значение (способствуют возникновению, изменению или прекращению правоотношений), исходят от компетентных субъектов (органов законодательной, исполнительной или судебной власти, государственных, надзорных, правоохранительных, контролирующих органов).

Именно специфика субъекта, выдавшего документ, вызывает доверие как к информации, содержащейся в нем, так и к лицу, им обладающему (независимо от того, является документ подлинным или поддельным, но с высокой степенью сходства с подлинником), что способствует реализации преступного

намерения виновного. Данный вывод подтверждается и судебной практикой²⁰.

Лицу, которое носит форменную одежду или предъявляет документы представителя власти, в силу предписаний закона необходимо подчиняться, но в то же время можно доверять и рассчитывать на помощь. Как и в случае с рассмотренным обстоятельством, закрепленным в п. «м» ч. 1 ст. 63 УК РФ, доверие связано со спецификой осуществления субъектами функций от имени государства, которое в качестве своей обязанности провозглашает соблюдение, защиту прав и свобод человека и гражданина (ст. 2 Конституции Российской Федерации).

На наш взгляд, проведенный анализ закрепленного в п. «н» ч. 1 ст. 63 УК РФ обстоятельства позволяет сделать вывод о том, что способствует совершению преступления не наличие формы или документов представителя власти как таковых, а использование доверия, которое в связи с этим оказывается виновному. Данной позиции придерживаются и суды²¹. В связи с этим предлагаем изложить п. «н» ч. 1 ст. 63 УК РФ следующим образом: «совершение преступления с использованием доверия, оказанного виновному в силу нахождения его в форменной одежде или с документами представителя власти».

Обоснованные нами выше выводы подчеркивают связь обстоятельств «использование служебного положения» и «использование форменной одежды или документов представителя власти», но не означают их единства. Так, на практике могут возникнуть три ситуации «соприкосновения» исследуемых признаков. Во-первых, представитель власти, находясь при исполнении служебных обязанностей в форме или предъявляя свои документы, совершает преступление с использованием служебного положения. Фактически здесь будут иметь место оба признака – и п. «м», и п. «н» ч. 1 ст. 63 УК РФ, однако, на наш взгляд, действия лица должны быть квалифицированы по п. «м» ч. 1 ст. 63 УК РФ, поскольку служебное положение первостепенно по отношению к форменной одежде или документам, которые лишь подтверждают его наличие.

Во второй ситуации лицо надевает форму или предъявляет документы (как подлинные, так и поддельные) представителя власти, таковым не являясь или являясь представителем власти, но не находясь при исполнении служебных обязанностей, что способствует совершению преступления. Поскольку лицо не относится к субъектам, которые могут использовать свое служеб-

ное положение, в силу того что не является представителем власти вообще или в данное время не исполняет служебные обязанности, предусмотренное п. «м» ч. 1 ст. 63 УК РФ обстоятельство будет отсутствовать, в то время как признак, закрепленный в п. «н» ч. 1 ст. 63 УК РФ, будет наличествовать. Указанной позиции придерживается и судебная практика по конкретным уголовным делам²².

В третьем случае лицо, являясь представителем власти, но не находясь в форме и не предъявляя документов, использует доверие, которое потерпевший оказал ему, заведомо зная о занимаемом виновным служебном положении. То есть имеет место обстоятельство, предусмотренное п. «м» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Таким образом, использование служебного положения и использование форменной одежды или документов представителя власти являются, на наш взгляд, самостоятельными, но пересекающимися обстоятельствами, каждое из которых имеет основания для своей законодательной регламентации.

В связи с появлением нового отягчающего обстоятельства – совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел (п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ) – возникает проблема установления его соотношения с рассмотренными выше обстоятельствами. Соглашаясь с теми авторами, которые считают, что содержание п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ противоречит принципам российского и международного права, в связи с чем это положение должно быть исключено из УК РФ²³, мы тем не менее не можем игнорировать тот факт, что в настоящее время данное отягчающее обстоятельство призна-

но Конституционным судом РФ не противоречащим Конституции Российской Федерации. В своем решении Конституционный суд РФ указал, что совершение сотрудником органа внутренних дел умышленного преступления способствует формированию негативного отношения к данному органу и институтам государственной власти в целом²⁴. Однако, на наш взгляд, речь идет, как и применительно к ранее исследованным обстоятельствам, о подрыве доверия к государству, от имени которого действует сотрудник ОВД.

Данный признак интересует нас в двух случаях: когда сотрудником ОВД, являющимся представителем власти, совершается умышленное преступление, способствует которому использование доверия, оказанного виновному в силу его служебного положения, и когда сотрудник ОВД, являющийся представителем власти, не находясь при исполнении служебных обязанностей, совершает умышленное преступление, используя доверие, оказанное ему в связи с нахождением его в форме или с документами представителя власти. В обеих ситуациях возникает вопрос о том, какое из отягчающих обстоятельств – п. «м», п. «н» или п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ – должно быть применено.

На наш взгляд, совершению данных преступлений способствует наличие доверия, оказанного виновному, причиной появления которого в первом случае является занимаемое им служебное положение, а во втором – нахождение в форме или с документами представителя власти, в связи с чем в анализируемых ситуациях необходимо применять п. «м» и «н» ч. 1 ст. 63 УК РФ соответственно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. М., 2006. С. 654.

² См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.

³ См., напр.: Ремизов М.В. Проблемы толкования квалифицирующего признака «совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения» // Актуальные вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники в уголовном праве и процессе: Сб. науч. статей / Под ред. Л.Л. Кругликова. Ярославль, 2004. С. 124; Соловьев В.И. Ответственность за злоупотребления служебным положением и приписки. М., 1963. С. 65.

⁴ См., напр.: Аснис А. Использование служебного положения // Законность. 2004. № 10. С. 46; Волженкин Б.В. Служебные преступления. М., 2000. С. 127.

⁵ См., напр.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4.

⁶ См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 22.12.2004 г. по делу № 51-004-90 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Ремизов М.В. Проблемы толкования квалифицирующего признака «совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения». С. 124.

¹ См.: Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. М., 2006. С. 654.

² См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.

³ См., напр.: Ремизов М.В. Проблемы толкования квалифицирующего признака «совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения» // Актуальные вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники в уголовном праве и процессе: Сб. науч. статей / Под ред. Л.Л. Кругликова. Ярославль, 2004. С. 124; Соловьев В.И. Ответственность за злоупотребления служебным положением и приписки. М., 1963. С. 65.

⁴ См., напр.: Аснис А. Использование служебного положения // Законность. 2004. № 10. С. 46; Волженкин Б.В. Служебные преступления. М., 2000. С. 127.

⁵ См., напр.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4.

⁶ См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 22.12.2004 г. по делу № 51-004-90 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Ремизов М.В. Проблемы толкования квалифицирующего признака «совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения». С. 124.

⁸ Таратунин Б.К., Цепляева Г.И. Мошенничество или грабеж? // Уголовный процесс. 2005. № 2. С. 5.

⁹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 3.

¹⁰ См.: Описание форменной одежды сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (утв. Постановлением Правительства РФ от 13.10.2011 г. № 835) // СЗ РФ. 2011. № 43. Ст. 6072; Описание форменной одежды судебных приставов и иных должностных лиц Федеральной службы судебных приставов (утв. Постановлением Правительства РФ от 26.07.2010 г. № 540) // Там же. 2010. № 31. Ст. 4239.

¹¹ См., напр.: Федеральный закон от 17.11.2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Ст. 15. П. 1 // Российская газета. 2011. 7 дек.

¹² См., напр.: Федеральный закон от 04.06.1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах». Ст. 4 // Там же. 1997. 5 авг.

¹³ См., напр.: Федеральный закон от 22.12.2010 № 403-ФЗ «О следственном комитете Российской Федерации». Ст. 24. П. 3 // Там же. 2010. 30 дек.

¹⁴ См.: Положение об обеспечении форменной одеждой сотрудников Следственного комитета Российской Федерации (утв. Постановлением Правительства РФ от 22.12.2011 г. № 1088. П. 4, 9) // СЗ РФ. 2012. № 1. Ст. 133.

¹⁵ См., напр.: Федеральный закон от 28.01.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Российская газета. 2011. 8 фев.; Федеральный закон от 17.03.1999 г. № 77-ФЗ «О ведомственной охране» // Там же. 1999. 20 апр.

¹⁶ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Ст. 17.12 // Там же. 2001. 31 дек.

¹⁷ См.: Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 267.

¹⁸ См.: Сабитова Е.Ю. Документы как признак преступлений в сфере экономики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. С. 6–7.

¹⁹ См., напр.: Бриллиантов А. Критерии официального документа // Уголовное право. 2010. № 5. С. 4–7.

²⁰ См., напр.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 04.03.2003 г. по делу № 05-о02-265 // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 13.04.2005 г. № 23-005-11 // Там же.

²² См., напр.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 05.04.2010 г. № 45-010-12 // Там же; Кассационное определение Верховного Суда РФ от 29.11.2007 г. № 48-О07-99 // Там же.

²³ См., напр.: Скобликов П. Служба в органах внутренних дел как обстоятельство, отягчающее наказание // Уголовное право. 2010. № 6. С. 46–49.

²⁴ См.: Определение Конституционного суда РФ от 08.12.2011 г. № 1623-О-О «По запросу Лабитнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта "о" части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Taratunin B.K., Ceplyajeva G.I. Moshennichestvo ili grabezh? // Uголовnyj process. 2005. № 2. S. 5.

⁹ Sm.: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 17.01.1997 g. № 1 «O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za banditizm» // Bjulleten' Verhovnogo Suda RF. 1997. № 3.

¹⁰ Sm.: Opisanie formennoj odezhdy sotrudnikov organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii (utv. Postanovleniem Pravitel'stva RF ot 13.10.2011 g. № 835) // SZ RF. 2011. № 43. St. 6072; Opisanie formennoj odezhdy sudebnyh pristavov i inyh dolzhnostnyh lic Federal'noj sluzhby sudebnyh pristavov (utv. Postanovleniem Pravitel'stva RF ot 26.07.2010 g. № 540) // Tam zhe. 2010. № 31. St. 4239.

¹¹ Sm., napr.: Federal'nyj zakon ot 17.11.2011 g. № 342-FZ «O sluzhbe v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii». St. 15. P. 1 // Rossijskaja gazeta. 2011. 7 dek.

¹² Sm., napr.: Federal'nyj zakon ot 04.06.1997 g. № 118-FZ «O sudebnyh pristavah». St. 4 // Tam zhe. 1997. 5 avg.

¹³ Sm., napr.: Federal'nyj zakon ot 22.12.2010 № 403-FZ «O sledstvennom komitete Rossijskoj Federacii». St. 24. P. 3 // Tam zhe. 2010. 30 dek.

¹⁴ Sm.: Polozhenie ob obespechenii formennoj odezhdoj sotrudnikov Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii (utv. Postanovleniem Pravitel'stva RF ot 22.12.2011 g. № 1088. P. 4, 9) // SZ RF. 2012. № 1. St. 133.

¹⁵ Sm., napr.: Federal'nyj zakon ot 28.01.2011 g. № 3-FZ «O policii» // Rossijskaja gazeta. 2011. 8 fev.; Federal'nyj zakon ot 17.03.1999 g. № 77-FZ «O vedomstvennoj ohrane» // Tam zhe. 1999. 20 apr.

¹⁶ Sm.: Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarushenijah. St. 17.12 // Tam zhe. 2001. 31 dek.

¹⁷ Sm.: Kругликов Л.Л., Spiridonova О.Е. Juridicheskie konstrukcii i simvolj v ugovolnom prave. SPb., 2005. S. 267.

¹⁸ Sm.: Sabitova E.Ju. Dokumenty kak priznak prestuplenij v sfere jekonomiki: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Cheljabinsk, 2003. S. 6–7.

¹⁹ Sm., napr.: Brilliantov A. Kriterii oficial'nogo dokumenta // Uголовnoe pravo. 2010. № 5. S. 4–7.

²⁰ Sm., napr.: Kassacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 04.03.2003 g. po delu № 05-о02-265 // SPS «Konsul'tantPljus».

²¹ Sm.: Kassacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 13.04.2005 g. № 23-005-11 // Там же.

²² Sm., napr.: Kassacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 05.04.2010 g. № 45-010-12 // Там же; Kassacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 29.11.2007 g. № 48-О07-99 // Там же.

²³ Sm., napr.: Skoblikov P. Sluzhba v organah vnutrennih del kak obstojatel'stvo, otjagchajuwee nakazanie // Uголовnoe pravo. 2010. № 6. S. 46–49.

²⁴ Sm.: Opredelenie Konstitucionnogo suda RF ot 08.12.2011 g. № 1623-О-О «Po zaprosu Labytnangskogo gorodskogo suda Jamalo-Neneckogo avtonomnogo okruga o proverke konstitucionnosti punkta "o" chasti pervoj stat'i 63 Uголовnogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul'tantPljus».

Социальная защита населения как фактор современной уголовной политики Российской Федерации

В.И. ЖУРАВЛЕВ – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Российской международной академии туризма, кандидат юридических наук, доцент

Статья посвящена рассмотрению взаимосвязи между социальной защитой населения в современной России и уголовной политикой, реализуемой государством. Автором раскрываются социально-экономические факторы криминализации российского общества. Отмечается необходимость укрепления гарантий социальной защищенности населения, реализации провозглашаемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод, в том числе в социальной сфере, обеспечения равноправия граждан в целях недопущения роста преступности.

Ключевые слова: социальная защита; уголовная политика; конституционные права и свободы; криминализация общества; социальное обеспечение

Social protection of the population in the Russian Federation: constitutional aspect

V.I. ZHURAVLYOV – associate Professor of Public Law Subjects of the Russian International Academy of Tourism, the candidate of jurisprudence, senior lecturer

Article is devoted to review the interrelation between social protection of the population in modern Russia and the criminal policy realized by the state. The author depicts socio-economic factors of criminalization of the Russian society and reveals the need of strengthening of guarantees of social security for the population, realization of proclaimed by the constitution of the Russian Federation of the rights and freedoms including the social sphere, ensuring equality of citizens with a goals of prevention of crime.

Key words: social protection; criminal policy; constitutional laws and freedoms; society criminalization; social security

Проблема криминализации российского общества на сегодняшний день стоит достаточно остро. Нет сомнений, что преступность порождается причинами социального характера, среди которых следует выделить слабую и несбалансированную социальную политику государства, расслоение населения по уровню доходов, отсутствие позитивно ориентированной объединяющей идеологии в работе с подрастающим поколением, свертывание социальных программ, направленных на организацию досуга и отдыха подростков, их спортивного, патриотического воспитания, ослабление роли семьи в воспитании детей и, как следствие, повышение уровня социального сиротства, негативное влияние средств массовой информации.

Степень криминализации общественных отношений существенным образом зависит от уровня социального благополучия, который в свою очередь определяется обеспеченностью общества материальными и

духовными благами, создающими широкие возможности для всестороннего развития личности каждого из его членов. В нынешней финансовой ситуации, характеризующейся ростом безработицы и снижением уровня производства, вопросы преодоления последствий кризиса 2008 г. в обществе особенно актуальны и требуют научного осмысления и повышенного внимания. Изменить положение возможно только посредством грамотной государственной социальной политики.

Государство имеет многовековые традиции в обеспечении социальной защиты населения. В современной России мы наблюдаем, как заново складывается соответствующая система. Процесс ее формирования тесно связан с политическими, экономическими реформами.

Говоря о защите прав, свобод и интересов граждан, всегда нужно помнить о главном законе страны – Конституции Российской Федерации. Достойная заработная

плата, пенсии, пособия, уверенность каждого гражданина страны в завтрашнем дне – все это гарантируется в ст. 7 Конституции Российской Федерации и составляет основополагающие принципы внутренней политики¹. Однако следует отметить, что данные ориентиры, закрепленные Конституцией Российской Федерации в социальной сфере, получили недостаточное развитие в действующем законодательстве. «Законодательная база по вопросам социальной политики недостаточно быстро развивается, ее в полной мере не касается процесс модернизации, и здесь еще работы непочтый край. Социальное многообразие стало решающим фактором развития личности, группы, этноса, стало влиять на развитие демократических государств», – отметил на экономическом форуме в Ярославле 8 сентября 2011 г. Президент Российской Федерации Д.А. Медведев. Глава полагает, что «государство должно подстраиваться под современную жизнь, быть адекватным и беречь и преумножать социальное многообразие»². Очевидна потребность в реформах, направленных на защиту необеспеченных слоев населения.

Основной закон Российской Федерации закрепляет основы конституционного строя страны, национально-государственное и административное устройство, организацию и принципы деятельности системы государственной власти и органов местного самоуправления. В Конституции Российской Федерации есть статьи о правовом положении граждан, их правах, свободах, обязанностях. Сама ее структура подчеркивает приоритет демократического строя.

В условиях современной рыночной экономики явно видно различие в уровне жизни социальных групп. Одна из задач социальной политики – смягчение этих различий. Это достигается путем реализации социального обеспечения: государственной помощи семьям, имеющим детей, установления надбавок к пенсиям на содержание нетрудоспособных инвалидов, предоставления пособий одиноким матерям или отцам и т.д.

В нашей стране действуют следующие общеправовые принципы, оказывающие наибольшее влияние на правовое регулирование общественных отношений в социальной сфере: равноправие граждан, гарантированность их прав, гуманизм, справедливость, всеобщность, доступность, связь с уровнем оплаты труда.

Равноправие граждан – это правовой принцип, закрепленный в ст. 19 Конституции

Российской Федерации. Он определяется как равенство прав, обязанностей и ответственности, отсутствие в законодательстве ограничений или привилегий для каких-либо категорий граждан и является принципом прямого действия. Все виды обеспечения в равной степени распространяются на всех граждан вне зависимости от расовой и национальной принадлежности, происхождения, социального положения, образования, отношения к религии, места жительства и т.д.

Гарантированность прав граждан в области социального обеспечения осуществляется путем обоснования этих прав в Конституции Российской Федерации и других нормативно-правовых актах³, но их объем и реализация не должны находиться в зависимости от решений должностных лиц и отдельных государственных органов.

Существенной для граждан гарантией выступает установление судебного порядка разрешения большинства споров, связанных с социальным обеспечением. Позитивным является тот факт, что в законодательство введены нормы о пересмотре размеров пенсий по мере изменения стоимости жизни, что гарантирует защищенность населения, особенно в период экономического кризиса.

Реализация гражданами своего права имеет смысл не сама по себе, а только если при этом достигается ожидаемый социальный эффект. Главная цель всего законодательства о социальном обеспечении – содействие повышению благосостояния народа, его жизненного уровня, предоставление необходимых средств в таком объеме, чтобы обеспечить гражданам достойное существование. Анализ достигнутого уровня социального обеспечения показывает, что даже после повышения размеров многих выплат далеко не всегда можно говорить о достаточности соблюдения гарантий. В основу всех расчетов положен минимальный размер зарплаты, который намного ниже прожиточного минимума, что свидетельствует об отступлении от принципа гарантированности права граждан на материальное обеспечение в достаточных размерах.

Справедливость данного принципа одинаково значима для всех видов социальных норм. Применительно к социальному обеспечению рассматриваемое положение можно трактовать как принцип справедливого распределения, который может быть реализован двояко: по вкладу или по потребности. В оптимальном сочетании данных подходов и кроется критерий справед-

ливости (учет продолжительности трудовой деятельности, размер заработка, характер и условия труда, с одной стороны, и удовлетворение социально-культурных потребностей, обеспечение равных возможностей вклада на основе реальных потребностей – с другой). Обязательным требованием является соблюдение очередности при предоставлении дефицитных благ и услуг (тех, которых нет в достаточном количестве) с установлением льгот по социально значимым признакам получателей.

Принцип гуманизма – это уважение достоинства личности. Он составляет одну из ведущих идей законодательства любого цивилизованного государства. По мнению известного специалиста в области конституционного права профессора В.В. Мамонова, с которым мы солидарны, «уже сам факт провозглашения закрепления права на материальное обеспечение и социальную помощь лицам, нуждающимся в них, является проявлением гуманизма»⁴.

Таким образом, социальное обеспечение – это система общественных отношений по

предоставлению гражданам благ за счет общественных фондов потребления. Способы социального обеспечения различны: необходимые средства или предоставляются гражданам в виде денежных выплат (пенсий, пособий, определенных льгот), или направляются на создание и развитие систем здравоохранения, просвещения, жилищного хозяйства и т.д.

Социальная политика является приоритетным направлением деятельности государства, необходимым для построения правового демократического общества, где нужды и запросы населения, его материальные, духовные потребности находятся на одном из первых мест по значимости. Конституция, конституционные, федеральные законы Российской Федерации создают систему мер правового социально-экономического и организационного характера, направленную на обеспечение достойной жизни человека, то есть установление его материальной обеспеченности на уровне стандартов современного развития общества и свободного развития человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Конституция Российской Федерации от 25.12.1993 г., с изменениями от 30.12.2008 г. // Российская газета. 1993. 25 дек.

² Медведев Д.А. Национальное многообразие России – не только вызов, но и преимущество. <http://regnum.ru/news/fd-abroad/society/1443489.html>

³ См.: Декларация прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации от 22.11.1991 г. Ст. 26 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1991. № 52; Федеральный закон Российской Федерации от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // СПС «Гарант»; Федеральный закон Российской Федерации от 02.08.1995 г. № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» (в ред. от 10.01.2003 г., 22.08.2004 г.). <http://www.rg.ru/1995/08/04/socobslyuzhivanie-dok.html>; Федеральный закон Российской Федерации от 12.01.1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» (ред. от 16.11.2011 г.). <http://www.referent.ru/1/67168> и др.

⁴ Мамонов В.В. Государственный суверенитет и территориальная целостность – главные принципы современной российской государственности // Государство и право. 2004. № 10.

¹ См.: Konstitucija Rossijskoj Federacii ot 25.12.1993 g., s izmenenijami ot 30.12.2008 g. // Rossijskaja gazeta. 1993. 25 dek.

² Medvedev D.A. Nacional'noe mnogoobrazie Rossii – ne tol'ko vyzov, no i preimuwestvo. <http://regnum.ru/news/fd-abroad/society/1443489.html>

³ См.: Deklaracija prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii ot 22.11.1991 g. St. 26 // Vedomosti SND i VS RF. 1991. № 52; Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 24.11.1995 g. № 181-FZ «O social'noj zawite invalidov v Rossijskoj Federacii» // SPS «Garant»; Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 02.08.1995 g. № 122-FZ «O social'nom obsluzhivanii grazhdan pozhilogo vozrasta i invalidov» (v red. ot 10.01.2003 g., 22.08.2004 g.). <http://www.rg.ru/1995/08/04/socobslyuzhivanie-dok.html>; Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 12.01.1995 g. № 5-FZ «O veteranah» (red. ot 16.11.2011 g.). <http://www.referent.ru/1/67168> i dr.

⁴ Mamonov V.V. Gosudarstvennyj suverenitet i territorial'naja celostnost' – glavnye principy sovremennoj rossijskoj gosudarstvennosti // Gosudarstvo i pravo. 2004. № 10.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Право осужденных на передвижение без конвоя или сопровождения: социально-правовая сущность, проблемы применения и правового регулирования

О.Н. УВАРОВ – заместитель начальника УФСИН России по Томской области

В статье определяется место бесконвойного передвижения в системе уголовно-исполнительного права. Автор рассматривает бесконвойное передвижение как субинститут уголовно-исполнительного права и в рамках системы стимулирования правопослушного поведения осужденных, в связи с чем предлагает внести в уголовно-исполнительное законодательство некоторые изменения и дополнения.

Ключевые слова: институт и субинститут права; субъективное право и законный интерес; правовой стимул; бесконвойное передвижение осужденных.

Social and legal essence, the present state and possibilities to provide the prisoners with the right of movement without escort

O.N. UVAROV – the deputy head of department of Federal Penitentiary Service of Russia for Tomsk region, the colonel of internal service

A place of movement without escort in the system of the Criminal Executive Law is the main point of the article. It is suggested, that the movement without escort is a sub-institute of the Criminal Executive Law that can be included in the law-obedient prisoners' behavior incitement system.

Key words: the rule of law; law institute and sub-institute; legal right and legitimate interest; legal incitement; prisoners' movement without escort.

Статья 96 УИК РФ, определяя условия и порядок передвижения осужденных к лишению свободы без конвоя или сопровождения, устанавливает, что оно может быть разрешено положительно характеризующимся осужденным, если это необходимо по характеру выполняемой ими работы. В этом случае осужденные проживают в отдельных жилых помещениях, в том числе и за пределами исправительного учреждения. Отменено же передвижение без конвоя или сопровождения может быть в случае нарушения осужденным правил внутреннего распорядка исправительных учреждений либо в случае изменения характера работ, выполняемых этим осужденным. Иными словами, осужденный при определенных

обстоятельствах получает право проживания и работы за пределами охраняемого периметра исправительного учреждения в условиях, которые значительно отличаются от условий обычного лишения свободы.

В ст. 12 УИК РФ, где закреплены основные права осужденных, и п. 11 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Минюста России от 03.11.2005 г. № 205, также отражающем права осужденных, нет упоминания о праве на бесконвойное передвижение. Вместе с тем администрацией исправительного учреждения передвижение без конвоя или сопровождения может быть разрешено положительно характеризующимся осужденным, когда это необходимо по харак-

теру выполняемой осужденными работы. Следовательно, исправительное учреждение не обязано предоставлять осужденным такое право в любом случае, а лишь тогда, когда возникнет необходимость выполнения определенной работы. Иначе оно предоставлялось бы всем и каждому, так как было бы неотъемлемым правом всех осужденных, пусть даже с какими-либо ограничениями, вызванными непосредственно личностью конкретного человека. Получается, что предоставление рассматриваемого права имеет иные основания, которые не столько связаны со степенью общественной опасности осужденного, совершенного им преступления и степенью его исправления, сколько исходят из соображений целесообразности (необходимости выполнения определенных хозяйственных задач). Администрация исправительного учреждения в лице начальника имеет право предоставить осужденному право передвижения без конвоя и лишить его такого права. Осужденный же имеет законный интерес в приобретении права на бесконвойное передвижение, так как это предусматривает изменение его правового положения в сторону смягчения условий отбывания наказания и получения определенных льгот.

Таким образом, предоставление осужденному права бесконвойного передвижения не является субъективным правом осужденного, однако имеет признаки законного интереса, под которым в науке понимается простая правовая дозволенность, не предусматривающая указание действовать строго зафиксированным в законе образом, требовать соответствующего поведения от других лиц, нести конкретные юридические обязанности, обеспечивающие такую дозволенность¹.

Однако, как представляется, в этом есть некоторое противоречие, которое связано прежде всего с тем обстоятельством, что законный интерес в приобретении права на бесконвойное передвижение у осужденного может возникнуть только в случае, когда будет обусловлен необходимостью проведения работ за пределами исправительного учреждения. Причем только администрация исправительного учреждения имеет право на определение такой необходимости. Например, в случае если за пределами исправительного учреждения имеется необходимость проведения определенных видов работ, выраженная пусть в небольшом, но постоянном количестве рабочих мест, осужденные, осознавая, что всем эти места не

получить, реализуют свой законный интерес через реальное стремление максимально соответствовать требованиям, предъявляемым к ним условиями предоставления права бесконвойного передвижения (положительная характеристика и трудовая квалификация). Когда же за пределами исправительного учреждения отсутствует необходимость проведения каких-либо работ, законный интерес представляется несколько иным.

Соблюдать свои и чужие законные интересы – это значит как раз обеспечивать баланс, выдерживать соотношение между своими правами и свободами и правами и свободами другого человека, сообщества². Когда возможность реализации законного интереса осужденного, как, например, при бесконвойном передвижении, напрямую зависит от организации работ и рабочих мест за пределами исправительного учреждения, а до этого такой законный интерес не может быть реализован никакими усилиями осужденного, баланс, как представляется, может быть нарушен.

То есть бесконвойное передвижение – это такой законный интерес, который существует лишь в случае возникновения необходимости проведения работ за пределами исправительного учреждения. Поэтому он, как нам видится, имеет два этапа своей реализации:

- абстрактный законный интерес (когда нет конкретной работы или иных оснований);
- конкретный законный интерес, связанный с определенным видом работ в определенном месте.

Вместе с тем наличие законного интереса должно побуждать осужденного к послушному поведению в ходе стремления к достижению условий его реализации и в конечном счете к исправлению. Однако не реализованный абстрактный законный интерес из-за отсутствия работы в условиях бесконвойного передвижения не дает соответствующего повода.

В ходе исследования рассматриваемого вопроса нами был проведен опрос осужденных, отбывающих наказание в исправительных колониях общего (110 чел.) и строгого (133 чел.) режимов. Респонденты отвечали на вопрос «Хотели бы Вы отбывать наказание на условиях передвижения без конвоя или нет?». Причем для осужденных основным критерием предоставления права передвижения без конвоя определялось положительное поведение в период отбывания наказания и приобретение необхо-

димых профессии и навыков. Результаты опроса показывают, что хотел бы отбывать наказание на бесконвойном передвижении в оговоренных условиях 81% опрошенных, не хотели бы 19%. Исходя из этого, можно утверждать, что стремление осужденных к приобретению такого права может стимулировать правопослушное поведение.

Как известно, правовой стимул – это правовое побуждение к законопослушному поведению, создающее для удовлетворения собственных интересов субъекта режим благоприятствования. Общие признаки правовых стимулов заключаются в следующем:

- они связаны с благоприятными условиями для осуществления собственных интересов личности, так как выражаются в обещании либо предоставлении ценностей, а иногда в отмене либо снижении меры лишения ценностей (например, отмена или снижение меры наказания есть стимул);
- информируют о расширении объема возможностей, свободы, ибо формами их проявления выступают субъективные права, законные интересы, льготы, поощрения;
- обозначают собой положительную правовую мотивацию;
- предполагают повышение позитивной активности;
- направлены на упорядоченное изменение общественных отношений, выполняют функцию развития социальных связей³.

При рассмотрении предоставления осужденному права передвижения без конвоя или сопровождения представляется обоснованным утверждать, что данному явлению присущи изложенные признаки. Получается, что предоставление осужденному права на бесконвойное передвижение выступает правовым стимулом.

Как правовой стимул, оно по объему относится к частичным, по времени действия – к временным, по содержанию обладает как материально-правовым, так и морально-правовым характером⁴. Далее логично рассмотреть его место в системе правового регулирования в сфере исполнения лишения свободы и в системе уголовно-исполнительного права.

Порядок и условия предоставления права передвижения без конвоя или сопровождения регулируются не одной нормой и имеют относительную автономию. При этом нас интересует вопрос, является ли совокупность норм уголовно-исполнительного права, объединенных термином «предоставление осужденным права передвижения за пределами исправительного учреждения

без конвоя или сопровождения», институтом уголовно-исполнительного права.

Институту права как основному элементу системы права свойственны однородность фактического содержания, юридическое единство, полнота регулируемых отношений. Как представляется, совокупность норм уголовно-исполнительного права, определяющих порядок и условия предоставления осужденным права передвижения без конвоя, не в полной мере обладает свойствами института права и не характеризуется обособленностью. Например, передвижение без конвоя имеет признаки правового стимула и в то же время является формой удовлетворения хозяйственных или производственных потребностей исправительного учреждения. На наш взгляд, в отношении комплекса правовых норм, регламентирующих передвижение осужденных за пределами исправительного учреждения без конвоя или сопровождения, применимо понятие субинститута. Во-первых, имеет место регулирование самостоятельной, относительно обособленной группы отношений, связанных с нахождением осужденных к лишению свободы в особых условиях – без конвоя или сопровождения; во-вторых, рассматриваемые нормы образуют единый комплекс (определяют условия предоставления, реализации и отмены передвижения без конвоя), выражаются в общих положениях, специфических правовых понятиях, что создает определенный правовой режим, однако для института они недостаточно автономно и обширно регулируют комплекс прав и обязанностей субъектов правовых отношений.

Субинститут предоставления осужденным права передвижения за пределами исправительного учреждения без конвоя или сопровождения относится к отрасли уголовно-исполнительного права и является внутриотраслевым, имеет простую структуру, выполняет учредительные, регулятивные и охранительные функции. При этом исходя из легальных целей бесконвойного передвижения (ст. 96 УИК РФ: «если это необходимо по характеру выполняемой ими (осужденными) работы») представляется, что он в первую очередь должен быть отнесен к институту организации труда осужденных, а затем и к иным институтам уголовно-исполнительного права.

Бесконвойное передвижение осужденных в уголовно-исполнительном праве зачастую рассматривается в аспекте принадлежности к поощрительному институту и

институту стимулирования правопослушного поведения. Например, по мнению С.Л. Бабаяна, в уголовно-исполнительном праве в отношении осужденных к лишению свободы применяются такие поощрительные институты, как условно-досрочное освобождение от отбывания наказания; замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания; выезды (краткосрочные и длительные) за пределы исправительного учреждения; проживание за пределами исправительного учреждения осужденного, находящегося в облегченных или льготных условиях отбывания наказания; перевод из одного вида исправительного учреждения в другое с изменением условий содержания в лучшую сторону; перевод из одних условий отбывания наказания в другие с облегчением участи осужденного; передвижение осужденного без конвоя или сопровождения и др.⁵ Обосновывая свои выводы, С.Л. Бабаян приводит определение поощрения как метода правового регулирования, предложенное О.М. Киселевой: «Поощрение как метод правового регулирования – это способ правового воздействия, побуждающий субъектов к совершению определенных действий, полезных с точки зрения общества и государства, путем создания заинтересованности в получении дополнительных благ»⁶. Далее он высказывает мнение, что данный метод, используемый в уголовно-исполнительном праве, следует определить как один из специфических и действенных способов воздействия на поведение осужденных в процессе реализации уголовно-исполнительных правоотношений, так как он устраняет некоторые обременения или предоставляет им какие-либо блага⁷.

М.П. Мелентьев отмечал, что институт поощрения нашел свое выражение в поощрительных нормах, которые представляют собой особую разновидность стимулирующих норм⁸. Д.Н. Бахра усматривал наличие комплекса поощрительных норм, образующих межотраслевой правовой институт⁹. А.С. Михлин писал о том, что правовые институты уголовно-исполнительного права, применение которых связано с облегчением участи осужденного, предоставлением ему определенных благ, освобождением от обязанностей, можно отнести к числу поощрительных¹⁰. По мнению В.М. Баранова, стимулирование есть одно из тех диалектических понятий, которые выражают тождество, охватывают единство двух относительных противоположностей – поощрения и ответственности, причем если ответвен-

ность выступает негативной стороной метода стимулирования, то поощрение является собой его позитивную сторону¹¹. К.Э. Торган также считает, что стимулы – это способы позитивного и негативного воздействия¹². Некоторые авторы не делают особых различий между поощрением и стимулированием (например, В.И. Курилов¹³, Г.В. Хлыпин¹⁴).

Но правовая система мер стимулирования гораздо шире системы мер поощрения, которая в свою очередь включается в нее как элемент. Система мер стимулирования содержит в себе меры поощрения, потенциально стимулирующие меры и меры латентного стимулирования¹⁵. Стимулирование строится на мотивации личности получить определенные преференции исходя из ценностей, референтных для нее. Именно поэтому стимулы являются основой побуждения осужденного к активному поведению¹⁶. Их целью и выступает создание мотивации, направленной на социально активное поведение, обеспечение самостоятельности, свободы личности, проявление инициативы и творчества¹⁷.

В данном контексте субинститут предоставления осужденным права передвижения без конвоя или сопровождения, не являясь поощрением, может быть отнесен к институту стимулирования. Однако существующее в настоящее время нормативно-правовое регулирование передвижения без конвоя или сопровождения не признает такую форму стимулирования осужденных легальной, то есть прямо указанной в законе.

Латентное стимулирование при бесконвойном передвижении реально используется в практике исправительных учреждений. Оно может осуществляться в рамках существующих требований закона, однако недостатки правового закрепления бесконвойного передвижения в системе легального стимулирования осужденных ведут к нивелированию соответствующей функции ввиду доминирования хозяйственных задач, выполняемых осужденными.

Вместе с тем Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. в рамках совершенствования уголовно-исполнительной политики определяет основными задачами поиск и использование новых форм и методов исправительного воздействия на осужденных и дополнение существующей системы иными стимулами к правопослушному поведению и активной ресоциализации.

По итогам проведенного исследования считаем обоснованным рассматривать нормы законодательства, предоставля-

ющие осужденным к лишению свободы право на передвижение без конвоя или сопровождения, как субинститут уголовно-исполнительного права, который может быть включен в систему стимулирования право-покорного поведения. Этот подход, по

нашему мнению, должен быть воплощен на законодательном уровне с учетом, как и сегодня, целей выполнения хозяйственных задач и задач организации труда осужденных при предоставлении права на передвижение без конвоя или сопровождения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2001. С. 406.

² См.: Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учеб. для юридических вузов. М., 2000. С. 261.

³ См.: Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. С. 406.

⁴ См.: Там же. С. 407.

⁵ См.: Бабаян С. Поощрительные институты и их реализация при исполнении наказания в виде лишения свободы: Моногр. / Под общ. ред. Ю.В. Наумкина. М., 2009. С. 7.

⁶ Киселева О.М. Поощрение как метод правового регулирования: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 44.

⁷ См.: Бабаян С.Л. Поощрительные институты и их реализация при исполнении наказания в виде лишения свободы. С. 8–9.

⁸ См.: Мелентьев М.П. Функции советского исправительно-трудового права. Рязань, 1984. С. 30; Он же. Структура советского исправительно-трудового права. Рязань, 1981. С. 15.

⁹ См.: Бахра Д.Н. Поощрение в деятельности публичной администрации // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 15–17.

¹⁰ См.: Михлин А.С. Поощрительные институты и их место в уголовно-исполнительном праве // Реформа уголовно-исполнительной системы и ее правовое обеспечение. М., 1993. С. 11.

¹¹ См.: Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978. С. 6.

¹² См.: Торган К.Э. Правовые стимулы научно-технического процесса в производственном объединении. М., 1983. С. 6–8.

¹³ См.: Курилов В.И. Социально-правовые средства формирования поведения работников в сфере несамостоятельного труда // Правоведение. 1998. № 2. С. 5–8.

¹⁴ См.: Хлыпин Г.В. Правовые стимулы повышения трудовой активности рабочих и служащих // Проблемы совершенствования советского законодательства: Тр. ВНИИСЗ. М., 1983. Вып. 25. С. 157.

¹⁵ См.: Прохорова М.В. Организационно-правовые проблемы стимулирования позитивной активности осужденных в воспитательных колониях: Дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2010. С. 21–25.

¹⁶ См.: Там же.

¹⁷ См.: Гуменюк Т.А. Стимулирование правомерного поведения личности в условиях развитого социализма: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983. С. 5–7.

¹ См.: Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2001. С. 406.

² См.: Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учеб. для юридических вузов. М., 2000. С. 261.

³ См.: Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. С. 406.

⁴ См.: Там же. С. 407.

⁵ См.: Бабаян С. Поощрительные институты и их реализация при исполнении наказания в виде лишения свободы: Моногр. / Под общ. ред. Ю.В. Наумкина. М., 2009. С. 7.

⁶ Киселева О.М. Поощрение как метод правового регулирования: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 44.

⁷ См.: Бабаян С.Л. Поощрительные институты и их реализация при исполнении наказания в виде лишения свободы. С. 8–9.

⁸ См.: Мелентьев М.П. Функции советского исправительно-трудового права. Рязань, 1984. С. 30; Он же. Структура советского исправительно-трудового права. Рязань, 1981. С. 15.

⁹ См.: Бахра Д.Н. Поощрение в деятельности публичной администрации // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 15–17.

¹⁰ См.: Михлин А.С. Поощрительные институты и их место в уголовно-исполнительном праве // Реформа уголовно-исполнительной системы и ее правовое обеспечение. М., 1993. С. 11.

¹¹ См.: Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978. С. 6.

¹² См.: Торган К.Э. Правовые стимулы научно-технического процесса в производственном объединении. М., 1983. С. 6–8.

¹³ См.: Курилов В.И. Социально-правовые средства формирования поведения работников в сфере несамостоятельного труда // Правоведение. 1998. № 2. С. 5–8.

¹⁴ См.: Хлыпин Г.В. Правовые стимулы повышения трудовой активности рабочих и служащих // Проблемы совершенствования советского законодательства: Тр. ВНИИСЗ. М., 1983. Вып. 25. С. 157.

¹⁵ См.: Прохорова М.В. Организационно-правовые проблемы стимулирования позитивной активности осужденных в воспитательных колониях: Дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2010. С. 21–25.

¹⁶ См.: Там же.

¹⁷ См.: Гуменюк Т.А. Стимулирование правомерного поведения личности в условиях развитого социализма: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983. С. 5–7.

Свобода совести и свобода вероисповедания осужденных: исходные понятия и их закрепление в уголовно-исполнительном праве

А.М. РУДАКОВ – научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России

В статье рассматривается свобода совести – фундаментальный институт в структуре правового статуса человека. Автором отмечается, что законодательство только упоминает эту правовую категорию, но не раскрывает порядок реализации человеком соответствующего права, в связи с чем свобода совести зачастую отождествляется со свободой вероисповедания, что ошибочно, поскольку данные правовые институты несут в себе равнонаправленную, но не идентичную смысловую нагрузку.

Ключевые слова: свобода совести; свобода вероисповедания; осужденные; воспитательная работа.

Freedom of conscience and freedom of religion convicted: basic concepts and implementation into penal law

A.M. RUDAKOV – Researcher Laboratory IT, Vologda Institute of Law and Economics, Federal Prison Service

This article deals with the freedom of conscience - a fundamental institution in the structure of the legal status of the person. The author notes that the law only mentions this legal category, but does not reveal how to implement a human "freedom of conscience" and therefore, freedom of conscience is often identified with the freedom of religion. Complete identification of the legal institutions wrongly, they carry coaxial but not identical meaning.

Key words: freedom of conscience; freedom of religion; prisoners; educational work.

Статья 14 УИК РФ регулирует общественные отношения, обеспечивающие реализацию свободы совести и свободы вероисповедания осужденными. Данной нормой им гарантируется право исповедовать любую религию либо не исповедовать никакой религии, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними.

В ней регламентирована организация отношений в религиозной сфере: пользование предметами культа и религиозной литературой, совершение религиозных обрядов, выделение администрацией соответствующих помещений для этих целей.

Каким же образом реализуется свобода совести, каково ее содержание? Для ответа на этот вопрос важно определить понятие «свобода совести» и развести его с понятием «свобода вероисповедания».

Словарный подход к определению понятия «совесть» состоит в рассмотрении его как нравственного сознания¹, характеризующегося способностью человеческого духа² познавать этические ценности в их реальности³ и внутренней убежденностью в том, что является добром и что является злом⁴, врожденного⁵ сознания нравственной ответственности за свое поведение⁶, объективно независимого от человека⁷.

В настоящее время можно констатировать существование двух точек зрения на понятие совести, и степень свободы последней в каждой из них специфична. Первая точка зрения определяет совесть с метафизической точки зрения (Б.Н. Чичерин⁸) как интуитивно умопостигаемое, но непосредственно не проявляющееся явление (Гераклит⁹), онтологически свободное от воли человека (Дж. Локк¹⁰, А. Шопенгауэр¹¹, Дж. Батлер¹², Н.А. Бердяев¹³, Б.П. Вы-

шеславцев¹⁴) и являющееся транслятором нравственных ценностей (по Ф. Гегелю соответствует внутреннему определению добра по первой и второй ступеням¹⁵, Н. Гартман¹⁶), определяющих категориальные императивы добра и зла (Фома Аквинский¹⁷, Н.О. Лосский¹⁸) – основу любой системы мировоззрения (И.А. Ильин¹⁹). Степень ее свободы устанавливается не обществом и не самим человеком (то есть мыслится апофатически²⁰). Путь к обретению способности воспринимать голос совести определяется религиозными учениями и обрядами (церемониями), оказывающими своего рода педагогическую поддержку человеку в деле нравственного совершенствования. Роль же государства можно свести к обеспечению сложного механизма принуждения, необходимого для реализации велений совести. Поскольку человек в естественном состоянии имеет способность познавать этот закон, но исполнять его может с трудом (Монтескье²¹, Г. Гроций²²).

Вторая точка зрения сравнительно молодая: берет свое начало в период Реформации и бурно развивается в эпоху Просвещения, когда предпринимается попытка создания искусственного феномена совести как следствия (продукта) развития рационального начала в человеке – источника и основания для его сознательно-волевого акта (К. Юнг²³, Д. Юм²⁴), определяющего *для себя* самого (выделено мной – Р.А.) понимание, что такое добро, что такое зло (Г. Спиноза²⁵, по Ф. Гегелю соответствует внутреннему определению добра на третьей ступени²⁶, Ф. Ницше,²⁷ Т. Гоббс²⁸). В этом заключается свобода искусственно созданного феномена совести, ограниченная лишь уровнем развития сознания (ratio), сформированного под воздействием социума и контролируемого им (Ж.Ж. Руссо²⁹, З. Фрейд³⁰). Такого рода свобода, согласно Гоббсу, в высшей степени вероятности приведет к войне всех против всех, в связи с чем государству необходимо иметь правовой механизм жесткого регулирования ее проявлений³¹.

Нельзя не согласиться с вышеизложенным мнением относительно ассимиляции философского понятия «совесть». Граница между индивидуальным (на уровне которого и возникает внимание к совести) и общественным аспектом свободы совести появляется на этапе формирования личности (общественная сторона человека как индивида), когда общественное сознание противопоставляется индивидуальному. Средневековые демонстрирует борьбу папской

церкви с многочисленными ересями, противостояние христианской религии и свободы религиозной совести. Возрождение и Реформация породили другой антагонизм – религии и мировоззренческой свободы от религии (названной совестью по аналогии с духовным феноменом совести). Просвещение разделяет свободу вероисповедания и атеизм. В этом случае свобода совести понимается не с религиозно-мировоззренческих, а с социально-правовых и политических позиций³².

Принятие российской правовой системой европейских принципов прав и свобод в целом и свободы совести в частности повлекло за собой неоднозначные последствия в сфере правоприменения. По мнению Б.П. Вышеславцева, закон (европейского образца) есть только рациональное правило, обращенное к уму, сознательной воле и не доходящее до иррациональных, бессознательных глубин человеческой психики, в которых и коренятся мотивы поведения. В силу этого сознательный закон, выраженный в форме запрета, вызывает обратное действие, которое тем сильнее, чем больше усилие воли, желающее исполнить требование закона³³.

В настоящее время сферу рассматриваемых общественных отношений в Российской Федерации призваны регулировать Конституция Российской Федерации и федеральный закон «О свободе совести и религиозных организациях», при исполнении уголовных наказаний – Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (ст. 14).

Исходя из того, что реализация человеком потребности в мировоззренческой ориентации (в том числе и религиозной) является способом осознания себя в мире, то есть стержнем, определяющим специфическую сущность человека как основу социальных систем, свобода совести является системообразующим правом и в этом аспекте представляет собой базу всех прав человека, неразрывно связанную с тенденцией исторического процесса к росту степеней свободы личности. Несмотря на существенные изменения современного государственного уклада, исторически сложившиеся у русского народа нравственные ценности продолжают существовать и служат ориентиром в сфере духовных, семейно-бытовых, межличностных отношений³⁴. Эта тенденция прослеживается через рассмотрение соотношения «человек – общество – право – государство» в историческом контексте. Нельзя не признать определенных заслуг

религиозных деятелей в этой области, но в то же время приходится констатировать наличие явного уклона в сторону организационно-правовых аспектов деятельности религиозных объединений. Это находит свое отражение как в правовой сфере в целом, так и конкретно в тексте Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Законодательство, которое по логике должно быть направлено на реализацию свободы мировоззренческого выбора, подменяется специальным религиозным для регулирования деятельности религиозных объединений и при существующем разделении светскости и религиозности тем самым отстраняет государство от регулирования светских общественных отношений в рассматриваемой области.

Согласно ст. 28 Конституции Российской Федерации понятие «свобода совести» предполагает (на что указывает слово «включая») право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними³⁵. В тексте федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» свобода совести рассматривается в том же аспекте и так же в перечислении со свободой вероисповедания, как и в Конституции Российской Федерации, за единственным исключением. Закон использует прием дополнения текста нормы уже посредством сочетания «в том числе». Данные моменты демонстрируют, что смысл понятия «свобода совести» полностью не раскрыт ни в Конституции Российской Федерации, ни в федеральном законе «О свободе совести и религиозных объединениях», ни тем более в УИК РФ. Это дает почву для субъективного его интерпретирования.

К тому же исходя из содержания нормативно-правовых актов сложно развести понятия свободы совести и свободы вероисповедания, тем не менее в формулировках они разделены союзом «и», что указывает на относительную самостоятельность их смысла. Такое разделение вполне соответствует разделению государственных интересов и религиозной сферы общественных отношений. В правовом аспекте рассматриваемые институты находятся в логическом отношении пересечения, общим сектором которого и предстает дополнительно включаемое «право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или

не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними»³⁶. Таким образом, правовые категории «совесть» и «вероисповедание» являются самостоятельными элементами, то есть понятие «совесть» не есть в полной мере то же, что и вероисповедание. В результате вне пересечения остаются области, содержание которых по смыслу их расположения разнится. Организационно-правовые аспекты вероисповедания достаточно подробно изложены в федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» и УИК РФ, а правовой институт свободы совести представляет собой декларируемую норму, не имеющую текстуального выражения.

Итак, необходимо раскрыть содержание такой правовой категории, как совесть, и смысл ее свободы. Данное понятие рассматривается в религии, философии, научных исследованиях, но в правовом пространстве его закрепление отсутствует. Вследствие этого регулирование, а тем более гарантирование в соответствующей области общественных отношений представляется затруднительным.

Государство, взяв на себя ответственность за обеспечение свободы совести, должно определить для граждан, что делать запрещено, а как поступать желательно. Запрещающие нормы содержатся в Уголовном кодексе и Кодексе об административных правонарушениях, а какое поведение согласуется с «принятыми в обществе нравственными нормами поведения»³⁷ (направлениями жизнедеятельности и сферами общественных отношений) призван определить федеральный закон «О свободе совести и религиозных организациях». Порядок получения соответствующих знаний может быть определен федеральным законом «Об образовании», который ст. 14 к общим требованиям в отношении содержания образования причисляет обеспечение формирования духовно-нравственной личности, понимая под образованием целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства³⁸. Закон, не разъясняя понятие «светское образование», тем не менее устанавливает, что образование и воспитание формируют духовный мир личности, поскольку государство уважает право личности в сфере духовного *самоопределения* (выделено мною – Р.А.).

Вместе с тем Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации обладает

нормативным инструментарием для реализации осужденными свободы совести. Кодекс обязывает осужденных исполнять установленные законодательством Российской Федерации обязанности граждан Российской Федерации, соблюдать принятые в обществе нравственные нормы поведения и возлагает на сотрудников учреждений обязанность по раскрытию осужденным природы «нравственных норм поведения, принятых в обществе»³⁹ в форме «нравственного и правового воспитания, способствующих исправлению»⁴⁰.

Работа по нравственному воспитанию нацелена на формирование морально-этических установок, ответственности, чувства долга и собственного достоинства, рост духовного уровня человека, а также на то, чтобы осужденный познакомился с основами этики, психологии общения, приобщился к общечеловеческим ценностям. Правовое же воспитание имеет целью формирование у осужденных представлений о сущности взаимоотношений между гражданином и государством, уважения к закону и правам других граждан, осознания необходимости соблюдения правовых норм, установки на правопослушное поведение и адекватное реагирование на различные ситуации⁴¹.

Таким образом, реализация осужденными свободы совести имеет место в рамках воспитательной работы при содействии сотрудников исправительного учреждения. Правовой инструментарий ст. 110 УИК РФ призван обеспечить информирование и ориентирование осужденного в направлении должного поведения (что есть добро с позиции общественной совести) и воздержания от совершения действий, противоречащих нормам, принятым в обществе (что есть зло, асоциальное явление).

Реализация осужденными свободы вероисповедания обеспечена ст. 14 УИК РФ, исходя из положений которой осужденный имеет право исповедовать любую религию либо не исповедовать никакой религии, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними. Организует претворение в жизнь свободы вероисповедания администрация исправительного учреждения посредством взаимодействия со священнослужителем той религии, принадлежность к которой определил сам осужденный. Священнослужитель, в свою очередь, информирует осужденного и ориентирует его в системе категориальных императивов поведения уже с позиции религиозных канонов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Современная версия. М., 2003. С. 659.

² См.: Краткий философский словарь / Под ред. А.П. Алексеева. М., 2008. С. 354–355.

³ См.: Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. Е.Ф. Губский. М., 2003. С. 422.

⁴ См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1982. Т. 4. С. 257.

⁵ См.: Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. Е.Ф. Губский. С. 422.

⁶ См.: Большой энциклопедический словарь: В 2 т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. 1991. Т. 2. С. 372.

⁷ См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. С. 257.

⁸ См.: Щекотова Р.Р. Философия права Б.Н. Чичерина // Известия Уральского государственного университета. 2008. № 61. С. 99.

⁹ См.: Рационализм и иррационализм в античной философии: Моногр. / В.Н. Горан, М.Н. Вольф, И.В. Берестов, Е.В. Орлов, Е.В. Афонасин, П.А. Бутаков; Отв. ред. В.Н. Карпович. Новосибирск, 2010. С. 73–74.

¹⁰ См.: Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 626.

¹¹ См.: Прокофьев А.В. Нравственность и свобода воли (Кант – Шопенгауэр – Фейербах) // Этическая мысль. М., 2000. Вып. 1. С. 174.

¹² См.: Батлер Дж. Проповедь I: Человеческая природа (Римляне XII. 4,5). <http://www.vts.edu/BPL/But-ler's%20Sermons/SERMON%20I.php>

¹³ См.: Бердяев Н. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж, 1931. С. 155.

¹⁴ См.: Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М., 1994. С. 36.

¹⁵ См.: Гегель Г. Философия права. М., 1990. С. 173.

¹⁶ См.: Гартман Н. Этика. СПб., 2002. С. 188.

¹ См.: Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Современная версия. М., 2003. С. 659.

² См.: Краткий философский словарь / Под ред. А.П. Алексеева. М., 2008. С. 354–355.

³ См.: Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. Е.Ф. Губский. М., 2003. С. 422.

⁴ См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1982. Т. 4. С. 257.

⁵ См.: Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. Е.Ф. Губский. С. 422.

⁶ См.: Большой энциклопедический словарь: В 2 т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. 1991. Т. 2. С. 372.

⁷ См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. С. 257.

⁸ См.: Щекотова Р.Р. Философия права Б.Н. Чичерина // Известия Уральского государственного университета. 2008. № 61. С. 99.

⁹ См.: Рационализм и иррационализм в античной философии: Моногр. / В.Н. Горан, М.Н. Вольф, И.В. Берестов, Е.В. Орлов, Е.В. Афонасин, П.А. Бутаков; Отв. ред. В.Н. Карпович. Новосибирск, 2010. С. 73–74.

¹⁰ См.: Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 626.

¹¹ См.: Прокофьев А.В. Нравственность и свобода воли (Кант – Шопенгауэр – Фейербах) // Этическая мысль. М., 2000. Вып. 1. С. 174.

¹² См.: Батлер Дж. Проповедь I: Человеческая природа (Римляне XII. 4,5). <http://www.vts.edu/BPL/But-ler's%20Sermons/SERMON%20I.php>

¹³ См.: Бердяев Н. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж, 1931. С. 155.

¹⁴ См.: Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М., 1994. С. 36.

¹⁵ См.: Гегель Г. Философия права. М., 1990. С. 173.

¹⁶ См.: Гартман Н. Этика. СПб., 2002. С. 188.

- ¹⁷ См.: Апресян Р.Г. О появлении понятия «золотое правило» // Этическая мысль / Отв. ред. А.А. Гусейнов. М., 2007. Вып. 8. С. 197.
- ¹⁸ См.: Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. Основы этики. Характер русского народа. М., 1991. С. 241.
- ¹⁹ См.: Ильин И. Религиозный смысл философии: три речи. 1914–1923. Париж, 1924. С. 68.
- ²⁰ Апофатика – традиция апофатического, или отрицательного, метода познания в богословии. Апофатическая (негативная) теология направлена на то, чтобы выразить сущность Бога путем отрицания всех возможных определений как несоизмеримых с его природой. Бог предстает как принципиально невыразимое. Этим апофатика отличается от катафатики, приземляющей Божественное, дающей ему конкретные (позитивные) характеристики (см.: Новый энциклопедический словарь. М., 2004. С. 58).
- ²¹ См.: http://www.voltaire-integral.com/Esprit_des_Lois/L01.htm#L01_02
- ²² См.: Волков С.Ю. Проблема защиты мирного населения в ходе войны: доктрина Гуго Гроция // Cross-cultural Communication (Canadian Academy of Oriental and Occidental Culture). 2009. Vol. 5. № 3. С. 78.
- ²³ См.: Аналитическая психология: прошлое и настоящее / Сост. В.В. Зеленский, А.М. Руткевич. М., 1995. С. 80.
- ²⁴ См.: Юм Д. Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам 1734–1737. Минск, 1998. С. 319.
- ²⁵ См.: Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. С. 213.
- ²⁶ См.: Гегель Г. Философия права. С. 173.
- ²⁷ См.: Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 272.
- ²⁸ См.: Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. С. 39.
- ²⁹ См.: Руссо Ж.Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми. М., 2004. С. 743.
- ³⁰ См.: Скирбекк Г., Гилье Н. История философии: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2000. С. 636.
- ³¹ См.: Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. С. 95.
- ³² См.: Акопян Г.А. Свобода совести: философско-антропологическое измерение: Дис. ... канд. филос. наук. Армавир, 2009. С. 77.
- ³³ См.: Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. С. 42.
- ³⁴ См.: Трунцевский Ю.В. К вопросу о необходимости закона о нравственности как национальной идее // Культура: управление, экономика, право. 2007. № 2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
- ³⁵ См.: СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 29.02.2012 г.) // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
- ³⁸ См.: Закон Российской Федерации «Об образовании» от 10.07.1992 г. № 3266-1 (ред. от 03.12.2011 г.) // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 150.
- ³⁹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 29.02.2012 г.). Ст. 11.
- ⁴⁰ Там же. Ст. 110.
- ⁴¹ См.: Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. В.И. Селиверстова. М., 2011.
- ¹⁷ Sm.: Апресян R.G. O pojavlenii ponjatija «zolotoe pravilo» // Jetcheskaja mysl' / Otv. red. A.A. Gusejnov. M., 2007. Vyp. 8. S. 197.
- ¹⁸ Sm.: Losskij N.O. Uslovija absoljutnogo dobra. Osnovy jetiki. Harakter russkogo naroda. M., 1991. S. 241.
- ¹⁹ Sm.: Il'in I. Religioznyj smysl filosofii: tri rechi. 1914–1923. Parizh, 1924. S. 68.
- ²⁰ Apofatika – tradicija apofaticheskogo, ili otricatelnogo, metoda poznaniya v bogoslovii. Apofaticheskaja (negativnaja) teologija napravlena na to, chtoby vyrazit' suwnost' Boga putem otricanija vseh vozmozhnyh opredelenij kak nesoizmerimyh s ego prirodoj. Bog predstaet kak principial'no nevyrazimoe. Jetim apofatika otlichaetsja ot katafatiki, prizemljajuwej Bozhestvennoe, dajuwej emu konkretnye (pozitivnye) harakteristiki (sm.: Novyj jenciklopedicheskij slovar'. M., 2004. S. 58).
- ²¹ Sm.: http://www.voltaire-integral.com/Esprit_des_Lois/L01.htm#L01_02
- ²² Sm.: Volkov S.Ju. Problema zavitij mirnogo naselenija v hode vojny: doktrina Gugo Grocija // Cross-cultural Communication (Canadian Academy of Oriental and Occidental Culture). 2009. Vol. 5. № 3. S. 78.
- ²³ Sm.: Analiticheskaja psihologija: proshloe i nastojawee / Sost. V.V. Zelenskij, A.M. Rutkevich. M., 1995. S. 80.
- ²⁴ Sm.: Jum D. Traktat o chelovecheskoj prirode, ili popytka primenit' osnovannyj na opyte metod rassuzhdenija k moral'nym predmetam 1734–1737. Minsk, 1998. S. 319.
- ²⁵ Sm.: Lokk Dzh. Sochinenija: V 3 t. T. 3. S. 213.
- ²⁶ Sm.: Gegel' G. Filosofija prava. S. 173.
- ²⁷ Sm.: Nicshe F. Sochinenija: V 2 t. M., 1990. T. 1. S. 272.
- ²⁸ Sm.: Gobbs T. Levifan, ili Materija, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo. S. 39.
- ²⁹ Sm.: Russo Zh.Zh. Rassuzhdenie o proishozhdenii i osnovanijah neravenstva mezhdju ljud'mi. M., 2004. S. 743.
- ³⁰ Sm.: Skirbekk G., Gil'e N. Istoriya filosofii: Ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij. M., 2000. S. 636.
- ³¹ Sm.: Gobbs T. Levifan, ili Materija, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo. S. 95.
- ³² Sm.: Akopjan G.A. Svoboda sovesti: filosofsko-antropologicheskoe izmerenie: Dis. ... kand. filos. nauk. Armavir, 2009. S. 77.
- ³³ Sm.: Vysheslavcev B.P. Jetika preobrazhennogo Jerosa. S. 42.
- ³⁴ Sm.: Truncevskij Ju.V. K voprosu o neobhodimosti zakona o npravstvennosti kak nacional'noj idee // Kul'tura: upravlenie, jekonomika, pravo. 2007. № 2. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus».
- ³⁵ Sm.: SZ RF. 2009. № 4. St. 445.
- ³⁶ Tam zhe.
- ³⁷ Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 08.01.1997 g. № 1-FZ (red. ot 29.02.2012 g.) // SZ RF. 1997. № 2. St. 198.
- ³⁸ Sm.: Zakon Rossijskoj Federacii «Ob obrazovanii» ot 10.07.1992 g. № 3266-1 (red. ot 03.12.2011 g.) // SZ RF. 1996. № 3. St. 150.
- ³⁹ Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 08.01.1997 g. № 1-FZ (red. ot 29.02.2012 g.). St. 11.
- ⁴⁰ Tam zhe. St. 110.
- ⁴¹ Sm.: Kommentarij k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) / Pod red. V.I. Seliverstova. M., 2011.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Основания и порядок пересмотра по уголовным делам не вступивших в законную силу решений суда первой инстанции

А.С. ШАТАЛОВ – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор

Статья посвящена анализу процессуальных процедур апелляционного производства по уголовным делам, вводимых в действие в Российской Федерации с 1 января 2013 г. В ней раскрываются новый порядок обжалования не вступивших в законную силу судебных решений и отличительные особенности рассмотрения уголовных дел судом апелляционной инстанции. Автор приходит к выводу о том, что с внесением изменений и дополнений в УПК РФ производство в суде апелляционной инстанции получило все необходимое, для того чтобы в судебной практике произошли ожидаемые позитивные перемены.

Ключевые слова: апелляционная жалоба; апелляционное определение; апелляционное постановление; апелляционное представление; апелляционный приговор; апелляционное производство; апелляция; обжалование судебных решений; суд апелляционной инстанции; суд второй инстанции.

Reasons and order of revision of criminal cases not come into legal force by decision of the court of first instance

A.S. SHATALOV – Professor Department of Criminal Procedure and Criminalistics VIPE FPS Russia, Doctor of Law, Professor

This article analyzes the process of the appeals in criminal cases, put into effect in the Russian Federation on January 1, 2013. It examines the new appeal procedure not come into legal force of court decisions and features of criminal cases by the court of appeal. The author comes to the conclusion that with the introduction of changes and amendments to the CPC production in an appellate court, got everything you need to have taken place in the jurisprudence of the expected positive changes.

Key words: appeal; appeal determination; appeal the decision; appellate representation; appeal judgment; appeal proceedings; appeal; appeal court decisions; the court of appeal; the court of second instance.

Круг решений, принимаемых при производстве по уголовным делам, довольно широк. Их процессуальная природа такова, что одни по своему характеру являются промежуточными (например, по заявленному ходатайству), а другие – итоговыми (например, прекращение уголовного дела).

По смыслу п. 53² ст. 5 УПК РФ, под итоговым судебным решением, вынесенным при

производстве по уголовному делу в верховном суде республики, краевом, областном суде, суде города федерального значения, суде автономной области, суде автономного округа, окружном (флотском) военном суде в качестве суда первой инстанции, следует понимать приговор, определение, постановление суда, которыми уголовное дело разрешается по существу, либо определение

или постановление суда, вынесением которых завершается производство по уголовному делу в отношении конкретного лица. К числу таких судебных решений относятся, в частности, приговор, а также определение (постановление) о прекращении уголовного преследования (уголовного дела) по основаниям, предусмотренным УПК РФ, определение (постановление) о применении или об отказе в применении принудительных мер медицинского характера и т.п. Соответственно, все иные определения и постановления суда, вынесенные в ходе досудебного производства по уголовному делу или при производстве по уголовному делу в верховном суде республики, краевом, областном суде, суде города федерального значения, суде автономной области, суде автономного округа, окружном (флотском) военном суде в качестве суда первой инстанции, которыми уголовное дело не разрешается по существу и не завершается производство по уголовному делу, являются промежуточными судебными решениями¹.

Право каждого на рассмотрение его дела в суде второй инстанции закреплено в ст. 50 Конституции Российской Федерации. Анализ судебной практики показывает, что участники уголовного судопроизводства пользуются им довольно часто. Такое положение дел можно считать вполне закономерным, поскольку в каждом случае вынесения промежуточных и (или) итоговых решений данное право должно разъясняться принявшим то или иное решение субъектом, а сам факт его разъяснения должен быть отражен в материалах уголовного дела. Поэтому в случае возникновения у кого-либо из заинтересованных лиц сомнений в законности, обоснованности и (или) справедливости принятого по уголовному делу решения (в том числе приговора), оно может ими обжаловаться. Сама же возможность обжалования представляет не что иное, как гарантию соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства в случаях неправомерных действий со стороны представителей власти.

Таким образом, если приговор или иное решение суда первой инстанции обжалуется до его вступления в законную силу, то начинается производство в суде второй инстанции, в ходе которого в апелляционном порядке пересматриваются только что вынесенные, но еще не ставшие обязательными для исполнения судебные акты. Судом второй инстанции в российском уголовно-процессуальном законе назван суд апелля-

ционной инстанции (п. 53 ст. 5 УПК РФ). Его деятельность регламентируется гл. 45¹ УПК РФ (ст. 389¹–389³⁶), вводимой в действие с 1 января 2013 г.² Именно в ней четко оговорено, что решения суда первой инстанции, не вступившие в законную силу, могут быть обжалованы сторонами в апелляционном порядке. Причем обжалование определения или постановления, вынесенного во время судебного разбирательства, не приостанавливает сам ход этого процесса.

Существование данного правила объясняется необходимостью строгого соблюдения принципа непрерывности уголовного судопроизводства и права подсудимого быть судимым без неоправданной задержки. Кроме того, в силу независимости судей апелляционный порядок обжалования промежуточных решений суда первой инстанции должен исключать какое-либо ограничение его дискреционных полномочий не только в части итоговых выводов по уголовному делу, но и применительно к последующим промежуточным процессуальным решениям, надобность в вынесении которых может возникнуть по мере продвижения судебного разбирательства до вынесения приговора.

Апелляция (от лат. *appellation* – обращение) как одна из форм пересмотра судебных актов впервые появилась во Франции (1808 г.) и быстро получила признание в других странах, включая Россию (1864 г.). Характерными для того времени были длительные сроки пересмотра решений по уголовным делам на фоне ограниченного действия устности, непосредственности, состязательности и права обвиняемого на защиту. Апелляционный суд дореволюционной России пересматривал не вступившие в законную силу решения судов лишь в той части, в которой они обжаловались, и только в отношении лиц, которых касалась поданная жалоба.

В советский период апелляционное производство как форма пересмотра судебных актов не применялось, так как согласно декретам о суде № 1 (ноябрь 1917 г.) и № 2 (февраль 1918 г.) это бы умаляло значение деятельности суда первой инстанции, усложняло, затягивало процесс и лишало стороны ряда важных гарантий при вторичном рассмотрении дела. Тогда же появилась и получила широкое распространение кассационная форма обжалования, в большей мере соответствующая решению задач, связанных с установлением истины по уголовному делу.

Вернув в уголовный процесс апелляционный порядок пересмотра судебных реше-

ний, апробировав его практически заново в деятельности арбитражных судов и мировой юстиции, российский законодатель учел многие выявленные недостатки, представив примерно через десятилетие после вступления в силу УПК РФ процессуальные процедуры апелляционного производства по уголовным делам в новом содержании. В результате были перераспределены полномочия судов и апелляционной, и кассационной, и надзорной инстанций. Это произошло в рамках реализации Государственной целевой программы о развитии судебной системы России в период 2007–2011 гг.

В настоящее время согласно ч. 3 ст. 389² УПК РФ до вынесения итогового судебного решения апелляционному обжалованию (так называемой неполной апелляции) подлежат следующие промежуточные решения, принятые по уголовному делу:

1) постановления мирового судьи о возвращении заявления лицу, его подавшему, либо об отказе в принятии заявления к производству;

2) судебные постановления или определения об избрании меры пресечения или о продлении сроков ее действия;

3) о помещении лица в медицинский или психиатрический стационар для производства судебной экспертизы;

4) о приостановлении уголовного дела;

5) о передаче уголовного дела по подсудности или об изменении подсудности уголовного дела;

6) о возвращении уголовного дела прокурору;

7) другие судебные решения, затрагивающие права граждан на доступ к правосудию или на рассмотрение дела в разумные сроки и препятствующие дальнейшему движению дела;

8) частные определения или постановления.

Что же касается определений или постановлений о порядке исследования доказательств, об удовлетворении или отклонении ходатайств участников судебного разбирательства, других судебных решений, вынесенных в ходе рассмотрения уголовного дела по существу, то они могут обжаловаться в апелляционном порядке одновременно с обжалованием итогового судебного решения по данному делу (то есть при полной апелляции).

Согласно ст. 389¹ УПК РФ право апелляционного обжалования судебного решения принадлежит:

1) осужденному, оправданному, их защитникам и законным представителям;

2) государственному обвинителю и (или) вышестоящему прокурору (то есть вышестоящему по должности по отношению к государственному обвинителю прокурору или его заместителю);

3) потерпевшему, частному обвинителю, их законным представителям и представителям;

4) гражданскому истцу, гражданскому ответчику или их законным представителям и представителям (в части, касающейся гражданского иска);

5) иным лицам (в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы).

Из приведенных законодательных положений следует, что право на обращение с апелляционной жалобой (апелляционным представлением) фактически предоставлено всем лицам, активно участвующим в производстве по уголовному делу. Более того, этим правом могут воспользоваться также и иные лица, поскольку УПК РФ не исключает, например, возможность обжалования в апелляционном порядке судебного решения, принятого по результатам проверки законности и обоснованности отказа в возбуждении уголовного дела, лицом, чьи права и законные интересы были затронуты данным решением³. Более того, все субъекты, обладающие правом на подачу апелляционной жалобы (апелляционного представления), наделены правом на подачу письменных возражений, однако это может иметь место тогда, когда в жалобе или (и) представлении других лиц приводятся доводы, противоречащие их интересам⁴.

Если судебное решение обжаловано и государственным обвинителем, и вышестоящим прокурором, то вне зависимости от содержания приведенных в них доводов (правовых оснований) рассмотрению подлежат оба апелляционных представления (при условии, что они были поданы в установленный законом срок).

Законные представители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного либо оправданного лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, а также потерпевшего, которому к моменту производства по делу в суде апелляционной инстанции исполнилось 18 лет, вправе обжаловать судебное решение и принимать участие в судебных заседаниях данного суда.

Лицо, допущенное к участию в суде первой инстанции в качестве защитника по постановлению или определению суда и не

являющееся адвокатом, вправе обжаловать судебное решение в апелляционном порядке и принимать участие в заседании суда апелляционной инстанции. Если же названное лицо не принимало участия в суде первой инстанции в качестве защитника, то в суде апелляционной инстанции оно по определению суда может быть допущено в этом качестве лишь наряду с адвокатом, осуществляющим защиту по соглашению либо по назначению суда⁵.

По общему правилу, апелляционная жалоба или (и) апелляционное представление приносятся через суд, постановивший приговор или вынесший иное обжалуемое судебное решение. Но адресованы они должны быть именно той судебной инстанции, что является вышестоящей (апелляционной) по отношению к суду, вынесшему обжалуемое решение.

Апелляционные жалобы и апелляционные представления, в частности, подаются:

1) в районный суд (на приговор или иное решение мирового судьи);

2) судебную коллегия по уголовным делам верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда (на приговор или иное решение районного суда, гарнизонного военного суда);

3) судебную коллегия по уголовным делам соответствующего суда (на промежуточное решение верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда);

4) Судебную коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, Военную коллегия Верховного Суда РФ (на приговор или иное итоговое решение верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда соответственно).

Апелляционные жалобы и апелляционные представления на приговор или иное решение суда первой инстанции могут быть поданы в течение 10 суток со дня постановления приговора или вынесения иного судебного решения. Осужденный, содержащийся под стражей, может подать свою жалобу в тот же срок со дня вручения ему копии приговора, определения или постановления. В течение срока, установленного для обжалования су-

дебного решения, уголовное дело не может быть истребовано из суда.

На жалобах и представлениях уполномоченный на то работник суда обязан сделать отметку о времени их поступления в суд. К жалобам и представлениям, полученным по почте, в целях определения точной даты их поступления обязательно приобщаются конверты⁶.

Жалоба или представление, поданные с пропуском срока, оставляются без рассмотрения. Однако если срок апелляционного обжалования был пропущен по уважительной причине, то лица, имеющие право подать апелляционные жалобу и представление, могут ходатайствовать перед судом, постановившим приговор либо вынесшим иное обжалуемое решение, о восстановлении пропущенного срока. Их ходатайство рассматривается судьей, председательствовавшим в судебном заседании по уголовному делу, или другим судьей. Пропущенный срок должен восстанавливаться, например, в случае если копии судебного решения были вручены лицам, обладающим правом его обжалования, по истечении 5 суток со дня его провозглашения.

Если в восстановлении пропущенного срока отказано, то постановление судьи по итогам рассмотрения заявленного по этому поводу ходатайства, может быть обжаловано в вышестоящий суд, который вправе отменить такое постановление и рассмотреть поданную апелляционную жалобу или апелляционное представление по существу либо вернуть их в суд, вынесший обжалуемое судебное решение, для выполнения требований, предусмотренных ст. 389⁶ УПК РФ.

Существо данных требований сводится к тому, что апелляционная жалоба и апелляционное представление должны содержать:

1) наименование суда апелляционной инстанции, в который они подаются;

2) данные о лице, подавшем жалобу или представление, с указанием его процессуального положения, места жительства (места нахождения);

3) указание на приговор или иное судебное решение и наименование суда, его постановившего или вынесшего;

4) доводы лица, подавшего жалобу или представление, с указанием оснований отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке, предусмотренных ст. 389¹⁵ УПК РФ;

5) перечень материалов, прилагаемых к жалобе или представлению;

6) подпись лица, подавшего жалобу или представление.

К жалобе или представлению должно быть приложено соответствующее число их копий для вручения каждому осужденному или оправданному, чьи интересы ими затрагиваются⁷. Если с апелляционной жалобой обращается лицо, не участвовавшее в уголовном деле, то им обязательно должно быть указано, какие именно его права и законные интересы были нарушены обжалуемым судебным решением. Осужденный, изъявивший желание лично участвовать в рассмотрении уголовного дела судом апелляционной инстанции, заявляет об этом в своей апелляционной жалобе или в возражениях на жалобу (представление), принесенную другими участниками уголовного судопроизводства.

В случае несоответствия апелляционной жалобы или апелляционного представления предъявляемым требованиям они возвращаются судьей, который назначает срок для их пересоставления. Если требования судьи не были выполнены и апелляционная жалоба или апелляционное представление в установленный судьей срок не поступили, то они считаются неподанными, а приговор – вступившим в законную силу.

Суд, постановивший приговор или вынесший иное обжалуемое решение, обязан известить о принесенной апелляционной жалобе или (и) апелляционном представлении лиц, интересы которых ими затрагиваются. Одновременно им направляются их копии и разъясняется право подачи письменных возражений на жалобу или (и) представление с указанием срока, до истечения которого они могут быть поданы. Поступившие возражения приобщаются к материалам уголовного дела, а их копии направляются лицам, подавшим жалобу или (и) представление.

Подача апелляционной жалобы или (и) апелляционного представления приостанавливает приведение приговора (определения, постановления) в исполнение. Исключением из этого правила являются лишь приговоры, по которым подсудимый, находящийся под стражей, подлежит немедленному освобождению прямо в зале суда (ст. 311 УПК РФ), а также определения и постановления, вынесенные во время судебного разбирательства (ч. 4 ст. 389² УПК РФ).

До момента направления уголовного дела в суд апелляционной инстанции в связи с поступлением жалобы или (и) представления оно должно храниться в отделе делопроизводства суда, где заводятся и ведутся журналы учета таких дел⁸.

Период до рассмотрения в апелляционном порядке жалобы или представления в шестимесячный срок содержания осужденного под стражей не входит. При рассмотрении уголовного дела суд второй инстанции при наличии к тому оснований должен решить вопрос о зачете в срок содержания под стражей времени содержания лица под стражей в порядке меры пресечения или задержания до постановления приговора, домашнего ареста, нахождения в медицинском или психиатрическом стационаре по решению суда, а также времени, в течение которого лицо содержалось под стражей на территории иностранного государства по запросу об оказании правовой помощи или о выдаче его Российской Федерации в соответствии со ст. 460 УПК РФ (если суд первой инстанции не разрешил этот вопрос в приговоре)⁹.

По истечении срока обжалования суд, постановивший приговор или вынесший иное обжалуемое решение, направляет уголовное дело с принесенной апелляционной жалобой или апелляционным представлением и возражениями на них в суд апелляционной инстанции, о чем сообщается сторонам. Лицо, подавшее апелляционную жалобу или апелляционное представление, вправе отозвать их до начала заседания суда апелляционной инстанции. В этом случае апелляционное производство по ним прекращается, а сами жалобы или (и) представления возвращаются судьей лицам, их подавшим.

Дополнительная апелляционная жалоба и (или) апелляционное представление подлежат рассмотрению, если они поступили в суд апелляционной инстанции не позднее чем за 5 суток до начала судебного заседания. Причем в поданной по истечении срока обжалования дополнительной жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и представителей, а также в дополнительном представлении прокурора не может быть поставлен вопрос об ухудшении положения осужденного, а также лица, в отношении которого уголовное дело было прекращено, если такое требование не содержалось в первоначальной жалобе или представлении.

Таким образом, обжалование судебных решений, не вступивших в законную силу, – наиболее быстрый и доступный способ проверки законности, обоснованности и справедливости судебных актов, принятых при производстве по уголовному делу. Реализация этого права зависит только от волеизъявления лиц, принимавших участие в

производстве. Срок обжалования довольно краток, а требования, предъявляемые к апелляционной жалобе, в УПК РФ сведены к минимуму. Подача такой жалобы или (и) представления с соблюдением установленного порядка и в предусмотренный законом срок влечет обязательное рассмотрение уголовного дела судом апелляционной инстанции в целях исправления судебных ошибок и восстановления нарушенных прав. Сама же обновленная процедура апелляционного производства, благодаря усилиям процессуалистов и поддержке российского законодателя, приобрела к настоящему времени все необходимые черты для того, чтобы обладать статусом одного из наиболее эффективных средств правовой защиты.

Апелляционной инстанцией (англ. court of appellate jurisdiction) в УПК РФ признается суд, рассматривающий в апелляционном порядке уголовные дела по жалобам и представлениям на не вступившие в законную силу приговоры и постановления суда (п. 2 ст. 5 УПК РФ). Его состав предусмотрен ч. 3 ст. 30 УПК РФ, согласно которой рассмотрение уголовных дел в апелляционном порядке осуществляется:

1) в районном суде – судьей районного суда единолично;

2) в вышестоящих судах – судом в составе трех судей федерального суда общей юрисдикции.

Таким образом, характерной чертой производства в суде апелляционной инстанции является то, что вскоре этот суд будет рассматривать уголовные дела не только в единоличном составе (как до 1 января 2013 г.), но и коллегиально. Причем проверять вынесенные при производстве по уголовным делам и еще не вступившие в законную силу судебные акты могут только те суды, которые уполномочены на это законом. Цель их деятельности – проверка правильности состоявшихся решений. Если выражаться предельно точно, то согласно ст. 389⁹ УПК РФ каждый суд апелляционной инстанции обязан проверить по апелляционным жалобам или (и) апелляционным представлениям законность, обоснованность и справедливость приговора либо законность и обоснованность иного решения суда первой инстанции. При этом рассмотрение уголовных дел таким судом должно начинаться в следующие определенные законом сроки:

1) в районном суде – не позднее 15 суток со дня поступления уголовного дела в суд апелляционной инстанции;

2) в верховном суде республики, краевом или областном суде, суде города федерального значения, суде автономной области, суде автономного округа, окружном (флотском) военном суде – не позднее 30 суток со дня поступления уголовного дела в суд апелляционной инстанции;

3) в Верховном Суде РФ – не позднее 45 суток со дня поступления уголовного дела в суд апелляционной инстанции.

Порядок назначения и подготовки заседания этого суда регламентирован ст. 389¹¹ УПК РФ. Руководствуясь предписаниями данной нормы, судья, изучив поступившее уголовное дело, обязан вынести постановление о назначении судебного заседания, приняв при этом решения по следующим вопросам:

1) о месте, дате и времени начала рассмотрения уголовного дела;

2) вызове в судебное заседание свидетелей, экспертов и других лиц в соответствии с ходатайством стороны, заявленным в жалобе или представлении (если признает данное ходатайство обоснованным);

3) рассмотрении уголовного дела в закрытом судебном заседании в случаях, предусмотренных ст. 241 УПК РФ;

4) сохранении, отмене или изменении меры пресечения в отношении подсудимого или осужденного;

5) форме участия в судебном заседании осужденного, содержащегося под стражей.

Прежде чем вынести данное постановление и принять решения по этим вопросам, судья обязан проверить, извещены ли стороны о принесенных жалобах или представлениях и направлены ли их копии осужденному или оправданному лицу, в отношении которого велось или ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, его законному представителю, защитнику, обвинителю, потерпевшему, его законному представителю, представителю и иным лицам, чьи законные интересы затрагивает жалоба или представление, с разъяснением им права подачи возражений в письменном виде в указанный судом срок¹⁰. Если выяснится, что судом первой инстанции указанные лица не были извещены о принесенной апелляционной жалобе или апелляционном представлении либо не были выполнены требования, предъявляемые УПК РФ к содержанию обращений такого рода, то судья возвращает уголовное дело в суд, из которого оно поступило, для устранения обстоятельств, препятствующих рассмотрению данного уголовного дела в апелляционном порядке.

При рассмотрении уголовного дела в суде апелляционной инстанции закон признает обязательным участие следующих лиц:

- 1) государственного обвинителя и (или) прокурора (за исключением уголовных дел частного обвинения, кроме случаев, когда уголовное дело было возбуждено следователем или дознавателем с согласия прокурора);
- 2) оправданного, осужденного или лица, в отношении которого было прекращено уголовное дело (в случаях если данное лицо ходатайствует о своем участии в судебном заседании или суд признает участие данного лица в судебном заседании необходимым);
- 3) частного обвинителя либо его законного представителя или представителя (в случае если ими подана апелляционная жалоба);
- 4) защитника (в случаях, указанных в ст. 51 УПК РФ).

Явившиеся в суд апелляционной инстанции стороны допускаются к участию в судебном заседании при рассмотрении уголовного дела во всех случаях. Осужденному, содержащемуся под стражей и заявившему о своем желании присутствовать при рассмотрении апелляционной жалобы или (и) апелляционного представления, по решению суда обеспечивается право участвовать в судебном заседании непосредственно либо с помощью системы видеоконференцсвязи (ВКС).

Таким образом, еще одной характерной чертой производства в суде апелляционной инстанции можно признать обязанность такого суда проверять вынесенные, но еще не вступившие в законную силу судебные акты на условиях неопременного присутствия при этом обеих сторон, участвующих в производстве по уголовному делу. В целях выполнения стоящих перед ним задач суд апелляционной инстанции при проверке законности, обоснованности и справедливости приговора вправе признать необходимым участие в судебном заседании осужденного и принять меры по обеспечению его явки. Равным образом он вправе рассмотреть дело в отсутствие осужденного, содержащегося под стражей и не выразившего своего желания участвовать в заседании.

О месте, дате и времени судебного заседания стороны должны быть извещены не менее чем за 7 суток до его начала. Неявка лиц, своевременно извещенных о предстоящем заседании суда апелляционной инстанции, не препятствует рассмотрению уголовного дела. Исключением из этого правила является лишь неявка лиц, участие которых в судебном заседании закон признает обя-

зательным (то есть государственного обвинителя и (или) прокурора, оправданного, осужденного или лица, в отношении которого было прекращено уголовное дело, а также защитника). Вместе с тем в случае неявки в суд без уважительной причины частного обвинителя, его законного представителя или представителя, подавшего апелляционную жалобу, суд апелляционной инстанции прекращает производство по ней.

Производство по уголовному делу в суде апелляционной инстанции осуществляется в порядке, установленном гл. 35–39 УПК РФ, но с изъятиями, предусмотренными гл. 45¹ УПК РФ, вступающей в силу с 1 января 2013 г. В самых общих чертах данный порядок сводится к следующему. Вначале председательствующий открывает судебное заседание, объявляя при этом, какое уголовное дело рассматривается и по чьей апелляционной жалобе или (и) апелляционному представлению. Далее им объявляются состав суда, фамилии, имена и отчества лиц, являющихся сторонами по уголовному делу и присутствующих в судебном заседании, а также фамилии, имена и отчества секретаря судебного заседания и переводчика (если он участвует в судебном заседании). Затем у участников судебного разбирательства судом выясняется, имеются ли у них отводы, ходатайства и поддерживают ли они ходатайства, заявленные в апелляционной жалобе или апелляционном представлении.

Судебное следствие начинается с оглашения содержания приговора или иного обжалуемого судебного решения, существа апелляционной жалобы или (и) апелляционного представления, возражений на них, а также представленных дополнительных материалов. Существо этих документов кратко излагается самим председательствующим или одним из судей, участвующих в рассмотрении уголовного дела в составе суда апелляционной инстанции. По окончании доклада суд заслушивает выступления стороны, подавшей апелляционную жалобу или апелляционное представление, и возражения другой стороны. Если таких жалоб поступило несколько, то последовательность выступлений определяется судом с учетом мнения сторон. Затем суд переходит к проверке доказательств.

В подтверждение или опровержение доводов, приведенных в апелляционной жалобе (апелляционном представлении), стороны вправе представить суду апелляционной инстанции дополнительные материалы. Ими могут являться, например, характеристики,

справки о наградах, инвалидности, копии вступивших в законную силу судебных решений, другие документы. Лицо, представляющее дополнительные материалы, обязано уведомить суд, каким путем они были получены и в связи с чем возникла необходимость их представления.

С согласия сторон суд апелляционной инстанции вправе рассмотреть апелляционную жалобу (апелляционное представление) без проверки доказательств, которые были исследованы судом первой инстанции.

Ходатайства сторон об исследовании доказательств, которые не были исследованы судом первой инстанции, разрешаются судом в порядке, установленном ст. 271 УПК РФ. При этом суд апелляционной инстанции не вправе отказать в удовлетворении такого ходатайства на том лишь основании, что оно не было удовлетворено судом первой инстанции. Также стороны вправе заявить ходатайства о вызове новых свидетелей, производстве судебной экспертизы, истребовании вещественных доказательств и документов, в исследовании которых им было отказано судом первой инстанции.

Суд апелляционной инстанции вправе исследовать доказательства с использованием систем видеоконференцсвязи. Свидетели, допрошенные в суде первой инстанции, допрашиваются в суде апелляционной инстанции только в том случае, если суд признает их вызов необходимым.

Завершая судебное следствие, суд выясняет у сторон, имеются ли у них ходатайства о его дополнении. Разрешив заявленные ходатайства, он переходит к прениям сторон, где первым выступает лицо, подавшее апелляционную жалобу или апелляционное представление, а последним – лицо, в отношении которого проверяется судебное решение (если оно участвует в судебном заседании).

По окончании прений сторон суд апелляционной инстанции удаляется в совещательную комнату для принятия своего решения. По итогам прошедшего судебного заседания он может, например, отменить или изменить решение нижестоящего суда, но только в случаях, прямо указанных в законе. Наличие такой возможности является еще одной характерной чертой, присущей деятельности суда апелляционной инстанции.

Согласно ст. 389¹⁵ УПК РФ основанием для отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке могут служить следующие четыре обстоятельства:

1) несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоя-

тельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции;

2) существенное нарушение уголовно-процессуального закона;

3) неправильное применение уголовного закона;

4) несправедливость приговора.

Приговор, в частности, признается несоответствующим фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции, в следующих случаях:

1) если выводы суда не подтверждаются доказательствами, рассмотренными в судебном заседании;

2) если суд не учел обстоятельств, которые могли существенно повлиять на выводы суда;

3) если в приговоре не указано, по каким основаниям при наличии противоречивых доказательств, имеющих существенное значение для выводов суда, суд принял одни из этих доказательств и отверг другие;

4) если выводы суда, изложенные в приговоре, содержат существенные противоречия, которые повлияли или могли повлиять на решение вопроса о виновности или невиновности осужденного (оправданного), правильность применения уголовного закона или определение меры наказания.

Другим основанием отмены или изменения решения судом апелляционной инстанции выступают существенные нарушения уголовно-процессуального закона. Здесь нужно оговориться, что в данном случае речь идет не о любых нарушениях, а только о тех, которые наиболее серьезных, то есть о тех, которые путем лишения или ограничения гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли (могли повлиять) на вынесение законного и обоснованного судебного решения.

Круг нарушений подобного рода довольно широк, а их исчерпывающий перечень приведен в ст. 389¹⁷ УПК РФ. В их числе фигурируют:

1) прекращение уголовного дела судом при наличии оснований, предусмотренных ст. 254 УПК РФ;

2) вынесение судом решения незаконным составом суда или вынесение вердикта незаконным составом коллегии присяжных заседателей;

3) рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого (за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 и 5 ст. 247 УПК РФ);

4) рассмотрение уголовного дела без участия защитника, если его участие является

обязательным в соответствии с УПК РФ, или с иным нарушением права обвиняемого пользоваться помощью защитника;

5) нарушение права подсудимого давать показания на родном языке или языке, которым он владеет, и пользоваться помощью переводчика;

6) непредоставление подсудимому права участия в прениях сторон;

7) непредоставление подсудимому последнего слова;

8) нарушение тайны совещания коллегии присяжных заседателей при вынесении вердикта или тайны совещания судей при постановлении приговора;

9) обоснование приговора доказательствами, признанными судом недопустимыми;

10) отсутствие подписи судьи или одного из судей, если уголовное дело рассматривалось судом коллегиально, на соответствующем судебном решении;

11) отсутствие протокола судебного заседания.

Неправильным применением уголовного закона в свою очередь согласно ст. 389¹⁸ УПК РФ должны признаваться:

1) нарушение требований Общей части УК РФ;

2) применение не той статьи или не тех пункта и (или) части статьи Особенной части УК РФ, которые подлежали применению;

3) назначение наказания более строгого, чем предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Четвертым, последним, основанием для отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке в законе значится несправедливость приговора. Таковым признается судебный акт, по которому было назначено наказание, не соответствующее тяжести преступления, личности осужденного, либо наказание, которое хотя и не выходит за пределы, предусмотренные соответствующей статьей Особенной части УК РФ, но по своему виду или размеру является несправедливым как вследствие чрезмерной мягкости, так и вследствие чрезмерной суровости.

При рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке суд не связан доводами апелляционной жалобы (апелляционного представления) и вправе проверить производство по уголовному делу в полном объеме. Более того, если по уголовному делу осуждено несколько лиц, а апелляционная жалоба или апелляционное представление принесены только одним из них (либо в отношении некоторых из них), суд апелля-

ционной инстанции вправе проверить уголовное дело в отношении всех осужденных.

Указания суда апелляционной инстанции становятся обязательными для суда первой инстанции и прокурора в случае, если уголовное дело было возвращено им для устранения обстоятельств, препятствующих вынесению законного и обоснованного решения. Однако эти указания должны быть сформулированы на условиях соблюдения нескольких весьма важных ограничений. Так, при возвращении уголовного дела прокурору, а также при отмене приговора или иного судебного решения либо при передаче уголовного дела на новое судебное разбирательство суду апелляционной инстанции запрещается, в частности, предпринимать следующие вопросы:

1) о доказанности или недоказанности обвинения;

2) достоверности или недостоверности того или иного доказательства;

3) преимуществах одних доказательств перед другими;

4) виде и размере наказания.

Видно, что каждый из этих вопросов так или иначе касается существа дела и будущего приговора. Поэтому их решение при таком стечении обстоятельств вполне логично отнесено законодателем к компетенции суда первой инстанции. Делу обеспечения его независимости, самостоятельности, объективности и призван в конечном итоге служить обращенный к суду апелляционной инстанции запрет вторгаться в решение каждого из перечисленных вопросов.

В ходе заседания суда апелляционной инстанции секретарем ведется протокол. В соответствии со ст. 259 УПК РФ он может быть написан от руки или изготовлен с использованием компьютера. В целях обеспечения полноты протокола при его ведении могут быть использованы стенографирование, а также технические средства. Но независимо от способа изготовления в нем обязательно должна найти отражение следующая информация:

1) место и дата заседания суда апелляционной инстанции, время его начала и окончания;

2) какое уголовное дело рассматривается;

3) наименование, состав суда апелляционной инстанции, данные о секретаре, переводчике, обвинителе, защитнике, подсудимом, потерпевшем и других вызванных в суд лицах;

4) данные о личности подсудимого;

5) действия суда апелляционной инстанции в том порядке, в каком они имели место в ходе судебного заседания;

6) заявления, возражения, ходатайства участвующих в уголовном деле лиц;

7) определения или постановления, вынесенные судом апелляционной инстанции без удаления в совещательную комнату;

8) определения или постановления, вынесенные судом апелляционной инстанции с удалением в совещательную комнату;

9) сведения о разъяснении участникам уголовного судопроизводства их прав, обязанностей и ответственности;

10) подробное содержание показаний;

11) вопросы, заданные допрашиваемым, и их ответы;

12) результаты произведенных в судебном заседании осмотров и других действий по исследованию доказательств;

13) обстоятельства, которые участники уголовного судопроизводства просят занести в протокол;

14) основное содержание выступлений сторон в судебных прениях и последнее слово подсудимого;

15) сведения об оглашении итогового решения суда апелляционной инстанции по рассмотренному уголовному делу, разъяснении порядка ознакомления с протоколом судебного заседания и принесения замечаний на него;

16) сведения о разъяснении оправданным и осужденным порядка и срока обжалования приговора, а также права ходатайствовать об участии в рассмотрении уголовного дела судом кассационной инстанции.

В протокол заседания суда апелляционной инстанции также включается отметка о мерах воздействия, принятых в отношении лица, нарушившего порядок в судебном заседании. Если в ходе судебного разбирательства проводились фотографирование, аудио- и (или) видеозапись, киносъемка допросов, то об этом упоминается в протоколе судебного заседания. В таком случае материалы фотографирования, аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки прилагаются к материалам уголовного дела.

По общему правилу, протокол заседания суда апелляционной инстанции должен быть изготовлен в течение 3 суток со дня окончания судебного заседания. При необходимости он может изготавливаться по частям, которые, как и протокол в целом, подписываются председательствующим и секретарем. По ходатайству сторон им может быть предоставлена возможность ознакомиться с частями протокола по мере их изготовления. Копия протокола изготавливается только по письменному ходатайству

участника судебного разбирательства и за его счет.

В течение 3 суток со дня ознакомления с протоколом судебного заседания суда апелляционной инстанции стороны могут подать на него замечания, которые в соответствии со ст. 260 УПК РФ должны рассматриваться председательствующим незамедлительно. В необходимых случаях он вправе вызвать лиц, подавших замечания, для уточнения содержания последних. По результатам их рассмотрения председательствующий выносит постановление об удовлетворении замечаний либо об оставлении их без удовлетворения. Если замечания удовлетворены частично, то в таком постановлении должно быть обязательно указано, какие из них удовлетворяются, а какие именно отклоняются.

Замечания на протокол и постановление председательствующего приобщаются к протоколу судебного заседания суда апелляционной инстанции.

Завершая анализ нового порядка рассмотрения уголовных дел судом апелляционной инстанции, четко обозначим круг признаков ему характерных черт:

1) только этот суд обладает правом проверять правильность не вступивших в законную силу промежуточных и итоговых решений, принятых по уголовным делам судами первой инстанции;

2) этот суд осуществляет свою процессуальную деятельность не только единолично (как до 1 января 2013 г.), но и коллегиально;

3) проверять вынесенные при производстве по уголовным делам и еще не вступившие в законную силу судебные акты вправе только те суды апелляционной инстанции, которые уполномочены на это законом;

4) каждый такой суд обязан производить соответствующую проверку в присутствии представителей обеих сторон, обеспечивая таким образом состязательность апелляционного производства;

5) с согласия сторон суд апелляционной инстанции вправе рассмотреть апелляционную жалобу или (и) апелляционное представление, не прибегая к проверке доказательств, которые ранее были исследованы судом первой инстанции;

6) при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке суд не связан доводами апелляционной жалобы (апелляционного представления) и вправе проверить производство по уголовному делу в полном объеме и в отношении всех осужденных;

7) суд апелляционной инстанции вправе отменить или изменить решение нижестоя-

ящего суда только в случаях, прямо указанных в законе.

В отличие от названных в законе оснований для отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке приведенный перечень характерных черт не является исчерпывающим. Тем не менее он убедительно свидетельствует о том, что суды, рассматривающие уголовные дела в

апелляционной инстанции, обладают всеми необходимыми полномочиями для своей эффективной работы, а соблюдаемое ими право каждого осужденного за преступление на пересмотр приговора вышестоящим судом безоговорочно воспринимается российским законодателем в качестве важнейшего и необходимого элемента справедливого правосудия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2008 г. № 28 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций» (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 30.06.2009 г. № 12, от 28.04.2011 г. № 7 и от 09.02.2012 г. № 3). П. 3.1 и 3.2 // Российская газета. 2009. 14 янв.

² См.: Федеральный закон от 29.12.2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» Ст. 3. П. 1. // Там же. 2010. 31 дек.

³ См., напр.: Определение Конституционного Суда РФ по жалобе гражданки Семеновой Л.М. на нарушение ее конституционных прав ч. 4 ст. 354 УПК РФ от 22.01.2004 г. №119-О.

⁴ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2008 г. № 28 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций». П. 6.

⁵ См.: Там же. П. 1 и 2.

⁶ См.: Инструкция по судебному делопроизводству в районном суде (утв. Приказом Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 г. № 36). П. 8.1 // Российская газета. 2004. 5 нояб.

⁷ См.: Там же. П. 8.4.

⁸ См.: Там же. П. 7.11.

⁹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2008 г. № 28 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций». П. 19.

¹⁰ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве». П. 35 // Российская газета. 2010. 7 июля.

¹ См.: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 23.12.2008 g. № 28 «O primenenii norm Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii, regulirujuwih proizvodstvo v sudah apelljacionnoj i kassacionnoj instancij» (s izmenenijami, vnesennymi postanovlenijami Plenuma ot 30.06.2009 g. № 12, ot 28.04.2011 g. № 7 i ot 09.02.2012 g. № 3). P. 3.1 i 3.2 // Rossijskaja gazeta. 2009. 14 janv.

² См.: Federal'nyj zakon ot 29.12.2010 g. № 433-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii i priznanii utrativshimi silu ot del'nyh zakonodatel'nyh aktov (polozhenij zakonodatel'nyh aktov) Rossijskoj Federacii» St. 3. P. 1. // Tam zhe. 2010. 31 dek.

³ См., напр.: Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF po zhalobe grazhdanki Semenovoj L.M. na narushenie ee konstitucionnyh prav ch. 4 st. 354 UPK RF ot 22.01.2004 g. №119-O.

⁴ См.: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 23.12.2008 g. № 28 «O primenenii norm Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii, regulirujuwih proizvodstvo v sudah apelljacionnoj i kassacionnoj instancij». P. 6.

⁵ См.: Там же. P. 1 i 2.

⁶ См.: Instrukcija po sudebnomu deloproizvodstvu v rajonnom sude (utv. Prikazom General'nogo direktora Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude RF ot 29.04.2003 g. № 36). P. 8.1 // Rossijskaja gazeta. 2004. 5 nojab.

⁷ См.: Там же. P. 8.4.

⁸ См.: Там же. P. 7.11.

⁹ См.: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 23.12.2008 g. № 28 «O primenenii norm Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii, regulirujuwih proizvodstvo v sudah apelljacionnoj i kassacionnoj instancij». P. 19.

¹⁰ См.: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 29.06.2010 g. № 17 «O praktike primenenija sudami norm, reglamentirujuwih uchastie poterpevshego v ugolovnom sudoproizvodstve». P. 35 // Rossijskaja gazeta. 2010. 7 ijulja.

Принципы государственной правоохранительной службы

Р.В. НАГОРНЫХ – директор Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина (филиал в г. Вологде), кандидат юридических наук, доцент

Статья посвящена социально-правовой характеристике и классификации принципов государственной правоохранительной службы.

Автором отстаивается позиция о том, что многоуровневая система принципов государственной правоохранительной службы обусловлена комплексностью и многосторонностью государственного управления в правоохранительной сфере.

По мнению автора, принципы правоохранительной службы могут быть разделены на три основные группы: общесистемные принципы, закрепляющие конституционно-правовые основы системы государственной правоохранительной службы, принципы, определяющие институциональные особенности государственной правоохранительной службы, а также принципы, характеризующие внутриорганизационную деятельность в сфере кадрового обеспечения правоохранительных органов.

Ключевые слова: государственная служба; правоохранительная деятельность; принципы; кадровая политика.

Some principles of the State Law Enforcement Service

R.V. NAGORNYKH – Director of the branch of the Moscow State Law Academy named after Kutafin O.E. in the Vologda town, candidate of law science, docent

The article is devoted to the social and legal characteristic and classification of principles of the state law enforcement service.

The author maintains the idea that the multilevel system of principles of the state law enforcement service is determined by the complex and multilateral nature of the state control in law enforcement sphere.

From the author's point of view the principles of the state law enforcement service are divided into the three main groups: general-system principles that consolidate the constitutional and legal foundations of the state law enforcement service; the principles that determine institutional features of the state law enforcement service and the principles that define inter-organizational activity in the field of law enforcement personnel policy.

Key word: state service; law enforcement activity; principles; personnel policy

Понимание государственной правоохранительной службы как сложного социально-правового явления, имеющего институциональную природу, обуславливает необходимость характеристики системы ее принципов. Принцип как философская категория означает основные начала, правила, руководящие идеи¹. Сущность принципов имеет субъективный и объективный аспекты. С одной стороны, принципы формулируются человеком, то есть являются отражением в сознании индивида явлений и процессов. С другой стороны, в основу сформулированных человеком принципов закладываются выявленные им закономерности, существующие вне зависимости от личностных представлений о них.

Среди принципов государственной правоохранительной службы центральное ме-

сто отводится конституционным принципам правового демократического государства, которые обуславливают построение всей правоохранительной системы и являются основополагающими для конструирования правовых норм, непосредственно регулирующих государственно-служебные отношения.

По мнению А.М. Артемьева, в числе важнейших конституционных принципов, имеющих непосредственное отношение к регулированию государственной правоохранительной службы, должны быть названы: верховенство Конституции Российской Федерации и федеральных законов над иными нормативно-правовыми актами, должностными инструкциями при исполнении государственными служащими должностных обязанностей и обеспечении их прав; приоритет прав и свобод человека и граж-

данина, их непосредственное действие; обязанность государственных служащих признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина; равный доступ граждан к государственной службе в соответствии со способностями и профессиональной подготовкой; обязательность для государственных служащих решений, принятых вышестоящими государственными органами и руководителями в пределах их полномочий и в соответствии с законодательством Российской Федерации; единство основных требований, предъявляемых к государственной службе; профессионализм и компетентность государственных служащих; гласность в осуществлении государственной службы; ответственность государственных служащих за принимаемые решения, неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих должностных обязанностей; внепартийность государственной службы; стабильность кадров государственных служащих в государственных органах, экономичность государственной службы².

Более развернутую систему конституционных принципов государственной службы предлагает Д.С. Исмаилов, который помимо названных относит к данной группе такие принципы, как обеспечение единства системы государственной власти, разграничение предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами в деятельности государственных служащих; разделение законодательной, исполнительной и судебной власти в организации государственной службы и деятельности государственных служащих³.

Все названные принципы в силу своей конституционно-правовой природы играют большую роль при осуществлении законодательного и подзаконного нормативного регулирования различных аспектов государственной службы, а также при непосредственном осуществлении служебной деятельности государственными служащими в правоохранительной сфере. Вместе с тем центральное место среди них, по нашему мнению, должно быть отведено принципу законности, поскольку именно он, закрепляя приоритетность действия норм Конституции Российской Федерации, позволяет обеспечить реализацию иных конституционных принципов. В этой связи неслучайной представляется попытка ряда авторов охарактеризовать его как принцип верховенства Конституции Российской Федерации над иными законами и подзаконными норма-

тивными правовыми актами. Как отмечает Ю.Н. Стариков, «этот принцип гарантирует приоритетность конституционно-правовых норм в сфере регламентации государственно-служебных отношений, высокую и основополагающую значимость конституционно-правового регулирования специфических отношений и подчиненность (подзаконность) всего остального нормативного правового массива документов, устанавливающих различные стороны служебных отношений»⁴.

Конституционный принцип законности является общеправовым. Он действует в отношении всех видов государственной службы. В соответствии с ним устанавливается подчиненность управленческой деятельности государственных служащих закону. Государственные служащие правоохранительных органов в своей деятельности должны не просто соблюдать закон, а как представители органов, осуществляющих правоприменение и правоохрану, реализовывать его⁵.

Особенностью исследуемого принципа является также и то, что должностные инструкции, фиксирующие особый правовой статус сотрудников правоохранительных органов, не должны, с одной стороны, противоречить Конституции Российской Федерации, федеральным законам и иным нормативным правовым актам, ограничивать права и свободы сотрудника, а с другой – устанавливать для него незаконные льготы и преимущества, а также ликвидировать какие-либо ограничения и запреты по службе, установленные федеральным законом.

Важной чертой современного осмысления принципа законности является отказ от его узконормативного понимания, при котором речь идет лишь о формальном соблюдении законодательства. При широком либертарном толковании принципа законности этого явно недостаточно. По мнению В.С. Нерсисянца, законность как неотъемлемый признак правового государства может иметь общечеловеческую ценность только при условии соблюдения «единства господства права и правовой формы организации политической власти, в условиях которого признаются и защищаются права и свободы человека и гражданина»⁶. При этом исследователь справедливо указывает, что «при таком понимании законности все общеобязательные акты (конституция, закон, подзаконные акты и т.д.) должны быть правовыми и по содержанию, и по порядку, и по процедуре его принятия и действия»⁷.

Все сказанное обуславливает особое внимание к принципу законности при рассмотрении системы принципов государственной правоохранительной службы. С позиции интегративного подхода принцип законности выступает как основа для построения всей последующей системы принципов правового регулирования институтов правового государства, включая государственную службу. При этом законность в данном случае может рассматриваться только в широком значении как своего рода метапринцип, возводящий понятие правового закона на уровень базовой правовой ценности⁸.

На основе конституционных положений построена система законодательных принципов, которые относятся к системе государственной службы Российской Федерации в целом и могут в равной степени присутствовать во всех ее видах, а также принципов, которые указывают на особенности государственной правоохранительной службы как вида государственной службы. Первая группа принципов закреплена в законе «О системе государственной службы». К ним относятся: федерализм, обеспечивающий единство системы государственной службы и соблюдение конституционного разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации; законность; приоритет прав и свобод человека и гражданина, их непосредственное действие, обязательность их признания, соблюдения и защиты; равный доступ граждан к государственной службе; единство правовых и организационных основ государственной службы, предполагающее законодательное закрепление единого подхода к организации государственной службы; взаимосвязь государственной службы и муниципальной службы; открытость государственной службы и ее доступность общественному контролю, объективное информирование общества о деятельности государственных служащих; профессионализм и компетентность государственных служащих; защита государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность как государственных органов и должностных лиц, так и физических и юридических лиц.

Помимо этого в настоящее время правовое оформление получили общие принципы служебного поведения государственных служащих, определенные Указом Президен-

та Российской Федерации от 12.08.2002 г. № 885 (ред. от 20.03.2007 г.) «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих»⁹. Действие данных принципов распространяется на всех государственных служащих, в том числе на сотрудников правоохранительных органов. Принципы сформулированы в форме требований к служебному поведению служащего, которые составляют элемент его правового статуса.

Государственная правоохранительная служба отдельных видов может дополняться действием специфических принципов, определяющих особенности функционирования различных правоохранительных органов. Так, например, деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы в соответствии с Законом Российской Федерации от 21.07.1993 г. № 5473-1 (ред. от 14.03.2009 г.) «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»¹⁰ основана на принципе гуманизма, который учитывается во всех направлениях пенитенциарной деятельности, прежде всего в области достижения цели исправления осужденных. Принцип гуманизма проявляется в обеспечении приоритета цели ресоциализации по отношению к карательной и превентивной целям наказания. В связи с фактом изоляции осужденного от общества пенитенциарная система не должна, за исключением случаев поддержания дисциплины, усугублять его страдания. В обращении с осужденными необходимо подчеркивать не их исключение из общества, а то обстоятельство, что они продолжают оставаться членами последнего.

Кроме того, в соответствии со ст. 8 УИК РФ от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 03.06.2009 г.) действуют такие общие принципы уголовно-исполнительного законодательства как законность, гуманизм, демократизм, равенство осужденных перед законом, дифференциация и индивидуализация исполнения наказаний, рациональное применение мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения, соединение наказания с исправительным воздействием.

Названные принципы формально-юридически закрепляют закономерности отношений, возникающих в связи с исполнением уголовных наказаний, и напрямую затрагивают служебную деятельность сотрудников УИС. При этом, как отмечается в специаль-

ной литературе, принципы уголовно-исполнительного права отражают, прежде всего, принципы уголовно-исполнительной политики и деятельности уголовно-исполнительной системы¹¹. Это обстоятельство в свою очередь позволяет соотнести принципы, закрепленные в УИК РФ, с принципами организации и функционирования правоохранительной службы в УИС.

Следует отметить, что руководящие начала деятельности сотрудников правоохранительных органов отражены также в различных международных правовых актах, таких как: Декларация о преступности и общественной безопасности¹², Кодекс должностных лиц по поддержанию правопорядка¹³, Минимальные стандартные правила обращения с заключенными¹⁴ и др. Их действие носит опосредованный характер при осуществлении правового регулирования государственно-служебных правоотношений в правоохранительной сфере и реализуется через нормы, содержащиеся в законодательных и иных нормативных правовых актах Российской Федерации.

На деятельность правоохранительных органов существенное влияние оказывают и организационно-правовые принципы кадровой политики государства в правоохранительной сфере. Основываясь на перечисленных законодательных правовых принципах государственной службы, они определяют общие начала организационной (управленческой) или административной деятельности правоохранительных органов в области кадрового обеспечения.

Существуют различные подходы к описанию рассматриваемой группы принципов. При этом, как справедливо отмечает А.М. Артемьев, «для понимания системного характера деятельности субъектов правоохраны важно рассматривать ее принципы в единстве принципов общего характера, относящихся к механизму государства в целом, ко всем составляющим его государственным органам, и принципов частного характера, действие которых распространяется лишь на некоторые звенья государственного механизма, отдельные органы или группы органов»¹⁵. Приведенные конституционные и обусловленные ими законодательные принципы имеют характер общесистемных, свойственных всем без исключения процессам и сферам государственного управления.

Вместе с тем кадровой политике присущи и специфические принципы. В частности, в литературе таковыми признаются: науч-

ность и реалистичность кадровой политики, сочетание централизации и децентрализации государственного управления кадровыми процессами, подконтрольности и подотчетности субъектов кадровой политики, системности и комплексности в работе с кадрами¹⁶ и др.

Организационные принципы государственной службы наиболее развернуто определены в Концепции реформирования системы государственной службы Российской Федерации, утвержденной руководящим документом Президента Российской Федерации от 15.08.2001 г. № 1496. Многие из них воспроизводят уже приведенные конституционные принципы государственной службы, однако их наличие в предложенном перечне организационных принципов, на наш взгляд, вполне оправданно, поскольку в рассматриваемом варианте они позволяют адаптировать конституционные дефиниции к реальным общественным отношениям в системе государственной службы.

Более того, следует обратить внимание и на то обстоятельство, что система организационных принципов находится в состоянии постоянного развития. Например, анализ положений Федеральной программы «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)»¹⁷, которая, по сути, является логическим продолжением положений Концепции реформирования государственной службы, позволяет сделать вывод о внедрении в практику управления государственной службой таких принципов, как системный подход в работе с кадрами, взаимосвязь видов государственной службы, единство правовых и организационных основ государственной службы, взаимосвязь государственной и муниципальной службы.

Таким образом, принципы правоохранительной службы являются основными началами, отражающими закономерности государственного управления в области кадрового обеспечения правоохранительной деятельности. Многоуровневая система принципов государственной правоохранительной службы обусловлена комплексностью и многосторонностью государственного управления в правоохранительной сфере.

Классификация принципов государственной правоохранительной службы по различным основаниям позволяет глубже раскрыть сущность служебных отношений в правоохранительных органах. По нашему мнению, принципы правоохранительной

службы могут быть разделены на три основные группы. К первой следует отнести общесистемные принципы, закрепляющие конституционно-правовые основы системы государственной правоохранительной службы как неотъемлемого института государственного управления. Они характеризуют общие закономерности государственного управления в правоохранительной сфере.

Вторую группу составляют принципы, в которых проявляются закономерности, возникающие непосредственно в процессе формирования и развития государственно-служебных правоотношений в правоохранительной сфере. Эти отношения носят публично-правовой характер и определяют институциональные особенности государственной правоохранительной службы.

Наконец третью группу образуют принципы, характеризующие внутриорганизационную деятельность в сфере кадрового обеспечения правоохранительных органов. Их специфику определяют особенности института государственной правоохранительной службы и практического функционирования различных правоохранительных органов.

Следует отметить, что приведенная классификация принципов государственной правоохранительной службы носит достаточно условный характер, поскольку сами принципы постоянно эволюционируют и корректируются в ходе развития демократических институтов государства и общества. При этом одни и те же принципы могут обладать многофункциональным общесистемным характером и обнаруживать признаки принадлежности к различным группам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Новый энциклопедический словарь. М., 2000. С. 968.

² См.: Артемьев А.М. Государственная правоохранительная служба: системные свойства, функции, правовое обеспечение: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 21.

³ См.: Исмаилов Д.С. Режимы государственной службы в Российской Федерации и их роль в реализации правоохранительной функции: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 23–24.

⁴ Старилов Ю.Н. Служебное право: Учеб. М., 1996. С. 698.

⁵ См.: Марченко М.Н. Теория государства и права: Учеб. М., 2006. С. 605.

⁶ Нерсесянц В.С. Философия права: Учеб. для вузов. М., 2003. С. 106.

⁷ Там же. С. 103.

⁸ См. подр.: Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000. С. 526–528; Поляков А.В., Тимошина Е.В., Ромашев Р.А. Теория государства и права на рубеже веков: проблемы и перспективы // Правоведение. 2000. № 3. С. 240; Честнов И.Л. Принцип диалога в современной теории права (проблемы правопонимания): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. С. 3–5.

⁹ СЗ РФ. 2002. № 33. Ст. 3196.

¹⁰ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

¹¹ См.: Уголовно-исполнительное право: Учеб.: В 2 т. / Под общ. ред. Ю.И. Калинина. М.; Рязань, 2006. Т. 1: Общая часть. С. 185.

¹² Принята 12.12.1996 г. Резолюцией 51/60 на 82-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН.

¹³ Принят 17.12.1979 г. Резолюцией 34/169 на 106-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН.

¹⁴ См.: Международная защита прав и свобод человека: Сб. док. М., 1990. С. 290–311.

¹⁵ Артемьев А.М. Государственная правоохранительная служба: системные свойства, функции, правовое обеспечение. С. 47.

¹⁶ См., напр.: Розенбаум Ю.А. Теоретические проблемы подготовки, подбора и расстановки управленческих кадров государственного аппарата СССР (социально-правовой аспект): Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1982. С. 33–35; Лойт Х.Х. Государственная кадровая политика в России и ее реализация в органах внутренних дел (исторический и организационно-правовой аспект): Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. С. 106–109.

¹⁷ См.: СЗ РФ. 2009. № 11. Ст. 1277.

¹ См.: Novyj jenciklopedicheskiy slovar'. M., 2000. S. 968.

² См.: Artem'ev A.M. Gosudarstvennaja pravooxranitel'naja sluzhba: sistemnye svojstva, funkcii, pravovoe obespechenie: Avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2008. S. 21.

³ См.: Ismajlov D.S. Rezhimy gosudarstvennoj sluzhby v Rossijskoj Federacii i ih rol' v realizacii pravooxranitel'noj funkcii: Avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2003. S. 23–24.

⁴ Starilov Ju.N. Sluzhebnoe pravo: Ucheb. M., 1996. S. 698.

⁵ См.: Marchenko M.N. Teorija gosudarstva i prava: Ucheb. M., 2006. S. 605.

⁶ Nersesjanc V.S. Filosofija prava: Ucheb. dlja vuzov. M., 2003. S. 106.

⁷ Tam zhe. S. 103.

⁸ См. подр.: Kerimov D.A. Metodologija prava (predmet, funkcii, problemy filosofii prava). M., 2000. S. 526–528; Poljakov A.V., Timoshina E.V., Romashev R.A. Teorija gosudarstva i prava na rubezhe vekov: problemy i perspektivy // Pravovedenie. 2000. № 3. S. 240; Chestnov I.L. Princip dialoga v sovremennoj teorii prava (problemy pravoponimaniya): Avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. SPb., 2002. S. 3–5.

⁹ SZ RF. 2002. № 33. St. 3196.

¹⁰ См.: Vedomosti SND i VS RF. 1993. № 33. St. 1316.

¹¹ См.: Ugolovno-ispolnitel'noe pravo: Ucheb.: V 2 t. / Pod obw. red. Ju.I. Kalinina. M.; Rjazan', 2006. T. 1: Obwaja chast'. S. 185.

¹² Prinjata 12.12.1996 g. Rezoljuciej 51/60 na 82-m plenarnom zasedanii General'noj Assamblei OON.

¹³ Prinjat 17.12.1979 g. Rezoljuciej 34/169 na 106-m plenarnom zasedanii General'noj Assamblei OON.

¹⁴ См.: Mezhdunarodnaja zavitav prav i svobod cheloveka: Sb. dok. M., 1990. S. 290–311.

¹⁵ Artem'ev A.M. Gosudarstvennaja pravooxranitel'naja sluzhba: sistemnye svojstva, funkcii, pravovoe obespechenie. S. 47.

¹⁶ См., напр.: Rozenbaum Ju.A. Teoreticheskie problemy podgotovki, podbora i rasstanovki upravlencheskih kadrov gosudarstvennogo apparata SSSR (social'no-pravovoj aspekt): Dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 1982. S. 33–35; Lojt H.H. Gosudarstvennaja kadrovaja politika v Rossii i ee realizacija v organah vnutrennih del (istoricheskij i organizacionno-pravovoj aspekt): Dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 1998. S. 106–109.

¹⁷ См.: SZ RF. 2009. № 11. St. 1277.

Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: некоторые проблемы правоприменения

Н.В. СОФИЙЧУК – заместитель директора по научной работе Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина (филиал в г. Вологде), кандидат юридических наук, доцент

В статье рассмотрены проблемы правоприменения отдельных положений УПК РФ о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве при производстве по уголовному делу; проанализированы процессуальные возможности отдельных участников уголовного судопроизводства в реализации досудебного соглашения о сотрудничестве; выявлена и обоснована необходимость развития данного института; внесены предложения по совершенствованию УПК РФ в части положений о возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым (обвиняемым).

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве; особый порядок принятия судебного решения; заявление ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве; субъекты досудебного соглашения о сотрудничестве; порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

Pretrial cooperation agreement in criminal legal proceedings of the Russian Federation: problems with law enforcement

N.V. SOFIYCHUK – deputy director of MSLA affiliated branch O.E. Kutafin's name in Vologda on scientific work, candidate of jurisprudence, associate professor

In this article problems of right application of the Criminal Procedure Code separate provisions of the Russian Federation about the conclusion of the pretrial cooperation agreement are considered by production on criminal case. Procedural possibilities of certain participants of criminal legal proceedings in implementation of the pretrial cooperation agreement are analysed. Need of development of this institute is revealed and proved. Offers on improvement of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding regulations on possibility the conclusion of the pretrial cooperation agreement with the suspect (accused) are made.

Key words: pretrial cooperation agreement; special order of adoption of the judgment; statement of the petition for the conclusion of the pretrial cooperation agreement; subjects of the pretrial cooperation agreement; order of the conclusion of the pretrial cooperation agreement.

В ходе проведения в Российской Федерации судебной реформы, в том числе в сфере уголовного судопроизводства, одним из важнейших ее направлений было признано расширение диспозитивных начал судебного разбирательства. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, регламентированный Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, должен был сыграть свою позитивную роль в отправлении правосудия с учетом концептуальных положений проводимой реформы.

Вместе с тем за три года практики применения данного института широкого распространения на территории России он не получил. Так, в 2010 г. в Вологодской области были заключены досудебные соглашения о сотрудничестве по 12 уголовным делам с 15 обвиняемыми. В 2011 г. из 12 направленных в суд уголовных дел о преступлениях, совершенных организованными группами, досудебное соглашение было заключено только по одному делу. В других субъектах Российской Федерации ситуация складывается аналогичным образом. Например, в

Республике Башкортостан в 2012 г. заключено всего одно досудебное соглашение о сотрудничестве, правоохранительными органами Свердловской области – 19 (в 2011 г. эта цифра составляла 85, в 2010 г. – 49). В то же время зарубежная практика применения данного института демонстрирует положительную динамику. Например, в США 90–95% криминальных расследований завершаются «сделкой с правосудием», остальные дела доходят до суда присяжных. Верховный суд США признал рассматриваемый институт существенной и целесообразной частью системы уголовного правосудия¹.

Таким образом, в Российской Федерации очевидна тенденция к существенному сокращению числа заключенных соглашений о досудебном сотрудничестве. Прокурор Свердловской области на заседании коллегии по вопросу применения правоохранительными органами положений УПК РФ о досудебном соглашении о сотрудничестве с подозреваемым (обвиняемым) отметил, что досудебные соглашения единичны, в то время как они могли бы помочь в выявлении преступлений коррупционной направленности, фактов незаконного оборота наркотических средств и иных преступлений. Он подчеркнул: «Необходимо мотивировать органы следствия и дознания на применение норм о досудебном соглашении о сотрудничестве... При этом территориальным прокурорам необходимо активизировать свою работу по координации деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью, в том числе и в сфере заключения досудебных соглашений о сотрудничестве»².

Представляется, что причины ограниченного применения данного института кроются не в отсутствии соответствующей потребности у правоохранительных органов, а прежде всего в недостаточности или некорректности правового регулирования порядка заключения досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

В научной литературе уже неоднократно поднимались такие вопросы, как обеспечение прав потерпевшего, гражданского истца при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, роль защитника в процессе заключения соглашения, содержание и порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, а также возможность его обжалования и т.д.³

В целях обеспечения единства правоприменительной практики, а также повышения эффективности борьбы с преступностью, особенно с ее организованными формами,

был издан Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 15.03.2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам», принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве».

В этих документах предприняты попытки найти единственно правильное решение спорных вопросов применения норм, составляющих рассматриваемый институт. В частности, в приказе Генеральной прокуратуры РФ отмечается, что прокурор должен организовать работу по заключению с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве, не допуская при этом ущемления прав и законных интересов других участников уголовного судопроизводства, нарушения установленных законом процессуальных сроков; ходатайство подозреваемого (обвиняемого) о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве должно рассматриваться только при наличии ходатайства следственного органа; при наличии факта заключения с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве следует считать его достаточным основанием для выделения уголовного дела в отдельное производство и др.⁴

В названном не содержится ограничения на заключение досудебного соглашения лишь для изобличения соучастников. В отношении возможности заключения досудебного соглашения с несовершеннолетними при общем запрете на такие соглашения судам рекомендовано учитывать содействие несовершеннолетнего в раскрытии и расследовании преступления при назначении ему наказания⁵. Также с учетом позиции Конституционного суда РФ было внесено уточнение, что потерпевший и гражданский истец, а равно их представители могут высказывать свое мнение по вопросу об особом порядке судебного разбирательства при досудебном соглашении о сотрудничестве.

Вместе с тем вышеназванные документы не в полной мере разъясняют порядок применения уголовно-процессуальных норм о досудебном соглашении о сотрудничестве. Остается еще немало неразрешенных вопросов, которыми задаются сотрудники правоохранительных органов.

Так, требует дополнительной регламентации деятельность стороны обвинения по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве. Как известно, к участникам со стороны обвинения относятся прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, дознаватель, потерпевший, его представитель и т.д. (п. 47 ст. 5 УПК РФ). Порядок участия каждого из выше-названных участников уголовного судопроизводства в реализации положений УПК РФ о досудебном соглашении определен, исключение представил лишь дознаватель. В настоящее время не урегулировано положение дознавателя как лица, уполномоченного выносить постановление о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

В законе отсутствует указание на то, что нормы гл. 40.1 УПК РФ применяются только при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений, равно как и не предусмотрено обязательное проведение предварительного следствия в случае заключения с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве. В этой связи встает вопрос: возможно ли заключение досудебного соглашения о сотрудничестве при производстве предварительного расследования в форме дознания?

На сегодняшний день к подсудственности дознавателей органов внутренних дел отнесены девять составов преступлений с квалифицирующим признаком их совершения группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (ч. 2 ст. 112, ч. 2 ст. 175, ч. 2 ст. 214, ч. 3 ст. 242, ч. 2 ст. 244, ч. 2 ст. 245, ч. 3 ст. 256, ч. 2 ст. 258, ч. 2 ст. 326 УК РФ). Подозреваемый (обвиняемый) мог бы заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, обязуясь оказать содействие в раскрытии и расследовании преступления путем изобличения других соучастников преступления (ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ). В этой связи остается неопределенной возможность заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в случае производства предварительного расследования по уголовному делу в форме дознания. Если данный вопрос решается положительно, необходимо закрепить в УПК РФ норму о необходимости предварительного согласования дознавателем своего решения с начальником подразделения дознания или начальником органа дознания, определить порядок и форму дальнейшего производства по уголовному делу. В случае если дальнейшее расследование будет

производиться в форме дознания, нужно определить последовательность действий дознавателя при ознакомлении участников процесса с обвинительным актом и материалами дела, а также нормативно закрепить действия прокурора при поступлении к нему уголовного дела с обвинительным актом.

Ряд сложностей возникает и в том случае, если дознаватель все же не вправе выносить постановление о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Что должен делать дознаватель при поступлении к нему такого ходатайства: а) передать уголовное дело по подсудственности (ст. 317.4 УПК РФ); б) отказать в удовлетворении ходатайства? Какими нормами УПК РФ в этом случае ему следует руководствоваться? Кому может быть обжаловано постановление дознавателя об отказе в удовлетворении данного ходатайства подозреваемого (обвиняемого)?

Т. Николаева и Е. Ларкина полагают, что «дознаватели в поиске выхода из сложившейся ситуации будут либо отказывать в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве со ссылкой на ст. 317.4 УПК РФ или в целом на гл. 40.1 УПК РФ, однако такое решение может быть обжаловано в суде, либо будут передавать уголовное дело для производства предварительного следствия, ссылаясь на те же самые статьи УПК РФ»⁶, что в дальнейшем также не гарантирует принятие следователем или прокурором решения об удовлетворении заявленного ходатайства, а потому основания для продолжения расследования в форме предварительного следствия могут отпасть.

В подобной ситуации представляется возможной повторная смена формы предварительного расследования – передача уголовного дела от следователя к дознавателю. Подобная практика широко использовалась, например, в Санкт-Петербурге и Ленинградской области до внесения изменений в ч. 3 ст. 153 УПК РФ, когда уголовные дела о преступлениях, расследуемых в форме дознания, но подлежащие соединению в одном производстве, передавались для производства предварительного следствия лишь потому, что соответствующее решение мог принять только руководитель следственного органа⁷.

Особая роль в производстве по уголовному делу в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве отводится прокурору. Однако, как считает М.М. Головинский, его полномочия относительно данного вида процессуальных дей-

ствий отражены только в общем виде в ст. 21 УПК РФ, предусматривающей обязанность осуществления уголовного преследования⁸. В ч. 5 ст. 21 УПК РФ говорится о праве прокурора после возбуждения уголовного дела заключить с подозреваемым (обвиняемым) досудебное соглашение о сотрудничестве, но из смысла ст. 317.1 и 317.2 УПК РФ следует, что прокурор рассматривает ходатайство подозреваемого (обвиняемого) о заключении досудебного соглашения только в том случае, если оно будет согласовано со следователем и руководителем следственного отдела. Представляется не совсем логичным, что ходатайство, адресованное прокурору, в случае отказа следователя или руководителя следственного органа в его удовлетворении к прокурору даже не поступит. «Лучшим в данной ситуации, пожалуй, было бы оставить данное полномочие только за прокурором. Следователь при этом мотивировал бы свою позицию относительно уместности и результативности заключения такого соглашения», – замечают К. Гранкин и Е. Мильтова⁹. Поэтому считаем правильным исключить из закона возможность следователя или дознавателя принимать решение об отказе или удовлетворении данного ходатайства. Целесообразно оставить решение данного вопроса прокурору как должностному лицу, осуществляющему надзор за соблюдением законности при производстве предварительного расследования по уголовному делу и поддерживающему обвинение в суде.

В этой связи необходимо ч. 2 ст. 37 УПК РФ о процессуальных полномочиях прокурора дополнить п. 17 следующего содержания: «разрешать ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, составлять указанное соглашение, при соблюдении обвиняемым условий досудебного соглашения о сотрудничестве выносить постановления о проведении судебного заседания и вынесении судебного решения по уголовному делу в порядке, установленном главой 40.1 настоящего Кодекса».

В силу новизны правового института досудебного соглашения о сотрудничестве применение его на практике вызывает и другие трудности.

Во-первых, новой редакцией УПК РФ не предусмотрена обязанность следователя либо иного должностного лица разъяснять подозреваемому (обвиняемому) право на заключение досудебного соглашения. Было бы оправданным урегулировать этот вопрос в УПК РФ, например, путем включения права ходатайствовать о заключении досудебного

соглашения о сотрудничестве в перечень прав подозреваемого, установленный ст. 46 УПК РФ. В этом случае обязанность по разъяснению такого права будет возложена на следователя (дознавателя), в производстве которого находится уголовное дело.

Во-вторых, в настоящее время закон при заявлении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и при составлении соглашения о сотрудничестве прокурором возложил на защитника обязанность подписывать названные документы. Это, безусловно, гарантирует соблюдение прав и законных интересов подозреваемого или обвиняемого, но и одновременно возлагает на адвоката несвойственные ему функции¹⁰.

Изложенное позволяет внести предложение об исключении из ч. 1 ст. 317.1 и ч. 3 ст. 317.3 УПК РФ указания на необходимость подписания защитником ходатайства о заключении соглашения о сотрудничестве и самого соглашения о сотрудничестве. В этих случаях речь идет о соглашении, порождающем права и обязанности для его участников и влекущем определенные последствия. По справедливому замечанию Л.Т. Ульяновой, защитник должен разъяснить подозреваемому (обвиняемому) его права и обязанности при заявлении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, но подписывать соглашение не должен¹¹. Вместе с тем целесообразно возложить на защитника обязанность по удостоверению факта своего присутствия в момент заявления подозреваемым или обвиняемым ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подписью на ходатайстве.

Подводя итог вышесказанному, в целях урегулирования процессуального статуса дознавателя в качестве лица, уполномоченного выносить постановление о возбуждении ходатайства перед прокурором о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, а также процессуального положения защитника при реализации им своих полномочий в процессе заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве предлагаем ст. 317.1 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«1. Ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве заявляется подозреваемым (обвиняемым) в письменном виде в присутствии защитника, о чем защитник свидетельствует своей подписью на ходатайстве. Следователь (дознаватель) обязан обеспечить участие защитника подозреваемому или обвиняемому, если защитник не приглашен самим подозреваемым

(обвиняемым), его законным представителем или по поручению подозреваемого (обвиняемого) другими лицами.

2. Ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подается на имя прокурора и представляется прокурору подозреваемым (обвиняемым), его защитником через следователя или дознавателя. Следователь или дознаватель обязаны принять заявленное ходатайство при соблюдении условий, указанных в ч. 1 настоящей статьи, и в течение 24 часов вынести постановление о возбуждении ходатайства перед прокурором о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

3. Подозреваемый (обвиняемый) вправе заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного расследования. В этом ходатайстве подозреваемый (обвиняемый) указывает, какие действия он обязуется совершить в целях содействия в раскрытии и расследовании

преступления, изблечении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления.

4. Постановление прокурора об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может быть обжаловано подозреваемым (обвиняемым), его защитником в судебном порядке».

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве при производстве по уголовному делу, несомненно, призван обеспечить эффективность уголовного судопроизводства. Вместе с тем в России он пребывает в стадии апробации и становления. В этой связи имеются пробелы в его правовом регулировании, и такие важные процессуальные ценности, как конституционность, соблюдение сроков и принципов уголовного судопроизводства при производстве по уголовным делам, не всегда находят точные и определенные формулировки в уголовно-процессуальном законе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: Stephanos B. Garmonizing substantive criminal law values and criminal procedure // Cornell Law Review. 2003. № 6.

² Досудебные соглашения – путь выявления преступлений. www.prokuratura.ur.ru

³ См., напр.: Александров А.А., Александрова И.А. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. 2009. № 8; Тайман С. Сделки о признании вины или сокращенные формы судопроизводства: по какому пути пойдет Россия? // Российская юстиция. 1998. № 10–11; Тишин Р.В. Генезис досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве // История государства и права. 2010. № 18. С. 43–46; Великий Д.П. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе // Журнал российского права. 2010. № 2. С. 18–22; Брюхов В., Корчагин А. Поддержание обвинения в отношении лиц, с которыми заключено досудебное соглашение о сотрудничестве // Законность. 2011. № 7. С. 9–11.

⁴ См.: Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 15.03.2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Там же.

⁶ Николаева Т., Ларкина Е. Некоторые вопросы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное право. 2009. № 6. С. 85.

⁷ См.: Там же.

⁸ См.: Быков В.М., Быков А.М. Сторона защиты при заключении с прокурором досудебного соглашения о сотрудничестве // Российская юстиция. 2010. № 9. С. 19.

⁹ Гранкин К., Мильтова Е. Проблемы применения норм УПК РФ, регулирующих досудебное соглашение о сотрудничестве // Уголовное право. 2010. № 3. С. 78.

¹⁰ См.: Быков В.М., Быков А.М. Сторона защиты при заключении с прокурором досудебного соглашения о сотрудничестве. С. 19.

¹¹ См.: Ульянова Л.Т. Субъекты досудебного соглашения о сотрудничестве // Российский следователь. 2010. № 15. С. 42–45.

¹ См., напр.: Stephanos B. Garmonizing substantive criminal law values and criminal procedure // Cornell Law Review. 2003. № 6.

² Dosudebnye soglasheniya – put' vyjavleniya prestuplenij. www.prokuratura.ur.ru

³ См., напр.: Александров А.А., Александрова И.А. Soglashenie o dosudebnom sotrudnichestve so sledstviem: pravovaya suwnost' i voprosy tolkovaniya norm, vhodjavih v glavu 40.1 UPK RF // Ugolovnyj process. 2009. № 8; Tajman S. Sdelki o priznanii viny ili sokrawennye formy sudoproizvodstva: po kakomu puti pojdet Rossija? // Rossijskaja justicija. 1998. № 10–11; Tishin R.V. Genezis dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve v rossijskom ugovolnom sudoproizvodstve // Istorija gosudarstva i prava. 2010. № 18. S. 43–46; Velikij D.P. Dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve v rossijskom ugovolnom processe // Zhurnal rossijskogo prava. 2010. № 2. S. 18–22; Brjuhov V., Korchagin A. Podderzhanie obvinenija v otnoshenii lic, s kotorymi zakljucheno dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve // Zakonnost'. 2011. № 7. S. 9–11.

⁴ См.: Prikaz General'noj prokuratury RF ot 15.03.2010 g. № 107 «Ob organizacii raboty po realizacii polnomochij prokurora pri zakljuchenii s podozrevaemymi (obvinjaemymi) dosudebnyh soglashenij o sotrudnichestve po ugovolnym delam» // SPS «Konsul'tantPljus».

⁵ См.: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 28.06.2012 g. № 16 «O praktike primenenija sudami osobogo porjadka sudebnogo razbiratel'stva ugovolnyh del pri zakljuchenii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve» // Tam zhe.

⁶ Nikolaeva T., Larkina E. Nekotorye voprosy zakljuchenija dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve // Ugolovnoe pravo. 2009. № 6. S. 85.

⁷ См.: Там же.

⁸ См.: Bykov V.M., Bykov A.M. Storona zavit' pri zakljuchenii s prokurorom dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve // Rossijskaja justicija. 2010. № 9. S. 19.

⁹ Grankin K., Mil'tova E. Problemy primenenija norm UPK RF, regulirujuvih dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve // Ugolovnoe pravo. 2010. № 3. S. 78.

¹⁰ См.: Bykov V.M., Bykov A.M. Storona zavit' pri zakljuchenii s prokurorom dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve. S. 19.

¹¹ См.: Ul'janova L.T. Sub#ekty dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve // Rossijskij sledovatel'. 2010. № 15. S. 42–45.

Место прокуратуры в современном государственном аппарате России

И.А. ТЕРЕНТЬЕВ – аспирант кафедры административного права Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина

Статья посвящена вопросу определения места прокуратуры Российской Федерации в современном государстве. Исследуются как теоретические, так и практические аспекты проблемы. Делается достаточно оригинальный вывод об отнесении прокуратуры к президентской власти.

Ключевые слова: прокуратура; разделение властей; президент; органы исполнительной власти; государственный аппарат.

Public prosecutor's office place in modern Russian state machinery

I.A. TERYENTYEV – postgraduate Department of Administrative Law of the Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafin

Article is devoted to investigation of the public prosecutor's office place in modern Russian state machinery. They study both theoretical and practical aspects of the problem. They do rather original conclusion that the public prosecutor's office is a part of presidential power.

Key words: public prosecutor's office; separation of powers; President; bodies of executive power; state machinery.

Вопрос о месте и роли прокуратуры в современном государстве всегда вызывал и продолжает вызывать немало споров. Представляется необходимым законодательно закрепить место прокуратуры среди других элементов государственного аппарата, с тем чтобы дать ей возможность полноценно действовать в соответствии с целями, поставленными перед ней государством. Однако для этого необходима серьезная теоретическая проработка проблемы.

В качестве ключевого критерия для определения места государственного органа в структуре всего государственного аппарата практически в любом современном исследовании подобной тематики принимается опора на теорию разделения властей. Исходя из функционального назначения органов государства, а также их политической взаимозависимости выделяются различные ветви власти, которые с учетом характера полномочий элементов государственного аппарата, в них входящих, самостоятельно действуют в пределах собственной компетенции, но при этом уравнивают друг друга и взаимодействуют между собой¹. Такой подход отражен и в ст. 10 Конституции Российской Федерации: «Государственная власть в Российской Федерации осущест-

вляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны».

Несмотря на то что на сегодняшний день Конституция Российской Федерации содержит ст. 129, гласящую, что «Прокуратура Российской Федерации составляет единую централизованную систему с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору Российской Федерации», а также указывающую на установление федеральным законом полномочий, организации и порядка деятельности прокуратуры, должная ясность в обозначенной сфере не достигнута. И даже, более того, в сравнении с Конституцией РСФСР, принятой в 1978 г. и содержавшей отдельную гл. 22 «Прокуратура», возникает больше разногласий. К примеру, ст. 179 Конституции РСФСР 1978 г. четко устанавливала независимость прокуратуры относительно иных органов государственной власти: «Органы прокуратуры Российской Федерации составляют единую систему и осуществляют свои полномочия независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только Генеральному прокурору Российской Федерации». Сам же Генеральный проку-

пор назначался на должность Верховным Советом, что дало основание некоторым исследователям счесть прокуратуру органом законодательной власти, относящимся к ее контрольному механизму². Однако факт назначения Генерального прокурора Верховным Советом свидетельствует об отнесенности прокуратуры к органам законодательной власти в той же мере, как назначение Председателя Совета министров – об отнесенности к законодательной власти Совета министров³.

Сегодня назначение Генерального прокурора, осуществляющего руководство системой органов прокуратуры Российской Федерации, Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации не предполагает практически никакого серьезного влияния Совета Федерации на прокуратуру, хотя некоторые ученые и считают, что прокуратура действует по полномочию и под контролем законодательной власти⁴. Генеральный прокурор назначается по представлению Президента Российской Федерации, а члены Совета Федерации согласно ст. 95 Конституции Российской Федерации являются представителями исполнительных и представительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации. С учетом современной зависимости органов государственной власти субъектов Федерации от президента и подчиненных ему должностных лиц представляется маловероятным отклонение представленных кандидатур, как это было в первые десять лет существования Российской Федерации. К примеру, представленные Президентом Российской Федерации кандидатуры для назначения на должность Генерального прокурора отклонялись постановлениями Совета Федерации от 25.04.1994 г. № 99-І СФ и 25.10.1994 г. № 221-І СФ; предложение Президента Российской Федерации об освобождении от должности Генерального прокурора отклонено постановлениями Совета Федерации от 17.03.1999 г. № 78-СФ, 21.04.1999 г. № 154-СФ и 13.10.1999 г. № 396-СФ.

Точно так же и ежегодный доклад о состоянии законности и правопорядка, представляемый Совету Федерации Генеральным прокурором, не может служить основанием для утверждения о наличии контроля законодательной власти над системой органов прокуратуры. Этот документ выполняет лишь информационную функцию.

Отнесение прокуратуры к органам исполнительной власти, на наш взгляд, имеет под собой чуть более оснований. Органы

прокуратуры не зависимы в своей деятельности от органов исполнительной власти, что гарантируется ст. 5 Федерального закона от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». Тем не менее действующее законодательство содержит положения, позволяющие вести речь о наличии некоторой подчиненности прокуратуры органам исполнительной власти. Речь идет в том числе и об участии последних в назначении прокуроров. Как было сказано выше, Генеральный прокурор назначается Советом Федерации, члены которого являются в том числе и представителями исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Кроме того, ч. 1 ст. 13 федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» гласит, что «прокуроры субъектов Российской Федерации назначаются на должность Генеральным прокурором Российской Федерации по согласованию с органами государственной власти субъектов Российской Федерации, определяемыми субъектами Российской Федерации». В большинстве случаев органы исполнительной власти участвуют в согласовании назначения на должность прокурора субъекта, как это, например, закреплено в областном законе Ленинградской области от 01.10.2010 г. № 51-оз «О порядке согласования назначения на должность прокурора Ленинградской области». Статья 1 «Органы государственной власти Ленинградской области, осуществляющие согласование назначения на должность прокурора» гласит: «Органами государственной власти Ленинградской области, осуществляющими согласование назначения на должность прокурора, являются Губернатор Ленинградской области (далее – Губернатор) и Законодательное собрание Ленинградской области (далее – Законодательное собрание)».

Важным является и то, что законом ограничены возможности прокуратуры в осуществлении надзора за деятельностью Правительства Российской Федерации, реализующего согласно ст. 110 Конституции Российской Федерации исполнительную власть. Чтобы проиллюстрировать это положение, достаточно обратиться к ст. 24 закона «О прокуратуре Российской Федерации»: «В случае несоответствия постановлений Правительства Российской Федерации Конституции Российской Федерации и законам Российской Федерации Генеральный прокурор Российской Федерации информирует об этом Президента Российской Федерации». По сути, все, что может сде-

лать прокуратура, это ждать решения президента. Правительство уходит из-под влияния прокуратуры, имея при этом большое количество полномочий, связанных с установлением ее финансовой и материально-технической базы. Так, например, «прокуроры, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, обеспечиваются в соответствии с нормами, установленными законодательством Российской Федерации, отдельными жилыми помещениями, приобретаемыми за счет средств федерального бюджета, выделяемыми на эти цели органам Прокуратуры Российской Федерации, в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации» (ч. 4 ст. 44 федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»). Более того, Следственный комитет Российской Федерации, федеральный орган исполнительной власти, уполномочен проверять сообщения о преступлении, совершенном прокурором, возбуждать в отношении прокурора уголовное дело (за исключением случаев, когда прокурор застигнут при совершении преступления) и осуществлять его предварительное расследование (ст. 42 федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»).

Таким образом, наблюдается явный дисбаланс взаимных рычагов влияния прокуратуры и исполнительной власти. Впрочем, ситуация уравнивается сильной президентской властью над ними обеими.

Сомнительно отнесение прокуратуры к судебной власти. Конституция включает положения о прокуратуре в ст. 129 гл. 7 «Судебная власть», фактически не обнаруживая никакой реальной связи, позволяющей обосновать подпадание системы органов прокуратуры под контроль судебной власти. Это «хотя и нацеливает на сотрудничество с судом, но в большей степени носит юридико-технический характер, чем конституционный характер»⁵. Такое расположение статьи, посвященной прокуратуре, связано с тем, что «в процессе подготовки проекта новой Конституции РФ была предпринята попытка ограничения роли прокуратуры выполнением лишь судебно-процессуальных функций и исключением функции надзора из сферы ее деятельности»⁶. В настоящее время в научной литературе встречаются предложения об удалении статьи о прокуратуре из гл. 7 Конституции Российской Федерации и даже включении в текст Основного закона специальной главы, посвященной только системе органов прокуратуры⁷. Реальных рычагов влияния судебной власти на

прокуратуру современным законодательством не предусмотрено, причем, и прокуратур не обладает таковыми в отношении судебной власти, что в большой степени говорит об их независимости друг от друга. Единственным существенным аргументом сторонников отнесения прокуратуры к судебной власти является поддержание государственного обвинения в суде⁸.

Некоторые исследователи включают прокуратуру в систему правоохранительной власти⁹, которую составляют не только правоохранительные органы исполнительной власти, но и суды, то есть, по сути, вся судебная власть. Подобное утверждение противоречит действующему законодательству, в том числе положениям Конституции Российской Федерации, закрепляющей существование судебной и исполнительной власти, но не признающей правоохранительную.

Есть ученые, которые придерживаются точки зрения, что прокуратура не относится ни к одной ветви власти, а «осуществляет правоохранительную функцию без каких-либо административных полномочий, не входит и не должна входить ни в одну из систем органов государственной власти»¹⁰. Прокуратуру также называют частью системы сдержек и противовесов¹¹.

Существует мнение о наличии прокурорской власти. К примеру, Н.В. Мельников выступает за включение в Конституцию Российской Федерации следующей формулировки: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе ее разделения на законодательную, исполнительную, судебную и прокурорскую»¹². Многие ученые в советский период придерживались подобной точки зрения. И.Е. Фарбер писал, что «прокурорский надзор в Советском государстве есть особая деятельность социалистического государства, основанная на демократических принципах и представляющая собой форму осуществления государственной власти»¹³. С.Г. Березовская¹⁴, В.Ф. Коток¹⁵, Г.И. Бровин¹⁶ указывали на особый характер прокурорского надзора и рассматривали отношения, возникающие по его поводу, в качестве государственно-властных.

Распространенность представленного подхода в советской юридической науке объяснялась господствовавшими тогда взглядами в области теории государства. В частности, из-за отсутствия признания разделения властей выделялись следующие формы государственной деятельности: деятельность представительных органов (госу-

дарственная власть), исполнительно-распорядительная деятельность (государственное управление), правосудие и прокурорская деятельность¹⁷. В настоящее время господство политической теории разделения властей обуславливает и законодательное закрепление только положений о наличии трех ветвей власти, названных в ст. 10 Конституции Российской Федерации. Выводы о существовании иных ветвей власти или форм государственной деятельности остаются лишь результатами теоретических изысканий.

Между тем возможность влияния иных элементов государственного аппарата на деятельность прокуратуры, несмотря на формально провозглашенную в федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» недопустимость вмешательства в ее деятельность, не дает оснований для выделения прокурорской власти.

Анализ современного законодательства и складывающейся политической практики, как нам представляется, заставляет признать наиболее верной точку зрения Р.Д. Курбанова. Этот исследователь относит прокуратуру (подчеркивая необходимость внесения соответствующих изменений в законодательство, включая и Конституцию Российской Федерации) к органам президентской власти, то есть органам, непосредственно подчиненным Президенту Российской Федерации. По мнению Р.Д. Курбанова, такое положение соответствует статусу президента как гаранта Конституции Российской Федерации, главы государства и историческому назначению прокуратуры как «ока государева»¹⁸. Между тем мы считаем, что включение прокуратуры в президентскую власть не дело будущих изменений законодательства, а современная реальность, вытекающая непосредственно из полномочий Президента Российской Федерации и подтверждающаяся сложившимися на данный момент отношениями между президентом и системой органов прокуратуры.

«Исполнительной властью мы именуем президентскую рать по инерции, под гипнозом идеи разделения властей. На самом деле, это пока еще административная власть, явно подавляющая иные ветви власти, провозглашенные в Конституции РФ 1993 г. как самостоятельные»¹⁹. Полномочия президента, закрепленные в Конституции Российской Федерации, дают ему возможность управления как исполнительной вертикалью, так и органами прокуратуры. И именно фактическое подчинение прокуратуры президенту, который сегодня дает поручения непосредственно Генеральному

прокурору, говорит о том, что президентская власть благодаря такому мощному рычагу влияния, как прокуратура, в состоянии осуществлять решающее давление на иные ветви власти. Иллюстрацией подобного мнения могут служить многочисленные поручения президента, ставшие благодаря Указу Президента Российской Федерации от 28.03.2011 г. № 352 «О мерах по совершенствованию организации исполнения поручений и указаний Президента Российской Федерации» обязательными для руководителей федеральных органов исполнительной власти, иных федеральных государственных органов и высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации. Например, текст поручения Президента Российской Федерации, размещенный на официальном сайте Президента Российской Федерации в сети Интернет 30.07.2010 г.:

«В.В. Путину

Примите совместно с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации исчерпывающие меры по ликвидации пожаров, оказанию помощи пострадавшим, усилению противопожарной безопасности и профилактике возгораний. Организуйте дооснащение Сибирского и Дальневосточного авиационно-спасательных центров МЧС России самолетами-амфибиями "Бе-200ЧС".

Г.С. Полтавченко, И.И. Клебанову, В.В. Устинову, Г.А. Рапоте, Н.А. Винниченко, А.В. Квашнину, В.И. Ишаеву, А.Г. Хлопонину

Примите меры по оказанию помощи пострадавшим.

Ю.Я. Чайке, С.В. Степашину, К.А. Чуйченко

Проверьте эффективность расходования средств федерального бюджета, выделяемых на борьбу с пожарами и оказание помощи пострадавшим»²¹.

Президент одновременно дает поручение Генеральному прокурору, Председателю Правительства, Председателю Счетной палаты, что демонстрирует его огромную власть, не зависящую от тех ветвей, что закреплены в Конституции Российской Федерации.

Очевидно, что фактически сложившаяся политическая реальность требует юридического оформления. Необходимо внесение в Конституцию Российской Федерации изменений, которые бы наконец четко определили место прокуратуры по отношению ко всем высшим органам и должностным лицам современного российского государственного аппарата.

Необходимость приближения органов прокуратуры к современной социальной действительности признает и действующий Генеральный прокурор Ю.Я. Чайка: «Органы прокуратуры Российской Федерации – важнейший институт государственного устройства, уже не раз доказавший свою

состоятельность, необходимость и востребованность. Главная задача настоящего времени – его дальнейшее развитие и модернизация применительно к реалиям общественной жизни, российского законодательства и приближение к международным стандартам»²¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 65.

² См.: Скуратов Ю.И., Шинд В.И. Конституционные основы места прокуратуры в государственном механизме Российской Федерации // Конституционная законность и прокурорский надзор. М., 1994. С. 21.

³ См.: Григоров К.А. Функции и направления деятельности прокуратуры Российской Федерации в современных условиях // Российское право в Интернете. № 2004 (02). <http://www.rpi.msal.ru/prints/200402advocacy1.html>

⁴ См.: Долежан В.В. Проблемы компетенции прокуратуры: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. С. 44.

⁵ Скуратов Ю.И., Шинд В.И. Конституционные основы места прокуратуры в государственном механизме Российской Федерации. С. 24.

⁶ Буйанский С.Г. Прокуратура в условиях административно-правовой реформы: Моногр. М., 2006. С. 160.

⁷ См.: Бессарабов В.Г. Прокуратура в системе органов государственного контроля в Российской Федерации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 13; Мельников Н.В. Конституционные основы организации и деятельности прокуратуры. М., 2000. С. 85.

⁸ См.: Точилковский В.М. О концепции прокурорской власти // Советское государство и право. 1990. № 9. С. 46.

⁹ См.: Звирбуль В.К. Перспективы развития прокурорского надзора в правовом государстве // Там же. С. 36.

¹⁰ Власов В.И. У прокурора и судьи разные функции // Российская юстиция. 1995. № 9. С. 51. См. также: Бессарабов В.Г. Прокуратура в системе органов государственного контроля в Российской Федерации. С. 13–14.

¹¹ См.: Скуратов Ю.И., Шинд В.И. Конституционные основы места прокуратуры в государственном механизме Российской Федерации. С. 20.

¹² Мельников Н.В. Конституционные основы организации и деятельности прокуратуры. С. 171–173. См. также: Он же. Прокурорская власть и личность. М., 2003. С. 45.

¹³ Фарбер И.Е. Конституционные основы прокурорского надзора в Советском государстве // Советская прокуратура на страже законности. Саратов, 1973. С. 28.

¹⁴ См.: Березовская С.Г. Нормы прокурорского надзора и их место в системе советского права // Вопросы прокурорского надзора. М., 1972. С. 28.

¹⁵ См.: Коток В.Ф. О системе науки советского государственного права // Советское государство и право. 1959. № 6. С. 74.

¹⁶ См.: Бровин Г.И. О прокурорско-надзорных правоотношениях // Совершенствование прокурорского надзора в СССР. М., 1973. С. 94.

¹⁷ См.: Буйанский С.Г. Прокуратура в условиях административно-правовой реформы.

¹⁸ См.: Курбанов Р.Д. Прокурорский надзор за исполнением законов в досудебном производстве по уголовным делам о незаконной добыче водных животных и растений: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 25.

¹⁹ Бойков А.Д. Третья власть в России. Курск, 1999. С. 106.

²⁰ Перечень поручений по ликвидации последствий пожаров и оказанию помощи пострадавшим. <http://state.kremlin.ru/face/8502>

²¹ Чайка Ю.Я. О развитии органов прокуратуры // Адвокат. 2006. № 7.

¹ См.: Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 65.

² См.: Скуратов Ю.И., Шинд В.И. Конституционные основы места прокуратуры в государственном механизме Российской Федерации // Конституционная законность и прокурорский надзор. М., 1994. С. 21.

³ См.: Григоров К.А. Функции и направления деятельности прокуратуры Российской Федерации в современных условиях // Российское право в Интернете. № 2004 (02). <http://www.rpi.msal.ru/prints/200402advocacy1.html>

⁴ См.: Долежан В.В. Проблемы компетенции прокуратуры: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. С. 44.

⁵ Скуратов Ю.И., Шинд В.И. Конституционные основы места прокуратуры в государственном механизме Российской Федерации. С. 24.

⁶ Буйанский С.Г. Прокуратура в условиях административно-правовой реформы: Моногр. М., 2006. С. 160.

⁷ См.: Бессарабов В.Г. Прокуратура в системе органов государственного контроля в Российской Федерации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 13; Мельников Н.В. Конституционные основы организации и деятельности прокуратуры. М., 2000. С. 85.

⁸ См.: Точилковский В.М. О концепции прокурорской власти // Советское государство и право. 1990. № 9. С. 46.

⁹ См.: Звирбуль В.К. Перспективы развития прокурорского надзора в правовом государстве // Там же. С. 36.

¹⁰ Власов В.И. У прокурора и судьи разные функции // Российская юстиция. 1995. № 9. С. 51. См. также: Бессарабов В.Г. Прокуратура в системе органов государственного контроля в Российской Федерации. С. 13–14.

¹¹ См.: Скуратов Ю.И., Шинд В.И. Конституционные основы места прокуратуры в государственном механизме Российской Федерации. С. 20.

¹² Мельников Н.В. Конституционные основы организации и деятельности прокуратуры. С. 171–173. См. также: Он же. Прокурорская власть и личность. М., 2003. С. 45.

¹³ Фарбер И.Е. Конституционные основы прокурорского надзора в Советском государстве // Советская прокуратура на страже законности. Саратов, 1973. С. 28.

¹⁴ См.: Березовская С.Г. Нормы прокурорского надзора и их место в системе советского права // Вопросы прокурорского надзора. М., 1972. С. 28.

¹⁵ См.: Коток В.Ф. О системе науки советского государственного права // Советское государство и право. 1959. № 6. С. 74.

¹⁶ См.: Бровин Г.И. О прокурорско-надзорных правоотношениях // Совершенствование прокурорского надзора в СССР. М., 1973. С. 94.

¹⁷ См.: Буйанский С.Г. Прокуратура в условиях административно-правовой реформы.

¹⁸ См.: Курбанов Р.Д. Прокурорский надзор за исполнением законов в досудебном производстве по уголовным делам о незаконной добыче водных животных и растений: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 25.

¹⁹ Бойков А.Д. Третья власть в России. Курск, 1999. С. 106.

²⁰ Перечень поручений по ликвидации последствий пожаров и оказанию помощи пострадавшим. <http://state.kremlin.ru/face/8502>

²¹ Чайка Ю.Я. О развитии органов прокуратуры // Адвокат. 2006. № 7.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Акмеологический подход к процессу изучения проявлений преступности и личностных деформаций в местах лишения свободы у несовершеннолетних осужденных

А.Ф. ФЕДОРОВ – старший психолог Межрегиональной психологической лаборатории УФСИН России по Владимирской области, кандидат психологических наук

Актуальность проблемы изучения проявлений преступности и личностных деформаций в местах лишения свободы у несовершеннолетних осужденных очевидна. Большой интерес представляет оценка отклоняющегося поведения по уровням и критериям, которой в статье уделяется особое внимание. Профилактику отклоняющегося поведения предлагается начинать с профилактики субкультуры.

Ключевые слова: акмеологический подход; криминальная субкультура; девиация; преступность; преступные сообщества; юридическая акмеология; самоорганизация осужденных; профилактика; несовершеннолетние осужденные.

The acmeological approach to the process of studying of criminality and personality deformation in the places of imprisonment manifested by convicted minors

A.F. FEDOROV – senior psychologist Interregional psychological laboratory FPS Russia's Vladimir region, candidate of Psychological Sciences

The topicality of the problem of the process of studying of criminality and personality deformation in the places of imprisonment manifested by convicted minors is obvious. Of particular interest in this article is the level-and-criteria-based estimation of deviant behavior. The prevention of deviant behaviour is suggested to be started with subcultural prevention.

Key words: acmeological approach; criminal subculture; deviation; criminality; criminal associations; jural acmeology; convicts self-organization; prevention; convicted minors.

Российская действительность до недавнего времени характеризовалась отсутствием должного внимания к молодежи и формированием деструктивной для становящейся личности катастрофической социально-педагогической ситуации. В сложившихся обстоятельствах особую актуальность приобретает принцип сотрудничества с людьми, занимающимися юридическим трудом и воспитанием подрастающего поколения.

Формирование нравственных основ молодого человека является одной из задач юридической акмеологии. Приоритетными направлениями действия в области воспитания молодежи должны быть нравственное, семейно-бытовое и физическое. Формированию гражданственности и патриотизму юридическая акмеология уделяет большое внимание, воспитывая настоящего гражданина России, но решение социальных проблем молодежи часто за-

висит от преодоления экономических проблем общества.

Делинквентное поведение как одна из противоправных форм поведения относится к числу малоопределенных в понятийном отношении и малоизученных в содержательном плане. До сих пор ведущие специалисты в области акмеологии отводят ему незаслуженно мало внимания. Видное место в исследовательском пространстве занимают проблемы наркомании, агрессивности. Вместе с тем возрастающие масштабы детской и подростковой преступности, в том числе и рецидивной, свидетельствуют об актуальности, приоритетности и практической значимости разработок именно в этой сфере.

Несмотря на многообразие интереса к проявлениям девиантного поведения, его весьма сложно определить. Это связано с тем, что девиантность является относительной характеристикой и устанавливается в соответствии со стандартами, которые сами по себе неопределенны и часто вызывают разногласия. Такие стандарты связаны в первую очередь с социальными ожиданиями окружающих, а ожидания могут быть неясными, меняющимися во времени, различными у различных групп людей или прямо противоположными в одной и той же группе, но при изменившихся обстоятельствах. Ярким примером девиации может служить убийство человека. В любом обществе такой проступок осуждается, считается из ряда вон выходящим и оформляется юридически. Но на войне убийство вознаграждается.

Общеизвестно, что делинквентное поведение обусловлено совокупностью внешних условий и внутренних причин. Конечно, в каждом конкретном случае имеет место уникальное сочетание факторов, тем не менее можно выделить некоторые общие тенденции в формировании делинквентного поведения. Большинство авторов сходятся в том, что делинквентному поведению сопутствуют как макрофакторы (социальные условия жизнедеятельности), так и микро-социальные факторы (деструктивное воздействие семьи и ближнего социального окружения), а также индивидуально-психологические и индивидуальные особенности. В.Л. Васильев пишет, что социальные факторы играют определенную роль в происхождении противоправного поведения. К ним относятся, прежде всего, многоуровневые общественные процессы, например слабость власти и несовершенство законодательства, социальные катаклизмы и низкий

уровень жизни. По мнению Р. Мертонa, некоторые люди не могут отказаться от делинквентного поведения, потому что в нынешнем обществе потребления подавляющее большинство любой ценой стремится к доходу, потреблению и успеху¹. Людям, так или иначе «отодвинутым в сторону» от общественных благ, трудно достичь желанных целей легальным путем, поэтому они вынуждены действовать криминальным образом. Такие люди допускают растраты, обманывают, воруют или грабят, в общем, добывают себе все то, что не могут получить законно.

Исследование соответствующего поведения у несовершеннолетних в условиях лишения свободы позволяет под новым углом взглянуть на проблему профилактики детско-подростковой делинквентности и ресоциализации несовершеннолетних осужденных.

Учитывая масштабы корыстной и насильственной преступности несовершеннолетних (в том числе и рецидивной), нельзя не признать актуальность и приоритетность изучения именно этого малоисследованного уровня противоправного поведения в контексте как социально-психологического генезиса, так и практико ориентированной профилактики. Специфика работы заключается в комплексном анализе концептуальных подходов к исследованию делинквентного поведения и доминирующих личностных деформаций у несовершеннолетних в условиях лишения свободы и разработке валидных профилактических психотехнологий.

Отклоняющееся поведение предполагает наличие трех составляющих: человека, которому свойственно такое поведение; нормы в формализованном (записанном) или неформализованном (обычай, ожидания общества) виде; органа, группы, личности, которые оценивают действие и придают ему статус девиации, а также налагают какие-то санкции. Особый интерес представляет оценка отклоняющегося поведения по уровням и критериям, соответствующим этим уровням.

Первый уровень (первичный) характеризуется следующими показателями. В неустойчивых ценностных ориентациях приоритетами являются друзья, семья, здоровье, ум, профессия, любовь, творчество. Отвергаются воровство, агрессия, вредные привычки. Одновременно у подростка происходит нарушение положительных связей (самопознание, самовыражение, самоутверждение, самозащищенность). Он иногда не выполняет предписанные ему правила,

наблюдаются нарушения элементарных запретов на курение, употребление алкоголя, наркотиков, обнаруживается стремление вступить в конфликтную ситуацию.

Второй уровень (зона риска) характеризуется деформацией ценностных ориентаций: подросток обращает внимание на красивую одежду, внешность, фирменные вещи и отвергает дисциплину, послушание, семейные нормы. Количество социальных связей уменьшается, возникают контакты с отрицательными неформальными группами. Эпизодически не выполняется до половины критериев социального поведения, появляются вредные привычки, воровство, посягательство на честь, уход от организованной деятельности. Велика вероятность асоциального поведения, для чего достаточно лишь небольшого толчка.

Третий уровень (асоциальный) характеризуется серьезным смещением ценностей: приоритетами становятся одежда, фирменные вещи, деньги, развлечения. Значимость таких понятий, как труд, семья, школа, как правило, отвергается. Количество социальных связей еще более уменьшается, но одновременно увеличивается количество конфликтных контактов. Образуются устойчивые асоциальные связи, возникают фрустрации пассивного (лень) и активного (агрессия) типа. Постоянно не выполняются основные критерии нормативного поведения.

Четвертый уровень (делинквентный, некриминальный) характеризуется тем, что во главу угла ставятся физическая сила, внешность, деньги, развлечения. Отвергаются дружба, честь, любовь. Социальная сеть становится бедной. Не выполняется большинство критериев нормативного поведения.

В условиях быстроизменяющегося общества наблюдается резкий всплеск делинквентного противоправного поведения в детской и молодежной среде. Во-первых, во всех обществах понятия «старший» и «младший» означают не только возрастные различия, но и статусные. Понятие «старшинство» имеет не только описательное, но и ценностное, социально-статусное значение, обозначая некоторое неравенство или по меньшей мере асимметрию прав и обязанностей. Во-вторых, противоречия между постоянно растущими потребностями людей и относительно неравными возможностями их удовлетворения приобретают применительно к молодежи особенно острый характер в силу несовпадения между повы-

шенным энергетическим потенциалом молодых, бурным развитием их физических, интеллектуальных, эмоциональных сил, желанием самоутвердиться в мире взрослых и недостаточной социальной зрелостью, скромным профессиональным и жизненным опытом, а следовательно, и сравнительно невысоким (неопределенным, маргинальным) социальным статусом. В-третьих, в отношении молодых существует проблема «канализирования» энергии, социальной активности в общественно одобряемом, допустимом направлении, поскольку молодежь особенно нуждается в социальном признании и самоутверждении, а неудовлетворенная потребность такого рода вызывает попытки реализовать себя не только в творчестве, но и в негативных поступках, преступлениях («комплекс Герострата») или же приводит к «уходу» (алкоголь, наркотики, суицид) как форме пассивного протеста.

Помимо общих причин девиантного поведения в молодежной среде можно назвать и некоторые факторы, определяющие большую вероятность реализации тех или иных форм отклонений. Главная опасность изоляции подростка заключается в том, что он очень рано, в период, когда у него начинают складываться те или иные стереотипы, взгляды, мнения, ценностные ориентации, приходит к убеждению, что та или иная формальная деятельность не является для него оптимальной сферой приложения способностей, местом положительного самоутверждения.

Ю.А. Клейберг, В.Ф. Пирожков и Е.В. Змановская приходят к правильному выводу: для подростков с противоправным поведением характерно преобладание личной и лично-престижной направленности – это способ их самоутверждения, самозащиты, способ выжить и не сломаться в столь трудных для них условиях². Исследователям противоправного поведения интересно знание того, какая конкретно психологическая особенность и в каких условиях может вызывать формирование преступного поведения. Для этого надо представлять среду, в которой происходит социализация подростка, поскольку последняя, как известно, выражается в формировании мотивационной сферы. Причинами возникновения делинквентного поведения несовершеннолетних, находящихся в местах лишения свободы, служат законы, правила, нормы и традиции уголовного мира в виде криминальной субкультуры. Можно утверждать, что субкультура навязывает осужденным определенный

нормопорядок как в психическом, так и физиологическом отношениях. Возможности реализации актуальных потребностей личности оказываются также ограниченными, поскольку членство в группах и принятие субкультурных ценностей выступают в роли категорического императива, обязывающего вести себя должным образом.

Попадая в места лишения свободы, подавляющая часть впервые осужденных активно ищет пути к созданию облегчающих выживание социальных взаимодействий. Они стремятся, прежде всего, к установлению открытых межличностных отношений с людьми, близкими по судьбе, ценностным ориентациям и потребностям. С психологической точки зрения асоциальная субкультура представляет стабильную сеть непосредственного взаимодействия осужденных. Она объективирована в неформальных стандартах поведения, внутри- и межгрупповых отношениях, неписаной нормативно-ценностной системе. Данное образование развивается в рамках пенитенциарных организаций и составляет их скрытую, неформальную структуру. В общем виде это не имеющая правового статуса самоорганиза-

ция осужденных, возникающая в результате удовлетворения разнообразных потребностей личности в сфере психологических отношений или для достижения иных значимых целей в период отбывания наказания.

Исходя из современного состояния изученности делинквентности в теоретическом и практическом отношении можно сделать следующие выводы: проблема исследования делинквентности является многоуровневой; наряду с устоявшимися положениями она включает достаточно широкий круг вопросов, которые настоятельно требуют разрешения. Специфичность ее проявляется в сложности методологического, организационно-методического и эмпирического рассмотрения. Большим препятствием на пути исследователя становится необходимость крайне тщательной разработки экспериментальной процедуры, подбора методов исследования, так как психодиагностический аппарат изучения делинквентности довольно однообразен. Исходным предметом в юридической акмеологии может выступать акмеологический подход к процессу изучения проявлений делинквентности у несовершеннолетних осужденных.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бартол К. Психология криминального поведения. СПб., 2004. С. 64.

² См.: Пирожков В.Ф. Криминальная психология. М., 2001.

¹ См.: Bartol K. Psihologija kriminal'nogo povedenija. SPb., 2004. S. 64.

² См.: Pirozhkov V.F. Kriminal'naja psihologija. M., 2001.

Социально-психологическая компетентность несовершеннолетних осужденных как составляющая процесса ресоциализации

Е.С. ТРЕТЬЯК – докторант Института высшего образования Национальной академии педагогических наук, кандидат психологических наук, доцент;

Е.Н. НИЗОВЕЦ – преподаватель цикла педагогики и психологии Черниговского юридического колледжа Государственного департамента Украины по вопросам исполнения наказаний

В статье рассматривается процесс ресоциализации несовершеннолетних осужденных, основной задачей которого является формирование социально компетентной личности воспитанника. Целью является определение составляющих компонентов социально-психологической компетентности, достижение которой выступает неотъемлемым элементом подготовки несовершеннолетних осужденных к жизни на свободе и создания условий для дальнейшего успешного прохождения процесса ресоциализации.

Ключевые слова: ресоциализация; несовершеннолетние осужденные; подготовка к освобождению из воспитательной колонии; социально-психологическая компетентность.

Social and psychological competence juvenile offenders as part of the process of re-socialization

E.S. TRETIK – Ph.D. Institute of Higher Education of the National Academy of Pedagogical Sciences Ph.D., Associate Professor;

E.N. NIZOVETS – teacher pedagogy and psychology cycle Chernihiv Law College of the State Department for the Execution of Punishment

The article deals with the process of re-socialization of convicted minors, whose main task is to develop socially competent individual pupil. Aim is to determine constituents of psychosocial competence as the main task of preparing minors sentenced to life in freedom and to create conditions for the further successful completion of the process of re-socialization.

Key words: re-socialization; juvenile offenders; preparing for the release of the juvenile correctional facility; psycho-social competence.

Проблема социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, всегда стояла перед обществом достаточно остро, особенно применительно к несовершеннолетним осужденным. Принудительная изоляция от общества, разрушение социально полезных связей, включение индивидов в однополюсные группы на управленческих началах, жесткая регламентация всей жизнедеятельности, лишение личного пространства – все эти деструктивные обстоятельства оказывают негативное воздействие на личность несовершеннолетнего. У него формируются такие качества, как безынициативность, низкий самоконтроль, боязнь ответственности, жизненная пассивность, социальный и психологический инфантилизм.

К сожалению, процесс исполнения наказания до сих пор во многом строится на осуществлении инструментального подхода к работе с осужденными. Осужденный в лучшем случае рассматривается как объект воспитательного воздействия, а не как субъект, который должен быть включен в процесс решения проблем, определяющий его дальнейшую судьбу.

Усвоение элементов криминальной субкультуры, ослабление семейных и родственных связей, потеря навыков рационального использования материальных ресурсов, неумение анализировать сложные жизненные ситуации, принимать самостоятельные решения, прогнозировать последствия своих действий и нести за них личную ответствен-

ность влияют на процесс адаптации несовершеннолетних осужденных, особенно в течение первых месяцев свободной жизни.

Следовательно, актуальным остается вопрос подготовки несовершеннолетних осужденных к жизни на свободе. Ведь основной задачей этой деятельности является не просто вооружение воспитанников системой знаний, норм и ценностей, а развитие у них способности и готовности жить в современном обществе, достигать социально значимых целей, эффективно взаимодействовать с социумом и разрешать жизненные проблемы, то есть формирование социально-психологической компетентности личности.

Впервые термин «ресоциализация» использовали американские социальные психологи А. Кеннеди и Д. Кербер для определения процесса «вторичного» вхождения индивида в социальную среду в результате определенных «дефектов» социализации (ресоциализация освобожденных из мест лишения свободы) или в результате изменения социокультурного окружения (ресоциализация мигрантов). Сегодня это понятие используется достаточно широко и вне специфики субъектов процесса – как осознанное изменение поведения человека в ситуации очевидного социального неуспеха¹.

Исследования психологических аспектов ресоциализации осужденных осуществляли Ю.М. Антонян, С.А. Беличева, А.А. Деркач, М.И. Еникеев, К.Е. Игошев, В.С. Медведев, В.Ф. Пирожков, А.И. Ушатиков, П.М. Федосенко, а педагогические аспекты процесса ресоциализации освещались в трудах А.В. Бецы, В.А. Верещагина, В.А. Кондратьева, В.И. Кривуши, Г.А. Радова, М.С. Рыбака, В.М. Синёва, М.С. Фомина и т.д.

Так, по определению М.С. Рыбака, содержание процесса ресоциализации осужденного включает в себя коррекцию свойств его личности в направлении укрепления черт, необходимых и достаточных для законопослушной жизни в определенной позитивной или нейтральной с точки зрения общественной безопасности социальной группе².

С.А. Беличева, анализируя особенности личности и психолого-педагогическую поддержку дезадаптированных детей и подростков, рассматривает ресоциализацию как систему психолого-социально-педагогических действий, направленную на преодоление асоциальных, антисоциальных поведенческих, когнитивных и эмоциональных реакций, установок, убеждений и действий, которые нарушают социальное и личностное функционирование ребенка³.

М.С. Фомин трактует ресоциализацию как «социально ориентированный процесс оказания осужденным разноуровневой поддержки юридического, психологического, медицинского, психолого-педагогического, медико-психологического, материального, организационного и иного характера, которая позволяет осужденному после освобождения нести социальную ответственность за свое поведение и жить в обществе, не нарушая законов». Автор также подчеркивает, что процесс ресоциализации осуществляется на основе дифференциации и индивидуализации, которые базируются на диагностике личности осужденного, изучении ее криминального прошлого, выявлении мотивов и факторов, ставших причиной совершения преступления, их психологических особенностей поведения⁴.

Следует согласиться и с М.И. Еникеевым в том, что ресоциализация осужденных связана, прежде всего, с их ценностной переориентацией, формированием у них механизма социально-положительного целеполагания, отработкой прочных стереотипов социально-положительного поведения. Создание условий для возникновения адаптированного поведения личности является основной задачей исправительных учреждений⁵.

Исследуя поведение несовершеннолетних в условиях лишения свободы, Е.Н. Кондрат рассматривает ресоциализацию несовершеннолетних осужденных как сложную систему реабилитационных мероприятий по восстановлению утраченных или ослабленных в результате отбывания уголовного наказания социальных функций и статуса личности⁶.

На основе анализа литературы мы понимаем под ресоциализацией несовершеннолетних осужденных процесс осознанного возобновления ранее утраченных или ослабленных в результате асоциального поведения социально-психологических качеств личности (ответственность, эмпатия, толерантность, коммуникативность) и усвоения социально принятых норм, ценностей, моделей поведения, которые нужны для полноценного функционирования в обществе. Основу процесса ресоциализации, по нашему мнению, составляют воссоздание, сохранение, формирование социально и личностно полезных связей и отношений несовершеннолетних осужденных, создание здоровой микросреды, вовлечение в различные виды позитивной деятельности.

Так мы подходим к рассмотрению понятия социально-психологической компетентности.

В современной социально-психологической науке феномен социальной компетентности исследовали: К.А. Абульханова-Славская, А. Аргайл, Л.И. Берестова, И.А. Зимняя, Н.В. Калинина, Е.В. Коблянская, М.И. Лукьянова, Л.А. Лепихова, Ю. Мель, У. Пфлингстен, Н.А. Рототаева, Д. Равен и др.

Приняв во внимание различные теоретические подходы, мы сформулировали определение социально-психологической компетентности несовершеннолетних осужденных: это интегративная способность адекватно оценивать окружающую действительность на основе полноты знаний о ней; осознавать и контролировать свое социальное поведение и понимать поведение других; принимать самостоятельные решения, прогнозировать последствия своих действий и нести за них личностную ответственность; адекватно реагировать на сложившуюся ситуацию и понимать психологические механизмы возникновения разнообразных эмоциональных состояний; владеть механизмами саморегуляции, необходимыми для успешного выполнения деятельности; эффективно взаимодействовать с окружающим миром.

Социально-психологическая компетентность формируется в процессе социализации личности, и для достижения ее в каждом возрастном периоде существуют конкретные задачи.

Необходимо учесть, что характерными особенностями подросткового возраста являются конкретные социальные обстоятельства, прежде всего связанные с изменением места ребенка в обществе, сменой его позиции при вступлении в новые отношения с миром взрослых и его ценностями. Подросток занимает переходное положение между ребенком и взрослым. Половое созревание приводит к повышению активности, физических и психических возможностей ребенка и создает благоприятные условия для возникновения у него ощущения взрослости, самостоятельности. Однако на этом этапе своего развития подросток еще не может быть полностью самостоятельным: чтобы действовать таким образом, нужно быть относительно независимым от непосредственного социального окружения, владеть механизмами личностной саморегуляции.

Самое сложное заключается в обретении внутренней уверенности в себе, ясного самосознания и самоуважения, делающих человека способным действовать самостоятельно и компетентно⁷.

Подросток в силу своих возрастных особенностей не может достичь уровня соци-

ально-психологической компетентности взрослого человека, но у него должны быть свои паттерны, помогающие адаптироваться к требованиям ситуаций, характерных именно для подросткового возраста.

Анализ особенностей личности и возрастных задач развития в подростковый период позволил нам определить составляющие структурных компонентов социально-психологической компетентности несовершеннолетних осужденных:

Когнитивно-поведенческий компонент:

- знания норм и правил общения и поведения в обществе; продуктивных способов взаимодействия в деятельности; собственных личностных особенностей, способствующих достижению успеха во взаимодействии и деятельности;

- умения эффективно общаться и конструктивно взаимодействовать; осуществлять эмоциональную саморегуляцию; принимать самостоятельные решения; конструктивно разрешать конфликты; адаптироваться к социальной ситуации и проявлять личностную гибкость.

Мотивационно-личностный компонент:

- стремление к проявлению себя в социально-позитивной деятельности; преобладание мотивов достижения успеха; ценностное отношение к себе и другой личности, партнеру;

- адекватная самооценка, согласованная с уровнем притязаний; социальная ответственность; эмпатия по отношению к партнеру; поведенческая рефлексия.

По утверждению А.Л. Лихтарникова и Е.Н. Чесноковой, воспитанник по выходе из колонии должен быть самостоятельным, независимым, не идущим слепо за кем-то, не поддающимся влиянию; умеющим постоять за себя; ответственным, принимающим самостоятельные решения, способным к прогнозу, способным видеть себя и свой путь, развивать краткосрочные и долгосрочные стратегии поведения; верящим в свои силы, уверенным в себе, умеющим обратиться за помощью к людям, когда становится трудно; быть честным и добрым⁸.

Формирование социально-психологической компетентности несовершеннолетних осужденных должно происходить на всем протяжении отбывания ими уголовного наказания, что будет способствовать их дальнейшей успешной ресоциализации, потому что именно такой подход позволит выработать у воспитанников достаточно твердые взгляды, убеждения, социальные ориентации, осуществить профессиональное самоопреде-

ление, развить самосознание, способность к самоанализу, самовоспитанию, проявить стремление участвовать в общественной жизни, общественно полезном труде⁹.

Становление социально-психологической компетентности происходит в ходе социального научения и включения индивида в социальную практику, устранения противоречия между его убеждениями и требованиями социума путем их гармонизации в рамках социально-психологического тренинга, познания личностью себя и социальных процессов, протекающих в обществе.

Таким образом, формируя социально-психологическую компетентность у несовершеннолетних осужденных, целесообразно использовать пробу сил, постановку подростков в различные ситуации. Это дает возможность, с одной стороны, переносить опыт из ситуации научения, тренинга в реальную действительность, с другой – расширять границы применения алгоритма действий и стимулировать осознание подростком необходимости создания для себя новых программ просоциального поведения.

Эффективность развития социально-психологической компетентности несовершеннолетних осужденных в период подготовки к освобождению зависит от создания таких психолого-педагогических условий, как:

- субъект-субъектная основа диалогического взаимодействия;
- включение воспитанников в личностно ориентированные социальные ситуации, с которыми, весьма вероятно, он столкнется по выходе из колонии;

– использование широкого диапазона интерактивных видов деятельности (дискуссии, тренинги, деловые и ролевые игры, социальное проектирование);

– ориентация сотрудников воспитательной колонии на возрастные особенности несовершеннолетних для создания оптимальных условий развития;

– возможность контактов с внешним миром: общение в воспитательной колонии и за ее пределами с носителями различных моделей социально приемлемых ценностей и норм.

Таким образом, в основе дальнейшей успешной ресоциализации лежит развитие социально-психологической компетентности несовершеннолетних осужденных, составляющими компонентами которой являются способности адекватно оценивать окружающую действительность на основе полноты знаний о ней; осознавать и контролировать свое социальное поведение и понимать поведение других; принимать самостоятельные решения; прогнозировать последствия своих действий и нести за них личностную ответственность; понимать психологические механизмы возникновения разнообразных эмоциональных состояний; владеть механизмами саморегуляции, необходимой для успешного выполнения деятельности; эффективно взаимодействовать с окружающим миром.

Овладение социально-психологической компетентностью освобождает несовершеннолетнего от страха нового окружения, незнакомых обстоятельств, поскольку в таком случае значительно ускоряется процесс социальной перцепции, познания и прогнозирования событий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Москаленко В.В. Соціальна психологія: Підручник. Київ, 2005.

² См.: Рыбак М.С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики: Дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2001.

³ См.: Беличева С.А. Основы превентивной психологии. М., 1994.

⁴ См.: Фомин Н.С. Теория и методика социально-педагогической поддержки осужденных в процессе их ресоциализации: Дис. ... д-ра пед. наук. М., 2005.

⁵ См.: Еникеев М.И. Юридическая психология с основами общей и социальной психологии. 2005.

⁶ См.: Кондрат Е.Н. Социально-психологическая профилактика делинквентности у несовершеннолетних в местах лишения свободы: Дис. ... канд. психол. наук. Кострома, 2004.

⁷ См.: Лукьянова М.И. Базовые потребности возраста как основа развития социальной компетентности у подростков // Психологическая наука и образование. 2001. № 4. С. 41–47.

⁸ См.: Лихтарников А.Л., Чеснокова Е.Н. Как разорвать замкнутый круг. Принципы и методы социально-психологической реабилитации подростков с асоциальным поведением: Программа подготовки к освобождению из воспитательной колонии. СПб., 2004.

⁹ См.: Беличева С.А. Основы превентивной психологии.

¹ Sm.: Moskalenko V.V. Social'na psihologija: Pidruchnik. Kiiv, 2005.

² Sm.: Rybak M.S. Resocializacija osuzhdennyh k lisheniju svobody: problemy teorii i praktiki: Dis. ... d-ra jurid. nauk. Saratov, 2001.

³ Sm.: Belicheva S.A. Osnovy preventivnoj psihologii. M., 1994.

⁴ Sm.: Fomin N.S. Teorija i metodika social'no-pedagogicheskoy podderzhki osuzhdennyh v processe ih resocializacii: Dis. ... d-ra ped. nauk. M., 2005.

⁵ Sm.: Enikeev M.I. Juridicheskaja psihologija s osnovami obvej i social'noj psihologii. 2005.

⁶ Sm.: Kondrat E.N. Social'no-psihologicheskaja profilaktika delinkventnosti u nesovershennoletnih v mestah lishenija svobody: Dis. ... kand. psihol. nauk. Kostroma, 2004.

⁷ Sm.: Luk'janova M.I. Bazovye potrebnosti vozrasta kak osnova razvitija social'noj kompetentnosti u podrostkov // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie. 2001. № 4. S. 41–47.

⁸ Sm.: Liharnikov A.L., Chesnokova E.N. Kak razorvat' zamknutyj krug. Principy i metody social'no-psihologicheskoy rehabilitacii podrostkov s asocial'nym povedeniem: Programma podgotovki k osvobozhdeniju iz vospitatel'noj kolonii. SPb., 2004.

⁹ Sm.: Belicheva S.A. Osnovy preventivnoj psihologii.

Обстоятельства совершенных преступлений в представлениях осужденных

Е.Л. СУЧКОВА – доцент кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент

В статье рассматриваются представления лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, об обстоятельствах совершенных ими преступлений. Описываются виды психологических защитных механизмов, позволяющих осужденным сохранять позитивный образ «Я» и оправдывать свое преступное поведение.

Ключевые слова: социальные представления; осужденные; совершенное преступление; психологические защиты; правовая самооценка.

Convicts' notions of the circumstances in which they committed their crimes

E.L. SUCHKOVA – Associate Professor Department of organization of psychological service in criminal punishment system of the Vologda Institute of Law and Economics of Russia, candidate of Psychological Sciences

The article examines the notions of convicts serving a term of imprisonment about the circumstances in which they committed their crimes. It describes types of psychological defense mechanisms they employ to maintain appreciation of themselves and justify their criminal behavior.

Key words: social notions; convicts; committed crime; psychological defense; legal self-appraisal.

Одной из главных целей наказания в виде лишения свободы является создание условий для осознания человеком вины в совершении преступления. Для процесса исправления крайне важно принятие осужденным своей ответственности за содеянное, проявление покаяния. В ходе исследований, проведенных в советский период А.Р. Ратиновым и Г.Х. Ефремовой, были получены данные о том, что фактическое раскаяние, полное и глубокое самоосуждение, угрызения совести – крайне редкие явления для всех категорий осужденных. Подавляющая их часть прибегает к различным способам самооправдания, стремится преуменьшить свою вину, утаить неблагоприятные поступки, представить себя в более выгодном свете, изобразить жертвой обстоятельств, исполнителем чужой воли или лицом, действия которого вызваны несправедливыми поступками других людей. Преступники в своих суждениях и оценках обнаруживают искаженное представление о криминальной ситуации и роли действующих в ней лиц, что проявляется в преувеличении значения одних элементов и преуменьшении других, в

смещении отдельных фактических обстоятельств по месту, времени и вкладу участников, что в их глазах делает неприменимыми к данному случаю соответствующие правовые запреты и санкции. Измененное представление о ситуации служит своеобразной формой самооправдания и выступает предпосылкой формирования противоправной ориентации¹.

Оценка осужденными собственного противоправного поведения предопределяет и характер отношения к мерам правового воздействия. Наказание, назначенное судом, большинство осужденных считают несправедливым, не соответствующим тяжести и опасности совершенного деяния. Восприятие себя как людей, практически невиновных и напрасно подвергнутых наказанию, является главным препятствием для нормального хода исправительного процесса.

После распада СССР исследования в области изучения группового правосознания осужденных практически не проводились. Радикальные перемены, произошедшие в общественном устройстве страны, привели к существенному расслоению населения

по уровню доходов, что в сочетании с действием неблагоприятных социально-экономических факторов и отсутствием в России развитых правовых институтов стало служить сообществу осужденных дополнительным оправданием. Социальные отношения, в которых личность чувствует себя неравной другим, ущемленной, всегда чреваты протестующим поведением, в крайнем своем выражении – преступным².

Реформирование уголовно-исполнительной системы предполагает развитие социальной и психологической работы с осужденными в направлении обеспечения процесса ресоциализации, освоения преступившими закон основных социальных функций как необходимого условия исправления и успешной адаптации в обществе после освобождения. Изучение содержания ментальных репрезентаций, с помощью которых осужденные воспринимают и интерпретируют совершенные ими преступления, поможет разработать действенные программы по коррекции их отношения к допущенному преступному деянию и понесенному наказанию. Данная работа должна строиться с учетом психологических механизмов, посредством которых общность осужденных нейтрализует действие социально-правового контроля.

В предпринятом исследовании (под нашим руководством в сборе эмпирических данных принимали участие Г.М. Рудакова и И.В. Михайлов) мы попытались ответить на вопросы о том, существуют ли общие и специфические черты представления об обстоятельствах совершенных преступлений в зависимости от криминологических характеристик респондентов и с помощью каких психологических защитных механизмов осужденные оправдывают свое преступное поведение и пытаются сохранять позитивный образ «Я». Содержание представлений изучалось путем использования специально сконструированного опросного листа, также применялась техника свободного самоописания.

В эмпирическом исследовании приняли участие 32 чел. (мужчины), отбывающие наказание в колонии-поселении КП-6 УФСИН России по Вологодской области (16 чел. осуждены за корыстные и 16 чел. – за корыстно-насильственные преступления), и 78 осужденных (мужчин), отбывающих наказание в исправительной колонии общего режима ОТ-15/4 УФСИН России по Костромской области за насильственные и корыстные преступления. Респондентам было

предложено в свободной форме описать обстоятельства, предшествовавшие совершению ими противозаконных действий, чувства, которые они испытывали во время совершения преступления, свое отношение к содеянному.

Результаты проведенного исследования показали, что общими (для осужденных за различные виды преступлений) чертами представления об обстоятельствах совершенного преступления являются расхождение с материалами дела, формальное признание вины, претензии к справедливости вынесенных приговоров. Все категории осужденных прибегали к оправданию своих действий в форме общих рассуждений о чести, достоинстве, долге, справедливости, поборниками которых они себя представляют. Проявилась тенденция оправдывать свое преступное поведение тем, что российское законодательство, по мнению опрошенных, отвечает интересам обеспеченных слоев населения, и поэтому действует избирательно. В качестве примеров респонденты приводили вынесенные им судебные приговоры.

Осужденные за насильственные и корыстно-насильственные преступления обнаруживали стремление к самооправданию значительно чаще по сравнению с осужденными за корыстные преступления. Для корыстных преступников в большей степени характерна закрытость при описании обстоятельств совершенного преступления. В группе осужденных за корыстные преступления изложение существа дела ограничивалось, как правило, формальной констатацией фактов без каких-либо оценок и объяснений. Каждый второй из группы воров старался уйти от ответа («не могу объяснить», «сам не понимаю, как получилось» и т. п.).

Полученные самоописания действий, описания других лиц и их действий, описания действий жертвы, описания чувств во время преступления сопоставлялись нами с описаниями преступлений, представленными в материалах приговоров. Проведенный анализ показал, что у более чем половины опрошенных осужденных (60,4% в группе отбывающих наказание за насильственные преступления и 58,7% в группе отбывающих наказание за корыстные преступления) самоописания обстоятельств совершенного преступления существенно расходятся с материалами приговора.

Анализ частоты встречаемости видов психологических защит в содержании представлений об обстоятельствах совершенных

преступлений у респондентов показал, что ведущим механизмом (54,4%) у осужденных за насильственные преступления является проекция, позволяющая снять с себя переживание чувства вины и переложить ответственность на внешнее окружение (обстоятельства, подельника, жертву, условия жизни и т.п.). Пример: «В процессе распития она начала нас оскорблять, типа малолетки. Я раз сказал, два казал: “Успокойся!” Она не поняла, только агрессивней стала. Я ударил ладонью по ее лицу: думал, успокою ее. А она своими когтями полезла мне в лицо. Я еще раз стукнул, говорю: “Иди отсюда, до греха не доводи!” И она, за дверь выходя, сказала, что сейчас придут и по головам настучат нам. Я потерял над собой контроль и нанес ей 3–4 хороших удара. Она впала в истерику...»

Поддавливающим большинством (96,6%) осужденных за насильственные преступления для оправдания собственного поведения одновременно использовались более двух видов психологической защиты. Среди наиболее популярных механизмов нейтрализации социально-правового контроля следует назвать психологические защиты по типу «отрицание» (47,6%) и «регрессия» (44,2%), суть которых состоит в непризнании факта содеянного или представлении себя жертвой принуждения или обмана.

Осужденные за корыстные преступления, описывая обстоятельства совершенного деяния, значительно реже прибегали к использованию психологических защит, что может свидетельствовать о меньшей интенсивности эмоциональных переживаний по поводу содеянного. Корыстные преступники чаще всего (47%) использовали психологическую защиту по типу «регрессия». Особенности защитного поведения в этом случае состоят в слабохарактерности, отсутствии глубоких интересов, податливости, нерешительности, подбадривании, утешении себя.

Малоосознанная эмоциональная реакция на обвинительный приговор, лишение свободы и связанные с этим снижение общественной оценки и престижа личности, лишение определенных материальных и моральных благ стимулируют осужденного к своеобразной идеализации самого себя

и своего образа жизни, что проявляется в преднамеренной самозащите и самооправдании. Психологические защиты препятствуют формированию у осужденного адекватной правовой самооценки.

В процессе отбывания наказания в виде лишения свободы необъективная самооценка усиливает также негативное отношение к содеянному и его правовым последствиям (наказанию и мерам безопасности), а также к органам уголовной юстиции и работникам, занятым в сфере пенитенциарного и постпенитенциарного воздействия. Для того чтобы скорректировать подобного рода восприятие действительности, необходимо создать условия для осознания осужденным используемых способов реабилитации себя и своих поступков, бессознательных или не вполне осознаваемых тенденций самооправдания, формирующих искаженное видение действительности. Именно эти иллюзорные представления позволяют преступнику противостоять общественным требованиям и санкциям, сохраняя высокую самооценку и минимальный душевный дискомфорт.

Для обеспечения рефлексии осужденными собственного поведения в правовой сфере мы предлагаем использовать групповые обсуждения ситуаций совершения преступлений. В качестве материалов для проведения групповых занятий можно привлекать созданные другими осужденными (не членами группы) описания обстоятельств совершения ими преступлений³. В описаниях сохраняется авторская лексика, ситуации содержат типичные самооправдания, что, на наш взгляд, делает предлагаемый для обсуждения материал своим для осужденных и тем самым ослабляет их сопротивление новой информации. Основой могут послужить и ситуации, предложенные участниками группы.

Таким образом, полученные в результате исследования данные могут быть использованы при разработке программы психологического сопровождения осужденных с наличием нескольких видов психологических защит в целях осознания ими типичных способов самооправдания, мотивов своего поведения в правовой сфере.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ратинов А.Р., Ефремова Г.Х. Правосознание и преступное поведение // Правосознание и правовое воспитание осужденных: Сб. науч. тр. М., 1982. С. 28.

² См.: Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности в России: криминологический анализ. М., 2006. С. 67.

³ См.: Сучкова Е.Л. Коррекция правовых представлений осужденных: Метод. рекомендации для психологов уголовно-исполнительной системы. Вологда, 2011. С. 140–153.

¹ См.: Ратинов А.Р., Ефремова Г.Х. Правосознание и преступное поведение // Правосознание и правовое воспитание осужденных: Сб. науч. тр. М., 1982. С. 28.

² См.: Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности в России: криминологический анализ. М., 2006. С. 67.

³ См.: Сучкова Е.Л. Коррекция правовых представлений осужденных: Метод. рекомендации для психологов уголовно-исполнительной системы. Вологда, 2011. С. 140–153.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ

Коррупционные проявления в УИС

В.В. ВОЛКОВА – начальник кафедры управления экономической деятельностью в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат экономических наук, доцент;

Б.В. ИЛЬИН – доцент кафедры управления экономической деятельностью в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат экономических наук, член-корреспондент РАЕН

Проявление и укоренение коррупционных отношений в системе государственной власти и в правоохранительных органах в частности влекут крайне негативные последствия, которые сказываются на обеспечении законности и правопорядка в стране, подрывают веру в эффективность правоохранительной деятельности, возможность обеспечить экономическую безопасность страны. В статье рассматриваются основные причины и устанавливаются масштабы коррупции в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, а также намечаются возможные направления противодействия ей.

Ключевые слова: коррупция; антикоррупционная политика; национальный план противодействия коррупции; уголовно-исполнительная система.

Corruption in the penal system

V.V. VOLKOVA – Head of Department of economic management in prisons VIPE FPS Russia, PhD, Associate Professor;

B.V. ILYIN – associate professor of economic management in prisons VIPE, candidate of Economic Sciences, corresponding member of the Academy of Natural Sciences

Manifestation of corruption relations in the government, and law enforcement in particular, imply very negative consequences that affect the law and order in the country and undermine confidence in the effectiveness of law enforcement activities, the ability to ensure the economic security of the country. The paper examines the main causes and the extent of corruption in the institutions and bodies of the correctional system, as well as the main ways of resistance.

Key words: corruption; anti-corruption policy; the national anti-corruption plan; the correctional system.

Согласно опросам населения коррупция в настоящее время превратилась в повседневное явление¹. 25 декабря 2008 г. был принят федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», явившийся первой попыткой урегулировать на законодательном уровне соответствующее явление. В документе дается следующее

определение понятию «коррупция»: а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получе-

ния выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; б) совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица. Однако, как справедливо замечает Н. Козельская, приведенная дефиниция не охватывает сущности коррупции, ввиду чего не в полной мере отвечает современным реалиям². Нам наиболее убедительным представляется определение коррупции, сформулированное В. Клейнером: коррупция – это сознательное и добровольное принятие должностным лицом организации (в государственном или частном секторе) неоптимальных для нее решений, приводящих к получению данным лицом или зависимыми от него лицами дополнительных благ³.

Проблема борьбы с коррупцией в системе государственной службы многие годы не теряет своей актуальности. Коррупция подрывает не только доверие граждан к государственным служащим и власти в целом, она наносит удар по политической системе, основам эффективного хозяйствования и т.п. Особое значение борьба с коррупцией имеет для уголовно-исполнительной системы, поскольку, как показывает статистика, в данной среде ежегодно выявляются случаи взяточничества. Проявления коррупционных отношений в системе

правоохранительных органов влекут за собой крайне негативные последствия, которые сказываются на обеспечении законности и правопорядка в стране, противоречат задачам борьбы с преступностью, подрывают веру в эффективность правоохранительной деятельности, сводят к минимуму возможность обеспечить экономическую безопасность страны⁴.

Результаты проведенного В.Д. Крачуном опроса практических работников исправительных учреждений показали, что на территорию исправительных учреждений доставляют и передают осужденным запрещенные предметы следующие лица: вольнонаемные сотрудники ИУ (28,0%); родственники и знакомые осужденных (25,1%); осужденные, пользующиеся правом передвижения без конвоя (11,6%); иные граждане, имеющие доступ в ИУ (5,3%); аттестованные сотрудники (38,4%). Итак, большинство нарушений допускается вольнонаемными и аттестованными сотрудниками⁵.

Как видно из приведенных данных (табл. 1), год от года количество правонарушений среди личного состава УИС растет. Число правонарушений в 2011 г. почти в два раза превысило аналогичный показатель 2003 г., и, хотя уровень 2010 г. ниже уровня 2009 г. на 17%, все же наблюдается общая динамика роста этого показателя. Также увеличивается количество уголовных дел, возбужденных против сотрудников УИС: за 9 лет этот показатель вырос более чем в восемь раз.

Сведения о правонарушениях среди личного состава УИС в 2003–2011 гг.⁶

Таблица 1

Наименование показателя	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Количество нарушений законности	370	672	527	676	747	710	658	545	691
Уровень на 1000 сотрудников	1,48	2,79	2,2	2,82	2,89	2,74	2,5	2,11	1,99
Возбуждено уголовных дел	39	59	71	120	151	116	226	317	325
Уровень на 1000 сотрудников	0,16	0,25	0,3	0,5	0,58	0,45	0,86	1,23	1,29

Рассмотрим данные о статьях УК РФ, по которым возбуждены уголовные дела в отношении сотрудников УИС в 2007–2011 гг. (табл. 2).

Таблица 2

Статьи УК РФ, по которым возбуждены уголовные дела
в отношении сотрудников УИС в 2007–2011 гг. (табл. 2)

Статьи	% к общему количеству возбужденных уголовных дел				
	2007	2008	2009	2010	2011
Преступления, связанные с наркотиками (ст. 228)	27,81	26,72	35,84	32,81	26,15
Получение взятки (ст. 290). Дача взятки (ст. 291)	15,23	19,83	21,68	24,92	24,31
Злоупотребление должностными полномочиями (п. 1, 2 ст. 285)	10,6	10,34	9,73	8,83	9,54
Превышение должностных полномочий (ст. 286)	13,91	7,76	9,29	9,46	10,77
Другие статьи	32,45	35,35	23,46	23,98	29,23

Как видно из данных, приведенных в табл. 2, доля примененных коррупционных статей УК РФ велика: к 2011 г. она превысила 70%. По всем видам коррупционных статей в период 2007–2011 гг. отмечается увеличение их процента среди общего количества возбужденных уголовных дел. Следует отметить, что для коррупционных преступлений характерен высокий уровень латентности, то есть реальный масштаб коррупционных деяний значительно выше и объем реальной коррупционной преступности на несколько порядков превышает статистически зафиксированную ее часть.

Выявление причин и условий распространения коррупции в уголовно-исполнительной системе осуществляется посредством анкетирования сотрудников и осужденных. Так, представляет интерес опрос, проведенный в четырех регионах Российской Федерации: Оренбургской, Свердловской, Иркутской областях и Пермском крае⁷. Было привлечено 1240 респондентов, в том числе 625 осужденных и 615 сотрудников. Однако исследователями основное внимание было уделено тому, насколько опрошиваемые осведомлены об антикоррупционных мерах государства, доводилось ли им вступать в коррупционные отношения и т.п., тогда как коррупционные факторы не получили должного освещения.

Интересные результаты показало анкетирование сотрудников, проведенное УФСИН России по Камчатскому краю в октябре 2010 г.⁸ Основными причинами, которые способствуют коррупционным действиям в УИС, по мнению участников опроса, являются: недостаточный уровень заработной платы сотрудников (57%); желание извлечь и получить личную выгоду (31%); отсутствие социальной помощи, поддержки (24%). Кроме

того, указывалось на отсутствие патриотизма и гражданской сознательности, низкий уровень правовой культуры (недостаточный уровень осведомленности об уголовной ответственности) и неадекватность наказания за совершение противоправных действий.

В качестве основной причины коррупции сотрудники УИС называют низкий уровень благосостояния⁹, однако, как показывает статистика, значительная часть коррупционеров – люди с высоким материальным достатком¹⁰. Стереотипом поведения для коррупционеров является извлечение выгоды из служебного положения. Их материальное благосостояние в основном складывается из средств, полученных в результате использования своих полномочий.

Учитывая сказанное, в целях борьбы с коррупцией необходимо существенно пересмотреть кадровую политику УИС, прежде всего сформировать реестр коррупционно уязвимых должностей. Кандидаты на эти должности должны проверяться как с точки зрения их профессионально-личностных качеств, так и со стороны имеющих источники материальных и денежных средств. Первым шагом в данном направлении можно считать издание приказа Федеральной службы исполнения наказаний от 31.08.2009 г. № 372 «Об утверждении перечня должностей федеральной государственной службы в уголовно-исполнительной системе, при назначении на которые граждане и при замещении которых федеральные государственные служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей».

В целом же имеющиеся данные свидетельствуют о планомерно проводимой во ФСИН России работе по осуществлению мер, направленных на предупреждение и пресечение

коррупции среди работников уголовно-исполнительной системы, в соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Материалы опроса населения по проблеме коррупции в России фондом «Общественное мнение». bd.fom.ru/report/map/d102614/

² См.: Козельская Н. Влияние коррупции на экономику. Понятие и сущность коррупции // Право и экономика. 2011. № 4. С. 68.

³ См.: Клейнер В. Антикоррупционная стратегия бизнеса в России // Вопросы экономики. 2011. № 4. С. 33.

⁴ См.: Макаров А.А. Коррупция в системе органов внутренних дел. М., 2009. С. 4.

⁵ См.: Крачун В.Д. Предупреждение проникновения запрещенных предметов в исправительные учреждения: Учеб. пособие. Владимир, 2005. С. 3, 10.

⁶ Таблицы составлены по данным информационно-аналитических сборников «Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России» за 2007–2011 гг., подготовленных Научно-исследовательским институтом информационных и производственных технологий ФСИН России.

⁷ См.: Марков В.П., Сивцов С.А. Основные факторы, способствующие распространению коррупционных проявлений в пенитенциарной системе России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2011. № 4. С. 19.

⁸ См.: <http://www.ufsin41.info/24/>

⁹ В социологическом исследовании, проведенном В.М. Деминым, этот фактор в качестве причины коррупции в пенитенциарной системе назвали 36,4% опрошенных сотрудников подразделений и учреждений ФСИН России (см.: Демин В.М. Проблемы профилактики нарушений дисциплины и законности сотрудниками пенитенциарных учреждений // Российский следователь. 2007. № 4).

¹⁰ См.: Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. СПб., 2004. С. 237.

¹ См.: Материалы опроса населения по проблеме коррупции в России фондом «Общественное мнение». bd.fom.ru/report/map/d102614/

² См.: Kozel'skaja N. Vlijanie korrupcii na jekonomiku. Ponjatie i suwnost' korrupcii // Pravo i jekonomika. 2011. № 4. S. 68.

³ См.: Klejner V. Antikorrupcionnaja strategija biznesa v Rossii // Voprosy jekonomiki. 2011. № 4. S. 33.

⁴ См.: Makarov A.A. Korrupcija v sisteme organov vnutrennih del. M., 2009. S. 4.

⁵ См.: Krachun V.D. Preduprezhdenie proniknovenija zaprewennyh predmetov v ispravitel'nye uchrezhdenija: Ucheb. posobie. Vladimir, 2005. S. 3, 10.

⁶ Tablicy sostavleny po dannym informacionno-analiticheskikh sbornikov «Osnovnye pokazateli dejatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy FSIN Rossii» za 2007–2011 gg., podgotovlennyh Nauchno-issledovatel'skim institutom informacionnyh i proizvodstvennyh tehnologij FSIN Rossii.

⁷ См.: Markov V.P., Sivcov S.A. Osnovnye faktory, sposobstvujuwie rasprostraneniu korrupcionnyh pojavlenij v penitenciarnoj sisteme Rossii // Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. 2011. № 4. S. 19.

⁸ См.: <http://www.ufsin41.info/24/>

⁹ V sociologicheskom issledovanii, provedennom V.M. Deminym, jetot faktor v kachestve prichiny korrupcii v penitenciarnoj sisteme nazvali 36,4% oproshennyh sotrudnikov podrazdelenij i uchrezhdenij FSIN Rossii (sm.: Demin V.M. Problemy profilaktiki narushenij discipliny i zakonnosti sotrudnikami penitenciarnyh uchrezhdenij // Rossijskij sledovatel'. 2007. № 4).

¹⁰ См.: Antonjan Ju.M., Kudrjavcev V.N., Jeminov V.E. Lichnost' prestupnika. SPb., 2004. S. 237.

К вопросу о сущности единоначалия и коллегиальности в управлении уголовно-исполнительной системой

Т.В. МАКАРОВА – адъюнкт кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России

В статье рассматриваются понятие и сущность единоначалия и коллегиальности в разных аспектах и с разных точек зрения и предлагается осуществлять управление уголовно-исполнительной системой на основе сочетания единоначалия и коллегиальности, их взаимодополнения и взаимозависимости.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; форма управления; управленческая деятельность; единоначалие; коллегиальность.

On the essence of one-man and cooperative management in relation to the penitentiary system's regulation

T.V. MAKAROVA – associate Chair of the administrative and legal disciplines VIPE FPS Russia captain of the internal service

The paper presents different aspects of the concept and the essence of one-man and cooperative management from different viewpoints; it develops the idea of legal regulation of penitentiary system combining one-man and cooperative management on the basis of complementarity and mutual interdependence.

Key words: criminal-executive system; form of government; management activity; unity of command; collegiality.

В современной науке управления существует несколько подходов к пониманию единоначалия и коллегиальности. Большинство ученых-правоведов рассматривают их как организационные принципы, причем функционирующие как в отдельности¹, так и в сочетании². В то же время следует отметить, что единоначалие чаще выступает предметом исследования, чем коллегиальность, и представляется основным принципом построения организационных структур государственных органов. Мы в полной мере согласны с данными теоретическими выкладками, так как полагаем, что единоначалие и коллегиальность в большей степени относятся к такой административно-правовой категории, как форма управления.

В исследованиях терминологическое закрепление формы управления получили на уровне понимания внешнего выражения практической реализации функций и методов управления, самого управленческого воздействия, конкретных действий, производимых исполнительной властью, официального способа выражения деятельности административного органа³.

Выбор тех или иных форм зависит от многих обстоятельств. На него оказыва-

ют влияние, например, следующие факторы: характер компетенции данного органа (должностного лица); особенности объекта управляющего воздействия (в частности, форма собственности); конкретные цели совершаемых управленческих действий; характер решаемых в процессе управленческой деятельности вопросов; характер вызываемых данными действиями последствий и т.п.

Особенность категории «форма управления» состоит в том, что она «относится к характеристике не любого участника управленческих общественных отношений, являющихся предметом административно-правового регулирования, а только субъекта управления, т.е. соответствующего исполнительного органа (должностного лица)»⁴.

Единоначалие и коллегиальность более всего связаны с личностным аспектом. Единоначалие, требующее подчинения «воли тысяч воле одного», предполагает определенную организационно-управленческую деятельность одного лица – руководителя. Коллегиальность, требующая участия в организационно-управленческой деятельности всей определенной группы или представительной ее части, предполагает

активность, творчество коллектива. Единоначалие и коллегиальность реализуются посредством личностного взаимодействия руководителя и коллектива, которое основано на взаимодополнении. Суть последнего состоит в том, что разветвленность, многоступенчатость системы единоначалия адекватно соответствует многозвенности коллегиальности: если единоначалие функционирует через делегирование компетенций и полномочий высшей инстанцией низшей, то коллегиальность проявляется в ответном представительном или непосредственном воздействии низшей ступени на высшую. Таким образом, в силу многоступенчатости системы демократически централизованного управления единоначалие оборачивается коллегиальностью и все участники управленческого процесса в той или иной степени оказываются под воздействием сменяющихся ролей.

Единоначалие и коллегиальность выступают как различные формы единого процесса управления. В определенных ситуациях каждая может играть ведущую роль в его организации, временно ограничивая значение другой. Первенство такого рода способно утрачиваться, когда новые условия требуют принципиальных изменений в организации управления. Если этого по каким-либо причинам не происходит, то единоначалие или коллегиальность гипертрофируются, порождая излишний централизм.

Единоначалие, с одной стороны, есть правовая форма управленческой деятельности, заключающаяся в требовании единоличного распорядительства и единоличной ответственности, а с другой – социально-правовой статус руководителя (единоначальника), соединяющий в себе его социальную позицию, формальный статус и его личностные, «внутренние» качества. Таким образом, единоначалие обладает двойственной природой: оно есть процесс и результат личностных взаимодействий по поводу выполнения объективно стоящих перед людьми задач (возникновение его в качестве интегративного звена означает одновременно и возникновение организованности, порядка), и в то же время оно является организующей силой, не зависящей от взаимодействия людей и вносящей извне порядок и целенаправленность в эти взаимодействия.

Единоначалие приобретает смысл и значение только тогда, когда получает надежную правовую регламентацию, которая должна быть такой, чтобы не бюрократизировать, не сковывать формальными запре-

тами деятельность, а наоборот, открывать простор для самостоятельности, инициативы, творчества, поиска все новых путей решения управленческих вопросов.

Указ Президента Российской Федерации от 13.10.2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» содержит положение о том, что «директор осуществляет на основе единоначалия руководство деятельностью ФСИН России»⁵. Альтернативы по форме управления службой не предусмотрено.

Приказ Минюста России от 07.04.1999 г. № 114 «Об утверждении Типового положения о Государственном учреждении (управлении, отделе) территориального органа уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации по конвоированию» установил: «начальник управления в пределах предоставленных ему полномочий: осуществляет текущее руководство деятельностью управления на принципах единоначалия, определяет пределы полномочий своих заместителей и начальников структурных подразделений, подчиняется непосредственно заместителю начальника территориального органа УИС по охране и конвоированию»⁶.

Процессом и результатом личностного взаимодействия является также и коллегиальность. В узком смысле, как форма, она представляет собой руководство, осуществляемое официально установленной группой лиц, в широком же смысле может означать такую совещательность или групповой способ принятия решения, которые не всегда выступают в форме официального установления.

Коллегия ФСИН России является постоянно действующим совещательным органом, который на своих заседаниях вправе рассматривать любой вопрос, входящий в компетенцию ФСИН России, требующий коллегиального обсуждения⁷.

Формами коллегиального рассмотрения текущих вопросов деятельности уголовно-исполнительной системы являются совещание при директоре Федеральной службы исполнения наказаний и совещание при заместителях директора Федеральной службы исполнения наказаний.

В социально-правовом отношении коллегиальность может быть представлена совокупностью личностных и групповых характеристик: формированием мотивов и принятием решений; взаимообменом информацией, убеждением и внушением; межличностными отношениями, влиянием

личности на личность и т.д. Субъектом коллегиальности является личность – группа, то есть личность в соотношении с группой, как частица группы, включенная в нее. При этом не любое внутригрупповое взаимодействие, не любая групповая деятельность представляет собой коллегиальность, а лишь один ее вид – организационно-управленческая деятельность. Ей присущи единство цели и многообразие участников, которые вырабатывают и принимают единое решение. В силу последнего обстоятельства эта деятельность сопряжена с определенными расхождениями ее участников во взглядах, разногласиями, так что группа, представляющая нечто монолитное в обычной обстановке, в ситуации коллегиальности, прежде всего в процессе выработки решения, выступает внутренне дифференцированной (не в смысле обязательного расхождения точек зрения, позиций, подходов и т.д., а в смысле такой самостоятельности, независимости каждого даже при совпадении взглядов, когда этот каждый идентифицирует себя с группой, вернее, с групповым интересом). В силу этой необходимой дифференциации единой группы на ее составные единицы-личности и возникает статус «личность – группа».

Все члены группы не могут стать равноценными участниками коллегиальных процедур, и групповые решения не могут представлять собой сумму мнений и суждений в силу фактического неравенства членов группы по их компетентности, способностям и заинтересованности. Уже одно это говорит в пользу ограничения круга участников тех или иных коллегиальных процедур. Так, постоянными участниками совещания при директоре ФСИН России являются директор ФСИН России (председатель совещания) и заместители директора ФСИН России. В рассмотрении вопросов на совещании по решению директора ФСИН России могут принимать участие: представители органов государственной власти Российской Федерации, общественных объединений и организаций, руководители структурных подразделений ФСИН России, учреждений, непосредственно подчиненных ФСИН России, территориальных органов ФСИН России⁸.

В.П. Иванов утверждает, что «коллегиальность во всех без исключения обстоятельствах должна сопровождаться точным установлением личной ответственности начальника за принятое решение и за выполнение им возложенных на него функциональных обязанностей»⁹.

Для подготовки вопросов с участием ФСИН России к рассмотрению на заседании Правительства Российской Федерации формируются правительственные и межведомственные координационные и совещательные органы, организационные комитеты, образуются межведомственные рабочие группы по вопросам исполнения уголовных наказаний. Представители ФСИН России принимают участие в работе создаваемых общественными организациями органов (общественных комиссий, советов, рабочих групп и др.)¹⁰.

Единоначалие есть итог коллегиальности, когда в процессе взаимодействия (и нередко противоборства) позиций и точек зрения членов группы происходит своего рода самовывдвижение на роль лидера наиболее активного и компетентного члена группы, чьи предложения в конце концов поддерживаются большинством. Поскольку лучшие идеи, предложения и доказательства всегда имеют автора, постольку в коллегиальных процедурах, как правило, обнаруживается лидирующее лицо, чьи мысли ложатся в основу коллегиальных решений. Если помимо знаний это лицо обладает еще энергией, волей, то группа доверяет ему распорядительные функции. Таким образом, при свободном, спонтанном взаимодействии людей в группе коллегиальность завершается единоначалием.

Если коллегиальность завершается единоначалием, то единоначалие является выражением коллегиальности: и в процессе выработки решения, и в процессе руководства оно реализует себя посредством коллегиальности. При единоличном принятии решения коллегиальность для руководителя служит источником информации. В процессе управленческой деятельности он неизбежно должен передавать свои функции (и полномочия) другим лицам. При единоначалии, возникшем в результате спонтанных взаимодействий в группе, руководитель выступает персонифицированной волей, персонифицированным интересом группы или средоточием пересекающихся интересов ее членов.

Органическое единство единоначалия и коллегиальности не должно скрывать их противоположности: руководитель (единоначальник) должен обладать оперативностью, его распоряжения должны выполняться беспрекословно, коллегиальность же характеризуется определенной медлительностью, терпимостью. Единоначальник самостоятельно решает тактические, частные

вопросы, посредством коллегиальности – стратегические, общие, концептуальные. Единоначалие замыкается на достоинствах одной личности, при коллегиальности используются творческие возможности многих личностей.

Однако только в Приказе ФСИН России от 23.03.2010 г. № 111 «Об утверждении Положения о коллегии Федеральной службы исполнения наказаний, Регламента работы коллегии Федеральной службы исполнения наказаний, Регламента совещания при директоре Федеральной службы исполнения наказаний и Регламента совещания при заместителе директора Федеральной службы исполнения наказаний» и только в отношении коллегии ФСИН России установлен принцип сочетания коллегиальности и единоначалия.

Итак, единоначалие и коллегиальность – это сложные многогранные понятия, включающие себя два аспекта: с одной стороны, социально-правовой статус должностных

лиц (органов), с другой – непосредственно саму организационно-управленческую деятельность. Диалектика их связи такова, что совершенствование единоначалия возможно лишь на пути расширения и углубления коллегиальности, а коллегиальность обретает эффективность тогда, когда ее завершает единоначалие.

Однако в сфере правовой регламентации форм управления в уголовно-исполнительной системе единоначалие выступает системообразующей формой, а коллегиальности отводится второстепенная (сопоставительная) роль.

При сложившемся положении диалектика их связи не учитывается, поэтому в нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность ФСИН России, ее территориальных органов и учреждений, необходимо внести дополнения об их функционировании на основе оптимального сочетания единоначалия и коллегиальности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Административное право: Учеб. / Под ред. Л.Л. Попова. М., 2005. С. 111; Охотский Е.В. и др. Государственная служба: теория и организация: Курс лекций. Ростов н/Д, 1998. С. 186; Государственная служба Российской Федерации: основы управления персоналом / Под общ. ред. В.П. Иванова. М., 2005. С. 60.

² См.: Алилулов Р.Р. Принципы социального управления в организации деятельности органов внутренних дел. М., 1996. С. 27, 49–56, 59; Маилян С.С. Единоначалие и коллегиальность в управлении органами внутренних дел. М., 2002. С. 15–16.

³ См.: Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право. М., 2004. С. 305; Конин Н.М. Административное право России. М., 2004. С. 181; Козлов Ю.М. Административное право. М., 2005. С. 369; Алехин А.П., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации: Учеб. М., 1994. Ч. 1: Сущность и основные институты административного права. С. 175; Бровко Н.В., Смоленский М.Б., Соколова Ю.А. Административное право: Учеб. М., 2000. С. 126; Административное право: Учеб. / Под ред. Л.Л. Попова. С. 180; Атаманчук Г.В. Государственное управление: организационно-функциональные вопросы: Учеб. пособие. М., 2000. С. 173.

⁴ Административное право: Учеб. / Под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. М., 1999. С. 257.

⁵ СЗ РФ. 2004. № 42. Ст. 4109.

⁶ Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2000. № 3. С. 25.

⁷ См.: Приказ ФСИН России от 23.03.2010 г. № 111 «Об утверждении Положения о коллегии Федеральной службы исполнения наказаний, Регламента работы коллегии Федеральной службы исполнения наказаний, Регламента совещания при директоре Федеральной службы исполнения наказаний и Регламента совещания при заместителе директора Федеральной службы исполнения наказаний» // Там же. 2010. № 7. С. 19–38.

⁸ Там же.

⁹ Государственная служба Российской Федерации: основы управления персоналом / Под общ. ред. В.П. Иванова. С. 60.

¹⁰ Приказ ФСИН России от 19.05.2006 г. № 245 «Об утверждении Регламента Федеральной службы исполнения наказаний» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 26. С. 41.

¹ См.: Административное право: Учеб. / Под ред. Л.Л. Попова. М., 2005. С. 111; Охотский Е.В. и др. Государственная служба: теория и организация: Курс лекций. Ростов н/Д, 1998. С. 186; Государственная служба Российской Федерации: основы управления персоналом / Под общ. ред. В.П. Иванова. М., 2005. С. 60.

² См.: Алилулов Р.Р. Принципы социального управления в организации деятельности органов внутренних дел. М., 1996. С. 27, 49–56, 59; Маилян С.С. Единоначалие и коллегиальность в управлении органами внутренних дел. М., 2002. С. 15–16.

³ См.: Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право. М., 2004. С. 305; Конин Н.М. Административное право России. М., 2004. С. 181; Козлов Ю.М. Административное право. М., 2005. С. 369; Алехин А.П., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации: Учеб. М., 1994. Ч. 1: Сущность и основные институты административного права. С. 175; Бровко Н.В., Смоленский М.Б., Соколова Ю.А. Административное право: Учеб. М., 2000. С. 126; Административное право: Учеб. / Под ред. Л.Л. Попова. С. 180; Атаманчук Г.В. Государственное управление: организационно-функциональные вопросы: Учеб. пособие. М., 2000. С. 173.

⁴ Административное право: Учеб. / Под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. М., 1999. С. 257.

⁵ СЗ РФ. 2004. № 42. Ст. 4109.

⁶ Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2000. № 3. С. 25.

⁷ См.: Приказ ФСИН России от 23.03.2010 г. № 111 «Об утверждении Положения о коллегии Федеральной службы исполнения наказаний, Регламента работы коллегии Федеральной службы исполнения наказаний, Регламента совещания при директоре Федеральной службы исполнения наказаний и Регламента совещания при заместителе директора Федеральной службы исполнения наказаний» // Там же. 2010. № 7. С. 19–38.

⁸ Там же.

⁹ Государственная служба Российской Федерации: основы управления персоналом / Под общ. ред. В.П. Иванова. С. 60.

¹⁰ Приказ ФСИН России от 19.05.2006 г. № 245 «Об утверждении Регламента Федеральной службы исполнения наказаний» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 26. С. 41.

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

К вопросу об уголовной политике в отношении несовершеннолетних

С.П. СЕРЕДА – старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье анализируется понятие уголовной политики в отношении несовершеннолетних, рассматриваются различные точки зрения на ее содержание, формы и принципы реализации, а также определяются направления совершенствования осуществляемой в России государственной политики в сфере предупреждения и пресечения преступлений и иных правонарушений несовершеннолетних. Автором сопоставляются понятия уголовной политики в отношении несовершеннолетних, ювенальной юстиции и ювенальной политики.

Ключевые слова: уголовная политика; несовершеннолетние; ювенальная юстиция; ювенальная политика.

On the criminal policy of juvenile

S.P. SEREDA – Senior Researcher Research Laboratory institutional research department Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Laws

This article analyzes the concept of criminal policy against minors, and consider various points of view of its content, forms and principles of implementation, direction of improvement carried out in Russia state policy on the prevention and suppression of crimes and other offenses of minors. Mapped concept of criminal policy against minors, juvenile justice and juvenile policies.

Key words: criminal policy; juvenile; juvenile justice; juvenile policy.

Развитие правовой мысли и законодательства в большинстве стран мира на протяжении многих столетий не предусматривало существенных различий в положении детей и взрослых, совершающих общественно опасные деяния, в применяемых к ним мерах воздействия. Анализ этапов становления политики Российского государства в сфере борьбы с преступностью и обеспечения правопорядка позволяет говорить о том, что особый подход к несовершеннолетним правонарушителям стал формироваться лишь со второй половины XIX в. Это было обусловлено достигнутым к данному времени достаточно высоким уровнем развития правовой мысли

в России, а также значительными изменениями в социально-экономическом укладе общества.

В то же время в России уголовная политика в отношении несовершеннолетних не развивалась последовательно по причине многочисленных политических изменений и потрясений. В законодательстве происходили резкие сдвиги то в сторону снижения, то в сторону ужесточения уголовной ответственности данной возрастной группы. Это во многом объясняет противоречивость российской государственной политики в сфере предупреждения преступности и иных правонарушений несовершеннолетних на современном этапе.

Уголовная политика как одно из направлений социальной политики – это государственная политика в области борьбы с преступностью. Конкретное ее содержание, формы и направления реализации определяются специалистами по-разному. Большие разночтения вызывает трактовка уголовной политики в отношении несовершеннолетних, что, безусловно, не способствует достижению единства и эффективности действий государства в соответствующей сфере.

Заслуживает внимания получившее развитие еще в трудах советских ученых представление об уголовной политике как части политики государства в целом, существующей в системе и во взаимосвязи с иными направлениями деятельности государства по управлению обществом. Такой точки зрения придерживались, в частности, Н.И. Загородников, А.А. Герцензон и другие ученые¹. Если же говорить об уголовной политике в отношении несовершеннолетних, то такая немыслима без системы профилактики безнадзорности несовершеннолетних и иных (помимо преступлений) правонарушений, совершаемых данной возрастной группой. Профилактическое же направление в борьбе с преступностью, как справедливо отмечал М.И. Ковалев, предполагает не только правовые, но и социальные, организационные, идеологические и иные мероприятия².

В связи с этим не следует сводить уголовную политику, особенно в отношении несовершеннолетних, только лишь к применению наказания или иных мер, применяемых вместо наказания, на чем, в частности, настаивал Н.А. Беляев³. По этому принципу из содержания уголовной политики в отношении несовершеннолетних он исключал меры, которые применяются к несовершеннолетним, чье поведение отклоняется от общепринятых норм и свидетельствует о потенциальной возможности перерастания в преступное, а также меры, направленные на борьбу с другими видами отклоняющегося поведения, не признанными законом преступными⁴. Однако борьба с общественно опасными деяниями и явлениями, не относящимися к преступным, проведение различного рода профилактических мероприятий во многом имеют своей конечной целью именно предупреждение преступности.

Значительным шагом в разработке теоретических вопросов уголовной политики в советской уголовно-правовой науке стало включение в ее содержание не только собственно уголовно-правового компонента,

основанного на нормах уголовного права, но и уголовно-процессуального и уголовно-исправительного⁵. Такой подход в современных условиях способен обеспечить единство государственной политики в сфере предупреждения преступности, в том числе преступности несовершеннолетних. Названные направления деятельности государства в борьбе с преступностью неразрывно связаны между собой, подчиняются общим принципам, целям и задачам, в силу чего образуют единую уголовную политику государства.

Уголовная политика в отношении несовершеннолетних, равно как и иные направления политики государства, включает в себя помимо идеологической части и практическую деятельность соответствующих органов и учреждений государственной власти и местного самоуправления. Уголовная политика государства, в том числе в отношении несовершеннолетних, объединяет как правотворческую, так и правоприменительную деятельность, направленную на противодействие преступности. Этот факт не остался незамеченным А.И. Александровым, который вместе с тем ошибочно сводит уголовную политику только к сфере уголовно-правовых отношений⁶. В этой связи неполным представляется сформулированное Б.В. Здравомысловым определение уголовной политики только лишь как совокупности «взглядов, идей и представлений, господствующих в обществе на данном этапе, об основных направлениях, средствах и путях борьбы с преступностью»⁷. В большей степени о направлениях, тенденциях в уголовной политике, ее состоянии можно судить по конкретным действиям различных субъектов, складывающимся в определенную систему. Именно эта система и есть то, что следует называть уголовной политикой государства. При этом уголовная политика в отношении несовершеннолетних, равно как уголовная политика государства в целом, не сводится также и к управлению методами борьбы с преступностью, на что справедливо указывает Д.И. Чистов⁸. Управление является внешним выражением уголовной политики в отношении несовершеннолетних, отражая формы ее осуществления. Содержание же ее составляют конкретные методы, меры, мероприятия, действия отдельных субъектов в сфере предупреждения преступлений и иных правонарушений несовершеннолетних, их реальное воплощение и реализация на практике, ожидаемые и достигнутые результаты борьбы с негативными явлениями в этой области.

Достаточно полное, на наш взгляд, определение уголовной политики дает О.А. Малышева в работе «К вопросу о понятии уголовная политика»: уголовная политика, являясь элементом правовой политики, представляет собой организованную и реализуемую государством деятельность, направленную на выработку и реализацию совокупности мер как специального характера, в том числе норм уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, уголовно-исполнительных, так и общесоциального характера, в целях защиты личности, общества, государства от преступных посягательств и возмещения принесенного преступлением вреда⁹. Данная формулировка в случае ее конкретизации применима и в отношении государственной политики по предупреждению и пресечению преступности несовершеннолетних. Преимуществом представленного подхода к определению уголовной политики является объединение в рамках данного явления мер как специального, так и общесоциального характера.

Уголовная политика в отношении несовершеннолетних в значительно большей степени должна включать в себя меры общесоциального характера, учитывая особую уязвимость лиц несовершеннолетнего возраста, незрелость их сознания и личности. При этом уголовная политика не подменяет собой политику социальную, как отмечают некоторые ученые¹⁰, поскольку предусматривает особый комплекс общесоциальных мер, направленный непосредственно на несовершеннолетних и применяемый в целях недопущения совершения ими правонарушений. Большинство уголовно-правовых норм имеют ярко выраженный принудительный характер, карательную направленность, поэтому при отсутствии в содержании уголовной политики в отношении несовершеннолетних мер социального характера политика государства в этом направлении превращается только в политику карательную, приобретая односторонний характер, направленность только на последствия преступной деятельности, но не на ее причины. Как справедливо отмечают А.И. Зубков и В.И. Зубкова, «роль принуждения, наказания (кары) нельзя недооценивать, но и ни в коем случае не следует и переоценивать, видя в них залог успеха в борьбе с таким социальным недугом, каким является преступность. Они должны быть достаточными и дополнять усилия государства и общества в устранении причин преступности, носящих прежде всего соци-

альный характер и находящихся в недрах нашего бытия»¹¹.

Необходимо говорить о пересечении уголовной политики в отношении несовершеннолетних с политикой социальной, экономической, другими направлениями государственной политики. Все эти разделы не существуют изолированно, а имеют множество точек соприкосновения, взаимно обуславливая друг друга. Как справедливо отмечает Л.Н. Костина, необходимо проводить целенаправленную государственную политику, которая бы способствовала объединению усилий семьи, школы, общественных организаций, правоохранительных органов, учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних¹². Уголовная политика в отношении несовершеннолетних предусматривает меры не только уголовно-правового характера и реализуется не только через них: речь идет и о мерах, не носящих уголовно-правового и даже принудительного характера, направленных на предотвращение совершения несовершеннолетними любого возраста впервые любых правонарушений, предотвращение повторного совершения правонарушений, мерах, направленных на ресоциализацию, оказание помощи несовершеннолетним, преступившим закон. Это меры социальной и иной помощи несовершеннолетним до и после совершения правонарушения, во время отбывания наказания за его совершение и после отбытия. Неслучайно Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), гласят, что цели правосудия в отношении несовершеннолетних состоят в первую очередь в обеспечении благополучия несовершеннолетнего, а также того, чтобы любые меры воздействия на последнего были всегда соизмеримы как с особенностями его личности, так и с обстоятельствами правонарушения (ст. 5.1)¹³.

Как отмечает З.Р. Абземилова, «такой категорией, как благополучие юного правонарушителя, наш закон не оперирует, правосудие не стремится к этой цели наказания и решает только три задачи уголовного правосудия: исправление, недопущение совершения новых преступлений, восстановление социальной справедливости. На практике фактически наблюдается уклон в сторону карательных санкций в отношении несовершеннолетних»¹⁴. Следует говорить о карательной направленности уголовной политики в отношении несовершеннолетних,

поскольку система мер принудительного характера, мер социальной защиты и помощи несовершеннолетним независимо от совершения ими преступлений еще недостаточно развита в нашей стране, а рядом ученых и не включается в рамки уголовной политики.

Уголовная политика, в том числе в отношении несовершеннолетних, должна располагать системой мер реагирования как на преступные действия, так и на правонарушения, не являющиеся преступными. Противопреступная деятельность несовершеннолетних, не выходящая за рамки уголовного закона, зачастую предвещает их будущую преступную деятельность. Профилактика правонарушений является в этой связи важнейшим этапом борьбы с преступностью несовершеннолетних, ее предупреждения, а потому не может находиться вне уголовной политики. Реализация же таковой во многом опирается на административно-правовые нормы. Как отмечает Э.Ф. Побегайло, в реальной жизни борьба с преступностью осуществляется комплексно, с использованием возможностей каждой из политик (уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной (пенитенциарной), криминологической (профилактической), административно-правовой), выступающих в качестве составных частей (отраслей, подсистем, направлений) единой уголовной политики¹⁵. Таким образом, исследователь включает в качестве нового, дополнительного элемента в рассматриваемую систему и административную политику.

Рассматривая различные составляющие уголовной политики в отношении несовершеннолетних, приходится констатировать, что осуществляется она в основном теми же самыми методами и средствами, что и в отношении взрослых. Психологические особенности несовершеннолетних, особенности их уголовной ответственности в соответствии с нормами УК РФ, особенности исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних, наличие отдельного вида исправительного учреждения, предназначенного для их содержания, специфика криминологической характеристики несовершеннолетней преступности – все это дает право говорить об уголовной политике в отношении несовершеннолетних, однако не как об отдельной системе, а лишь как об одном из направлений уголовной политики в целом. Формирование особой уголовной политики в отношении несовершеннолетних, как

отмечается в литературе, много лет находится на стадии дискуссий¹⁶. В литературе встречаются при этом достаточно резкие высказывания по поводу того, что законодатель не сформулировал новый взгляд на «детский» уголовный процесс как процедуру воспитательную и охранительную, а нормы международного права, несмотря на постановление Пленума Верховного Суда РФ, пока не закрепились и не работают¹⁷. С первым утверждением можно согласиться, поскольку существенных изменений, преобразований в уголовной политике в отношении несовершеннолетних пока не произошло и самостоятельная, отдельная система ювенальной юстиции в России пока не создана. Однако второе заявление спорно: за последние несколько лет в России проведена значительная работа по развитию ювенального законодательства.

В последнее время активно обсуждаются вопросы, связанные с ювенальной юстицией в России. Социальная потребность в ее формировании связана, прежде всего, с необходимостью нормализовать условия жизни и воспитания детей и подростков путем защиты их прав и свобод, оказания правового воздействия на лиц, обязанных осуществлять их воспитание, обучение, подготовку к труду, охрану здоровья¹⁸.

При этом зачастую создание ювенальной юстиции связывают только с введением специальных судов по делам несовершеннолетних. Однако ювенальный суд не является основным и, как мы считаем, обязательным элементом ювенальной юстиции. Ювенальное правосудие не сводится лишь к функционированию ювенальных судов, а подразумевает под собой специфическую систему государственных органов и институтов гражданского общества¹⁹, систему органов, учреждений, должностных лиц и общественных формирований, занимающихся вопросами несовершеннолетних в целях обеспечения и защиты их прав и предупреждения правонарушающего поведения²⁰.

Ювенальная юстиция немыслима без программ ресоциализации несовершеннолетнего правонарушителя. В реализацию этих программ включаются государственные учреждения, общественные организации, семья, учебные заведения. Ведь, как отмечают психологи, направляющая и ведущая роль в социализации подростков принадлежит воздействию среды и особенно микросреды – семьи и ближайшего окружения²¹. Социальная потребность в создании

ювенальной юстиции связана, прежде всего, с необходимостью нормализовать условия жизни и воспитания детей и подростков путем защиты их прав и свобод, оказания правового воздействия на лиц, обязанных осуществлять их воспитание, обучение, подготовку к труду, охрану здоровья несовершеннолетних.

Ювенальная юстиция должна строиться при развитии всех направлений уголовной политики в отношении несовершеннолетних: уголовно-правовой политики, уголовно-исполнительной политики, уголовно-процессуальной политики, политики социальной профилактики (или криминологической), административно-правовой политики, а также при развитии всех институтов гражданского общества. В этом смысле уголовную политику в отношении несовершеннолетних иначе можно назвать ювенальной политикой. Принципы ювенальной юстиции при таком ее широком понимании во многом образуют принципы самой уголовной политики в отношении несовершеннолетних. Однако одним из признаков ювенальной юстиции является согласованность всех ее элементов, их единство, самостоятельно функционирующая система правосудия, имеющая существенные отличия от общей системы, а именно этого единства между различными составляющими уголовной политики в отношении несовершеннолетних на сегодняшний день не удалось достичь.

К основным принципам ювенальной юстиции, а значит и уголовной политики в отношении несовершеннолетних, в идеальном ее выражении можно отнести такие, как ценность личности несовершеннолетнего независимо от совершенного им деяния; активное использование в работе с несовершеннолетним правонарушителем широкого объема сведений о нем; усиление охранительной функции суда по отношению к несовершеннолетнему; предпочтение принудительным мерам средств воспитательного воздействия и др.; социальная подготовка судей и иных должностных лиц, специалистов, работающих с несовершеннолетними; наличие системы специализированных вспомогательных служб и др.²² Важнейшее отличие ювенального правосудия состоит

в том, что оно рассматривает ребенка не как объект репрессии, а как объект реабилитации. Перечисленные принципы также во многом должны определять особенности уголовной политики в отношении несовершеннолетних, носить конкретный, а не обобщенный характер. Безусловно, базируется уголовная политика в отношении несовершеннолетних на таких общих принципах уголовной политики, основанных на конституционных положениях, как законность, гуманизм, справедливость, равенство граждан, демократизм.

Изучение мнений разных ученых по вопросам о понятии, принципах и содержании уголовной политики в отношении несовершеннолетних, различных определений уголовной политики в целом позволяет сделать вывод о необходимости отдельного, самостоятельного рассмотрения данного направления социально-правовой политики государства.

Возрастные особенности несовершеннолетних правонарушителей, специфика криминологической характеристики преступности несовершеннолетних, ее предупреждения и профилактики, профилактики в целом нарушений закона со стороны несовершеннолетних требуют выделения особого направления государственной уголовной политики, осуществляемой в отношении лиц, не достигших совершеннолетия. При этом под уголовной политикой в отношении несовершеннолетних следует понимать организованную и реализуемую государством при содействии общества деятельность по выработке и реализации системы взглядов, идей, представлений, мер общесоциального и специального характера, в том числе основанных на нормах уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, административного права, направленную на предупреждение преступлений и иных форм асоциального поведения несовершеннолетних, обеспечивающую их социально-правовую защиту и благополучие. Однако при таком подходе современную государственную политику, реализуемую в России в рассматриваемой сфере, следует признать нуждающейся в дальнейшем совершенствовании.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Загородников Н.И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел. М., 1979. С. 5.

² См.: Ковалев М.И. Соотношение уголовной политики и уголовного права // Советское государство и право. 1978. № 12. С. 70.

¹ См.: Zagorodnikov N.I. Sovetskaja ugodovnjaja politika i dejatel'nost' organov vnutrennih del. M., 1979. S. 5.

² См.: Kovalev M.I. Sootnoshenie ugodovnoy politiki i ugodovnogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1978. № 12. S. 70.

- ³ См.: Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986. С. 19.
- ⁴ См.: Там же. С. 19.
- ⁵ См.: Там же. С. 3.
- ⁶ См.: Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности. СПб., 2003. С. 9.
- ⁷ Уголовное право: Учеб. / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. С. 11.
- ⁸ См.: Чистов Д.И. Конституционному реформированию уголовно-правовой политики – кибернетический подход // Юридический мир. 2006. № 10.
- ⁹ См.: Малышева О.А. К вопросу о понятии «уголовная политика» // Российский следователь. 2005. № 9.
- ¹⁰ См.: Загородников Н.И., Стручков Н.А. Направления изучения советского уголовного права // Советское государство и право. 1981. № 7. С. 49; Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика. Владивосток, 1987. С. 47–48.
- ¹¹ Зубков А.И., Зубкова В.И. Проблемы реформирования уголовного (карательной) политики на современном этапе // Журнал российского права. 2002. № 5.
- ¹² См.: Костина Л.Н. Групповая преступность несовершеннолетних в современной России // Право и политика. 2007. № 2.
- ¹³ См.: Сборник международно-правовых документов / Сост. В.В. Щербов. Минск, 1999.
- ¹⁴ Абзemiлова З.Р. Об особенностях уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2006. № 2.
- ¹⁵ См.: Побегайло Э.Ф. Современная криминологическая ситуация и кризис российской уголовной политики // Российский криминологический взгляд. 2005. № 1. С. 24.
- ¹⁶ См.: Трунов И.Л., Айвар Л.К. Вопросы уголовного права и уголовной политики в отношении несовершеннолетних // Журнал российского права. 2005. № 10.
- ¹⁷ См.: Там же.
- ¹⁸ См.: Зиядова Д.З. Проблемы создания ювенальной юстиции // Вопросы ювенальной юстиции. 2006. № 2.
- ¹⁹ См.: Марковичева Е.В. Правосудие для несовершеннолетних в контексте проблем Российской правовой культуры // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 1. С. 207.
- ²⁰ См.: Беляева Л.И. Ювенальная юстиция как одно из направлений уголовной политики // Перспективы развития ювенального права и ювенальной юстиции в Российской Федерации: Материалы всероссийской науч.-практ. конф. Архангельск, 2008. С. 144; Черчага С.В. Становление ювенальной юстиции: вопросы гражданского процессуального законодательства РФ (опыт Ростовской области) // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 2 (16). С. 11.
- ²¹ См.: Цветков В.Л. Проблемы преступности несовершеннолетних: психологические особенности малолетнего преступника // Вестник Московского университета МВД России. 2004. № 4. С. 128.
- ²² См.: Трунов И.Л., Айвар Л.К. Вопросы уголовного права и уголовной политики в отношении несовершеннолетних.
- ³ Sm.: Beljaev N.A. Uголовно-pravovaja politika i puti ee realizacii. L., 1986. S. 19.
- ⁴ Sm.: Tam zhe. S. 19.
- ⁵ Sm.: Tam zhe. S. 3.
- ⁶ Sm.: Aleksandrov A.I. Uголовnaja politika i uголовnyj process v rossijskoj gosudarstvennosti. SPb., 2003. S. 9.
- ⁷ Uголовnoe pravo: Ucheb. / Otv. red. B.V. Zdravomyslov. S. 11.
- ⁸ Sm.: Chistov D.I. Konstitucionnomu reformirovaniju uголовno-pravovoj politiki – kiberneticheskij podhod // Juridicheskij mir. 2006. № 10.
- ⁹ Sm.: Malysheva O.A. K voprosu o ponjatii «uголовnaja politika» // Rossijskij sledovatel'. 2005. № 9.
- ¹⁰ Sm.: Zagorodnikov N.I., Struchkov N.A. Napravlenija izuchenija sovetskogo uголовnogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1981. № 7. S. 49; Korobeev A.I. Sovetskaja uголовno-pravovaja politika. Vladivostok, 1987. S. 47–48.
- ¹¹ Zubkov A.I., Zubkova V.I. Problemy reformirovanija uголовnoj (karatel'noj) politiki na sovremennom etape // Zhurnal rossijskogo prava. 2002. № 5.
- ¹² Sm.: Kostina L.N. Gruppovaja prestupnost' nesovershennoletnih v sovremennoj Rossii // Pravo i politika. 2007. № 2.
- ¹³ Sm.: Sbornik mezhdunarodno-pravovyh dokumentov / Sost. V.V. Werbov. Minsk, 1999.
- ¹⁴ Abzemilova Z.R. Ob osobennostjah uголовnoj otvetstvennosti i nakazaniya nesovershennoletnih // Voprosy juvenal'noj justicii. 2006. № 2.
- ¹⁵ Sm.: Pobegajlo Je.F. Sovremennaja kriminologicheskaja situacija i krizis rossijskoj uголовnoj politiki // Rossijskij kriminologicheskij vzgljad. 2005. № 1. S. 24.
- ¹⁶ Sm.: Trunov I.L., Ajvar L.K. Voprosy uголовnogo prava i uголовnoj politiki v otnoshenii nesovershennoletnih // Zhurnal rossijskogo prava. 2005. № 10.
- ¹⁷ Sm.: Tam zhe.
- ¹⁸ Sm.: Zijadova D.Z. Problemy sozdanija juvenal'noj justicii // Voprosy juvenal'noj justicii. 2006. № 2.
- ¹⁹ Sm.: Markovicheva E.V. Pravosudie dlja nesovershennoletnih v kontekste problem Rossijskoj pravovoj kul'tury // «Chernye dyry» v rossijskom zakonodatel'stve. 2007. № 1. S. 207.
- ²⁰ Sm.: Beljaeva L.I. Juvenal'naja justicija kak odno iz napravlenij uголовnoj politiki // Perspektivy razvitiya juvenal'nogo prava i juvenal'noj justicii v Rossijskoj Federacii: Materialy vserossijskoj nauch.-prakt. konf. Arhangel'sk, 2008. S. 144; Cherchaga S.V. Stanovlenie juvenal'noj justicii: voprosy grazhdanskogo processual'nogo zakonodatel'stva RF (opyt Rostovskoj oblasti) // Voprosy juvenal'noj justicii. 2008. № 2 (16). S. 11.
- ²¹ Sm.: Cvetkov V.L. Problemy prestupnosti nesovershennoletnih: psihologicheskie osobennosti maloletnego prestupnika // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2004. № 4. S. 128.
- ²² Sm.: Trunov I.L., Ajvar L.K. Voprosy uголовnogo prava i uголовnoj politiki v otnoshenii nesovershennoletnih.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Дифференциация исполнения лишения свободы в отношении несовершеннолетних в ИТК РСФСР 1970 г.

А.Л. САНТАШОВ – заместитель директора Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина (филиал в г. Вологде) по учебной и научной работе, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются проблемы дифференциации исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних по исправительно-трудовому законодательству 1970–1990 гг. Автор анализирует различные виды режимов и условий отбывания наказания в воспитательно-трудовых колониях. Показаны также дальнейшие изменения законодательства в сфере исправления несовершеннолетних осужденных, дана их оценка.

Ключевые слова: дифференциация; лишение свободы; несовершеннолетние; прогрессивная система исполнения наказаний; воспитательно-трудовые колонии.

Differentiation of execution of imprisonment in juvenile penitentiary RSFSR 1970

A.L. SANTASHOV – Deputy Director of the Moscow State Law Academy named after OE Kutafin Vologda for Academic Affairs and Research, PhD, associate professor

The problem of the differentiation of the execution of criminal penalties of imprisonment for juvenile correctional labor legislation 1970–1990 period, the author analyzes various modes and conditions of serving the sentence in a labor colonies. in a scientific paper also shows further changes in legislation fixes juvenile offenders and gives their assessment.

Key words: differentiation; incarceration; juvenile; progressive penal system; educational labor colony.

Накопленный исправительными учреждениями опыт работы, а также развитие науки уголовного и исправительно-трудового права создали необходимые условия для разработки и принятия 11 июля 1969 г. Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик, а в 1970–1971 гг. исправительно-трудовых кодексов союзных республик¹.

Новый ИТК РСФСР был принят 18 декабря 1970 г. и введен в действие с 1 июня 1971 г.² Воспитательно-трудовым колониям была посвящена гл. 13 этого правового акта. В ней предусматривалось разделение данных уч-

реждений для несовершеннолетних на колонии общего режима и усиленного режима. В первом виде ВТК отбывали наказания несовершеннолетние мужского пола, впервые осужденные к лишению свободы за преступления, не являющиеся тяжкими, или осужденные впервые на срок не свыше трех лет за тяжкие преступления, и все осужденные несовершеннолетние женского пола. Во втором виде ВТК отбывали наказание несовершеннолетние мужского пола, ранее отбывавшие наказание в виде лишения свободы, а также осужденные за тяжкие преступления к лишению свободы на срок свыше трех лет.

Причем лица, злостно нарушающие требования режима, могли быть представлены к переводу для отбывания наказания из ВТК общего режима в ВТК усиленного режима.

Согласно закону (ст. 18 ИТК РСФСР) отдельно от других осужденных в колониях усиленного режима содержались лица, осужденные за умышленные преступления, совершенные в местах лишения свободы, и лица, систематически либо злостно нарушающие режим отбывания наказания.

Дифференциация исполнения лишения свободы по различным видам ВТК проявлялась, прежде всего, в различии условий отбывания наказания несовершеннолетними, осужденными к лишению свободы (размере

денежных средств, которые разрешалось расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, количестве свиданий, посылок или передач и бандеролей). Причем данные условия отбывания лишения свободы в ВТК общего и усиленного режимов также в свою очередь подразделялись законодателем на обычные и улучшенные.

Рассматривая дифференциацию условий отбывания наказания в виде лишения свободы в ВТК³, отметим, что в соответствии с определенным законодателем характером изменения правового статуса воспитанника их иерархия по мере улучшения последнего выглядела следующим образом:

Таблица 1

Дифференциация условий отбывания наказания в виде лишения свободы в ВТК общего режима

Условия отбывания лишения свободы	Обычные	Улучшенные
Место содержания	Обычные жилые помещения	
Размер денежных средств, разрешаемый для расходования на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости (в месяц)	До 10 руб.	Дополнительно в сумме 7 руб.
Количество свиданий, разрешаемых воспитанникам в течение года (краткосрочных)	6	Дополнительно 6 свиданий
Количество посылок или передач, разрешаемых для получения воспитанникам (в год)	6	
Количество бандеролей, разрешаемых для получения воспитанникам (в год)	2	

Таблица 2

Дифференциация условий отбывания наказания в виде лишения свободы в ВТК усиленного режима

Условия отбывания лишения свободы	Обычные	Улучшенные
Место содержания	Обычные жилые помещения	
Размер денежных средств, разрешаемый для расходования на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости (в месяц)	До 8 руб.	Дополнительно в сумме 6 руб.
Количество свиданий, разрешаемых воспитанникам в течение года (краткосрочных)	4	Дополнительно 2 свидания
Количество посылок или передач, разрешаемых для получения воспитанникам (в год)	5	
Количество бандеролей, разрешаемых для получения воспитанникам (в год)	2	

По общему правилу, осужденные, достигшие во время отбывания наказания возраста 18 лет, переводились в исправительно-трудовые учреждения для взрослых (ИТК). Однако в целях закрепления результатов исправления и перевоспитания и для завершения общеобразовательного или профессионально-технического обучения лица, достигшие 18-летнего возраста, могли быть оставлены в ВТК до окончания срока наказания, но не более чем до достижения ими

20-летнего возраста. В советской юридической литературе вопрос об отнесении такого оставления совершеннолетних в ВТК к элементам прогрессивной системы не рассматривался. Но, как справедливо отмечает Ю.М. Ткачевский, он должен был быть решен положительно⁴.

С 1973 по 1987 гг. указами Президиума Верховного Совета РСФСР в ИТК РСФСР был внесен ряд существенных изменений и дополнений⁵. Применительно к несовер-

шеннолетним были уточнены категории осужденных, направляемые для отбывания лишения свободы в различные виды ВТК.

Прежде несовершеннолетние мужского пола, впервые осужденные за тяжкие преступления к лишению свободы на срок свыше трех лет, направлялись для отбывания наказания в ВТК усиленного режима, где они содержались вместе с осужденными, ранее отбывавшими лишение свободы. Последние, как свидетельствовало изучение практики, нередко оказывали отрицательное влияние на несовершеннолетних, впервые отбывавших лишение свободы, склоняли их к нарушениям режима отбывания наказания, а порою и к совершению новых преступлений⁶. Ввиду нецелесообразности дальнейшего совместного содержания этих категорий осужденных ст. 16 Основ исправительно-трудового законодательства в новой редакции предусматривала, что все несовершеннолетние мужского пола, осужденные впервые к лишению свободы, отбывают наказание в ВТК общего режима, причем осужденные за преступления, не являющиеся тяжкими, а также все осужденные несовершеннолетние женского пола содержатся отдельно от осужденных за тяжкие преступления (ч. 1 ст. 75 ИТК РСФСР в ред. указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 18.09.1985 г.)⁷. В то же время в ВТК усиленного режима направлялись только несовершеннолетние, ранее отбывавшие лишение свободы (ч. 1 ст. 76 ИТК РСФСР в ред. указов Президиума Верховного Совета РСФСР от 29.05.1973 г. и 18.09.1985 г.)⁸.

По мнению ученых, участвовавших в разработке этих изменений, их целью было повысить эффективность исправления и перевоспитания несовершеннолетних, впервые осужденных к лишению свободы; исключить возможность негативного влияния, оказываемого рецидивистами, ранее отбывавшими наказание в виде лишения свободы⁹. Вместе с тем исходя из характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного и иных обстоятельств дела суд мог в порядке исключения, мотивируя принятое решение в приговоре, назначить осужденному несовершеннолетнему мужского пола отбывание лишения свободы в ВТК общего режима вместо ВТК усиленного режима.

Наиболее существенные изменения в нормативной базе функционирования уголовно-исполнительной системы произошли с принятием закона Российской Федерации от 12.06.1992 г. «О внесении изменений и до-

полнений в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР»¹⁰. Закон привел российское исправительно-трудовое законодательство в соответствие с международными нормами права. Он был направлен на повышение эффективности исполнения уголовного наказания, соблюдение прав человека и, по выражению ученых, существенно гуманизировал правила содержания осужденных в местах лишения свободы¹¹. Несовершеннолетних правонарушителей коснулись следующие изменения и дополнения: осужденным гарантировалась свобода совести и вероисповедания (ст. 8¹ ИТК РСФСР); ст. 8² закрепляла право осужденных на личную безопасность; ст. 11¹ устанавливала, что будет осуществляться депутатский и общественный контроль за деятельностью исправительно-трудовых учреждений и других органов, ведающих исполнением уголовных наказаний; увеличивались суммы денег на приобретение осужденными продуктов питания и предметов первой необходимости (ст. 24); осужденным было разрешено приобретать литературу и письменные принадлежности (ст. 25); разрешались свидания (краткосрочные и длительные) и телефонные переговоры с родственниками и иными лицами (ст. 26), в ВТК общего режима, например, осужденные имели право в течение года на четыре краткосрочных и четыре длительных свидания; осужденным разрешались краткосрочные выезды за пределы мест лишения свободы (ст. 26¹); было увеличено количество посылок, передач и бандеролей (ст. 28); формулировка «хорошее поведение и честное отношение к труду и обучению» заменялась на «отсутствие злостного нарушения режима отбывания наказания и добросовестное отношение к труду», которая стала использоваться для определения возможности улучшения условий содержания несовершеннолетним осужденным (ч. 4 ст. 75 и ч. 3 ст. 76); для определения сумм, которые осужденные имели право расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, стала использоваться величина, кратная установленному законом размеру минимальной месячной оплаты труда (ч. 3 ст. 75 и ч. 2 ст. 76).

21 декабря 1996 г. был принят федеральный закон № 160-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР в связи с принятием Уголовного кодекса РФ»¹². Так как новый УК

РФ вступал в действие с 1 января 1997 г., для его успешного применения необходимы были соответствующие изменения в сферах процессуальной и уголовно-исполнительной деятельности. Относительно уголовно-исполнительной сферы данный закон, прежде всего, привел в соответствие с УК РФ всю терминологию ИТК РСФСР (так, например, была произведена замена слов «воспитательно-трудовая» и «исправительно-трудовая» на «воспитательная» и «исправительная», используемых в названиях видов исправительных учреждений, в результате чего пенитенциарные учреждения для несовершеннолетних осужденных к лишению свободы стали именоваться воспитательными колониями), а также регламентировал исполнение таких новых видов наказаний, как обязательные работы, ограничение свободы и арест. Всего в ИТК РСФСР было введено 26 новых статей. Все эти новеллы были взяты из уже подготовленного на тот момент проекта нового кодифицированного нормативного правового акта – Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, введенного в действие с 1 июля 1997 г.¹³

Таким образом, в советский период произошло зарождение прогрессивной системы исполнения лишения свободы, при которой для осужденного изменяются условия отбывания наказания в лучшую (либо худшую) сторону в зависимости от его исправления (либо неисправления). В ходе дальнейшего

своего развития в законодательстве прогрессивная система лишения свободы пополняется новыми элементами: дифференциация режима отбывания наказания, градация условий отбывания наказания, оставление достигших совершеннолетия в воспитательно-трудовой колонии до окончания срока наказания и т.п. В конечном счете (начиная с принятия ИТК РСФСР 1970 г.) она переросла в прогрессивную систему исполнения всех видов уголовных наказаний.

Изучение вопросов дифференциации исполнения наказания в отношении несовершеннолетних в историческом аспекте показало их значимость и с позиций технико-юридического конструирования закона. С развитием уголовного и уголовно-исполнительного права способы, приемы и средства дифференциации наказания и законодательной техники изменялись и совершенствовались. Начиная с постатейной дифференциации, имевшей место в первые годы советской власти, отдельных норм, устанавливавших порядок исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних, в законодательстве постепенно складывалась все более углубленная и совершенная система дифференциации наказания, охватывающая значительное число признаков, характеризующих тяжесть преступления, обстоятельства его совершения, личность виновного и его поведение в период отбывания наказания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С этого момента благодаря появлению ряда новых предписаний уголовного и исправительно-трудового законодательства возникла возможность говорить не только о прогрессивной системе исполнения лишения свободы, но и о прогрессивной системе исполнения уголовных наказаний в целом (см. подр.: Ткачевский Ю.М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М., 1997. С. 42).

² См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1970. № 51. Ст. 1220.

³ При проведении исследования использовался законодательный материал по состоянию на 1 октября 1986 г. (см.: Исправительно-трудовой кодекс РСФСР: с постатейными материалами. М., 1986).

⁴ См.: Ткачевский Ю.М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. С. 45.

⁵ См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1973. № 22. Ст. 491; 1985. № 39. Ст. 1353; 1987. № 43. Ст. 1501.

⁶ См.: Писарев В.Б., Пономарев П.Г. Изменения в исправительно-трудовом законодательстве. М., 1986. С. 33.

⁷ См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1985. № 39. Ст. 1353.

⁸ См.: Там же. 1973. № 22. Ст. 491; 1985. № 39. Ст. 1353.

⁹ См.: Писарев В.Б., Пономарев П.Г. Изменения в исправительно-трудовом законодательстве. С. 34.

¹⁰ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 23. Ст. 1687.

¹¹ См.: Уголовно-исполнительная система. 125 лет / Под общ. ред. Ю.Я. Чайки. М., 2004. С. 237.

¹² См.: СЗ РФ. 1996. № 52. Ст. 5881.

¹³ См.: Там же. 1997. № 2. Ст. 198.

¹ S jetoga momenta blagodarja pojavleniju rjada novyh predpisaniy ugovalnogo i ispravitel'no-trudovogo zakonodatel'stva vznikla vozmozhnost' govorit' ne tol'ko o progressivnoj sisteme ispolnenija lishenija svobody, no i o progressivnoj sisteme ispolnenija ugovolnyh nakazaniy v celom (sm. podr.: Tkachevskij Ju.M. Progressivnaja sistema ispolnenija ugovolnyh nakazaniy. M., 1997. S. 42).

² Sm.: Vedomosti Verhovnogo Soveta RSFSR. 1970. № 51. St. 1220.

³ Pri provedenii issledovanija ispol'zovalsja zakonodatel'nyj material po sostojaniju na 1 oktjabrja 1986 g. (sm.: Ispravitel'no-trudovoj kodeks RSFSR: s postatejnymi materialami. M., 1986).

⁴ Sm.: Tkachevskij Ju.M. Progressivnaja sistema ispolnenija ugovolnyh nakazaniy. S. 45.

⁵ Sm.: Vedomosti Verhovnogo Soveta RSFSR. 1973. № 22. St. 491; 1985. № 39. St. 1353; 1987. № 43. St. 1501.

⁶ Sm.: Pisarev V.B., Ponomarev P.G. Izmenenija v ispravitel'no-trudovom zakonodatel'stve. M., 1986. S. 33.

⁷ Sm.: Vedomosti Verhovnogo Soveta RSFSR. 1985. № 39. St. 1353.

⁸ Sm.: Tam zhe. 1973. № 22. St. 491; 1985. № 39. St. 1353.

⁹ Sm.: Pisarev V.B., Ponomarev P.G. Izmenenija v ispravitel'no-trudovom zakonodatel'stve. S. 34.

¹⁰ Sm.: Vedomosti SND i VS RF. 1992. № 23. St. 1687.

¹¹ Sm.: Ugolovno-ispolnitel'naja sistema. 125 let / Pod obw. red. Ju.Ja. Chajki. M., 2004. S. 237.

¹² Sm.: SZ RF. 1996. № 52. St. 5881.

¹³ Sm.: Tam zhe. 1997. № 2. St. 198.

Становление нормативно-правовой базы, регламентирующей исполнение наказаний в отношении несовершеннолетних, в дореволюционной России

Р.И. ИВАНЯКОВ – ученый секретарь ученого совета Псковского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат исторических наук;

Я.М. КАРАСЕВА – курсант 3 курса Псковского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний;

М.И. ХОДАРЕНКО – курсант 3 курса Псковского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний

В статье рассматривается становление и последующая эволюция нормативно-правовой базы, регламентировавшей создание и функционирование воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних, в России в дореволюционный период.

Ключевые слова: несовершеннолетние; исправительные приюты и колонии; нормативные документы.

Establishing of basis of norms and rights, that is standing order of sentence execution in relation to juveniles in the prerevolutionary period of time

R.I. IVANYACKOV – Secretary of science of the Pskov Law Institute of the Federal Penal Service, candidate of historical science;

J.M. KARASEVA – military student of the 3rd course of the Pskov Law Institute of the Federal Penal Service;

M.I. KHODARENKO – military student of the 3rd course of the Pskov Law Institute of the Federal Penal Service

This article touches upon the establishment of basis of norms and rights and the following evolution of it, that provoked the establishment and functioning of correctional institutions for juveniles in Russia in prerevolutionary period.

Key words: juveniles; correctional colonies and orphan-asylum; normative acts.

Российская система уголовных наказаний на протяжении истории своего развития предусматривала большое количество различных санкций – начиная от смертной казни и лишения свободы в самых различных видах и заканчивая наказаниями, которые сейчас принято относить к категории альтернативных. Учитывая особый интерес современного общества именно к последней группе наказаний, обратимся к истории их возникновения в нашей стране. Мы остановимся только на одном сравнительно небольшом аспекте этой проблемы, а именно на становлении нормативно-правовой базы, регламентирующей исполнение наказаний в отношении несовершеннолетних, в дореволюционной России.

Следует отметить, что уже в начале XIX в. в России начинается создание воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних. Первые исправительные приюты для несовершеннолетних преступников и правонарушителей возникли в Прибалтийских губерниях, где было наиболее сильным западное, в первую очередь германское, влияние. В 1828 г. неподалеку от Варшавы был создан приют для брошенных на произвол судьбы детей, преобразованный позднее в колонию. В 1839 г. под Ригой при активном участии доктора Вихерна, одного из основателей широкоизвестного «Сурового дома» в Германии, было открыто заведение для нищенствующих и нравственно испорченных детей, не совершавших преступле-

ния. Тогда же, в 1839 г., на базе Петербургского смиренного дома было создано исправительное (казенное) заведение, в котором имелось отделение для совместного содержания преступных и порочных несовершеннолетних. В 1848 г. аналогичное воспитательное учреждение для нравственно испорченных детей было открыто в Нарве, а в 1850 г. – в Ревеле. К моменту принятия в 1864 г. Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, и закона от 05.12.1866 г. «Об исправительных приютах и колониях для несовершеннолетних» в России существовало несколько соответствующих заведений для несовершеннолетних¹.

С появлением этих документов постепенно стали возникать самые разнообразные заведения, большая часть из которых носила смешанный характер и предназначалась для содержания детей различных категорий: бродяг, нищих, сирот, правонарушителей. Часть создававшихся учреждений предназначалась исключительно для содержания несовершеннолетних преступников. Существовала практика создания заведений, смешанных по полу содержащихся в них детей². Таким образом, помимо исправления малолетних преступников приюты занимались призрением и воспитанием тех, кто мог стать преступниками, – детей нищих, бродяг и вообще малолетних, лишенных крова и попечения. Тем самым приюты выполняли и функцию предупреждения преступлений, «изменяя те причины, при наличии которых из малолетнего нередко вырабатываются профессиональные и неисправимые преступники»³.

Благодаря усилиям общественных деятелей того времени к 1889 г. в России была сформирована система исправительных приютов, которая состояла из 12 заведений⁴. В дальнейшем численность приютов постоянно росла, достигнув, по подсчетам М.И. Красовского, к 1895 г. 23⁵ (по данным А.Г. Бать, к 1897 г. – 27 заведений⁶). По состоянию на 1900 г. в России насчитывалось уже 45 исправительных приютов и земледельческих колоний (они были созданы в большинстве губернских городов). Как и раньше, эти приюты организовывались по частной инициативе, государство практически не принимало участия в их создании⁷. По мнению И.И. Сапрыкина и Д.В. Коломенцева, серьезное влияние на развитие системы исправительных заведений для несовершеннолетних оказало проведение тюремной реформы 80-х гг. XIX в. Именно после ее окончания начался бурный рост числен-

ности заведений для несовершеннолетних правонарушителей. Исследователи полагают, что расширение системы указанных заведений произошло в результате совершенствования тюремного законодательства, более четкого определения взаимоотношений центральных и местных органов власти, в том числе и в вопросах финансирования⁸.

Следует отметить, что самым серьезным импульсом к развитию системы воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних стало принятие целого ряда соответствующих нормативных правовых документов.

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, утвержденный Александром II 20 ноября 1864 г., вместе с другими документами в рамках проводимой судебной реформы, содержал ряд статей, посвященных несовершеннолетним. Так, в ст. 6 устава указывалось, что несовершеннолетним в возрасте от 10 до 17 лет наказание в виде заключения в тюрьме может быть заменено помещением в исправительный приют на срок, определяемый мировым судьей, но не дольше достижения ими 18-летнего возраста. Таким образом, законодательно была закреплена система исправительных приютов для несовершеннолетних и созданы предпосылки для ее более активного развития.

Как было упомянуто, еще одним нормативным правовым документом 60-х гг. XIX в., напрямую касающимся вопросов профилактики преступности и исправления несовершеннолетних преступников, стал закон от 05.12.1866 г. «Об исправительных приютах и колониях для несовершеннолетних», утвердивший Временные правила исправительных приютов для несовершеннолетних. Принятие этого закона ознаменовало собой начало постепенной замены применения тюремного заключения в отношении подростков на содержание в исправительных учреждениях⁹.

Согласно названным правилам приюты могли создаваться как правительством, так и земствами, обществами, духовными установлениями и частными лицами. Однако следует отметить, что правительство не организовало ни одного такого заведения, открывались они отдельными обществами и частными лицами¹⁰. В соответствии с первоначальной редакцией в приюты направлялись несовершеннолетние по судебным приговорам. В дальнейшем, уже в 90-е гг. XIX в., в закон были внесены следующие дополнения: что «обвиняемые и

подсудимые от десяти до семнадцати лет, подлежащие содержанию под стражей по делам, производящимся как в общих, так и в мировых судебных установлениях, а равно у уездных членов окружного суда, городских судей и земских начальников, могут быть отдаваемы в исправительные приюты и колонии для несовершеннолетних преступников. Принятие сей меры зависит от взаимного соглашения подлежащей судебной или следственной власти с управлением отдельных приютов и колоний. Сии обвиняемые и подсудимые содержатся в исправительных приютах отдельно от прочих воспитанников, с применением к ним общих постановлений о наблюдении прокурорского надзора за содержащимися под стражей»¹¹.

Следует отметить, что после выхода воспитанников из приюта его руководство осуществляло покровительство над выпускниками и оказывало им содействие в деле устройства их будущности. В соответствии с дополнениями 1893 г. при освобождении несовершеннолетних, достигших 18-летнего возраста, управления исправительных приютов могли «от имени и с согласия воспитанников заключать с мастерами, хозяевами или промышленными заведениями договоры о поступлении сих несовершеннолетних в наем или обучение на срок не далее достижения ими совершеннолетия»¹².

Все частные приюты открывались отдельно для несовершеннолетних того или другого пола только с разрешения министра внутренних дел, который совместно с министром юстиции утверждал и положение о каждом из открываемых приютов. Заведование приютами вверялось лицам, непорочной нравственности, имеющим аттестат на право преподавания. Каждый приют должен был ежегодно представлять министру внутренних дел и публиковать отчет о своем состоянии и своих действиях¹³. Министр внутренних дел и руководства губерний имели право в любое время лично или через командированных чиновников проводить осмотр приютов и требовать исправления выявленных недостатков. Если обнаруживались серьезные нарушения, то частные приюты могли быть закрыты по представлению министра внутренних дел с разрешения первого департамента Сената¹⁴.

Законодательная деятельность правительства в интересующем нас направлении была продолжена в 80–90-е гг. XIX в., когда

был внесен ряд коррективов и изменений в уже существовавшие нормативные правовые документы, касавшиеся воспитательно-исправительной политики в отношении несовершеннолетних преступников и правонарушителей.

В 90-е гг. XIX в. вследствие активной работы всероссийских съездов представителей русских воспитательно-исправительных заведений (в первую очередь третьего из них, состоявшегося в 1890 г., на котором было предложено упростить формы суда над малолетними), а также других нововведений активизировалась законодательная деятельность правительства в отношении несовершеннолетних преступников и правонарушителей¹⁵.

В 1892 г. во многом под влиянием последнего съезда был издан закон «Об отдаче в исправительные приюты арестантов из несовершеннолетних, состоящих под следствием или судом, и порядке доставления несовершеннолетних в эти приюты». В соответствии с ним во избежание вредных последствий от содержания в общих тюрьмах и совместной пересылки со взрослыми арестантами было предписано всех обвиняемых и подсудимых в возрасте от 10 до 17 лет по взаимному соглашению «подлежащей судебной или следственной власти с управлением отдельных приютов и колоний» отдавать в исправительные приюты и колонии для несовершеннолетних преступников не зависимо от того, содержатся ли в уставах этих приютов ограничения по возрасту воспитанников¹⁶. Обвиняемые и подсудимые должны были содержаться в исправительных приютах отдельно от других воспитанников с применением к ним общих постановлений об осуществлении прокурорского надзора за содержащимися под стражей¹⁷.

Вслед за этим 2 июля 1897 г. в Российской империи был принят закон «Об ответственности малолетних и несовершеннолетних», который представлял собой собрание изменений и дополнений в уже существующие законодательные акты уголовного и уголовно-исполнительного права.

Законодательство 90-х гг. XIX в. разрешило целый ряд проблем в области организации и деятельности воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних и воспитательно-исправительного воздействия на последних. Во многом благодаря законотворчеству 90-х гг. XIX в. уже в начале XX в. в России начала формироваться система ювенальной юстиции.

В это время в России как результат активности общественности создается достаточно большое количество воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних. Кроме того, благодаря проведению съездов представителей воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних, в ходе которых возникали оживленные педагогические и юридические дискуссии, посвященные исправительному воспитанию в России, сформировался целостный подход к уголовно-исправительной политике в отношении малолетних и несовершеннолетних преступников. Все это привело к осознанию необходимости принятия нового нормативного правового документа, который регламентировал бы все вопросы, связанные с осуществлением пенитенциарной политики в отношении несовершеннолетних.

Результатом многолетней работы в этом направлении стало издание 19 апреля 1909 г. Положения о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних. По мнению современников, этот документ стал «практическим воплощением научной теории»¹⁸, подробно регламентировавшим большую часть всех аспектов, которые были связаны с деятельностью воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних, их управлением, финансированием и функционированием. В то же время, несмотря на принимаемые меры, участие государства в финансировании и содержании упомянутых учреждений в начале XX в. оставалось незначительным, так как даже в названном положении, являвшемся наиболее проработанным в правовом отношении, в качестве важнейших составляющих финансирования воспитательно-исправительных заведений предусматривались негосударственные источники.

Крайне поверхностно в положении рассматривались вопросы кадрового обеспечения и комплектования. Каждое заведение возглавлялось директором или начальницей, которые отвечали за порядок и «правильный ход дела»¹⁹. Единственное требование, которое предъявлялось к руководителю, – это наличие аттестата на право преподавания или об окончании высшего или среднего учебного заведения. Однако в Положении о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних не был определен минимальный штат служащих исправительных приютов соответственно численности малолетних, а также образовательный ценз для персонала, не говорилось о служебных правах и преимуществах. Этот пробел в законодательстве предполагалось ликвидировать в уставах отдельных исправительных заведений²⁰, но на практике далеко не во все уставы были включены соответствующие разделы. В тех же заведениях, чьи уставы содержали такую часть, информация была неполной.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что к началу XX в. в Российской империи окончательно сформировалась уголовно-исправительная политика в отношении несовершеннолетних и малолетних преступников и правонарушителей. Основным видом наказания за совершение ими преступлений было помещение в воспитательно-исправительные заведения, которые организовывались различными категориями государственных, общественных и частных учреждений, обществ и лиц. При этом основное управление такими заведениями и координацию их деятельности осуществляло Министерство юстиции посредством Главного тюремного управления, в ведении которого те и находились.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Беляева Л.И. Становление и развитие исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России. М., 1995. С. 19–20.

² См.: Там же. С. 21.

³ Толберг Д.Г. Исправительные приюты и колонии в России. СПб., 1882. С. 3.

⁴ См.: Миклашевский А.Н. Об исправительных приютах для малолетних преступников. Чернигов, 1889. С. 6.

⁵ См.: Красовский М.И. Вопросы устройства русских исправительных заведений для несовершеннолетних, с приложением узаконений и распоряжений правительства, относящихся к малолетним и несовершеннолетним преступникам. Саратов, 1900. С. 7.

⁶ См.: Бат' А.Г. К вопросу о мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних. Казань, 1900. С. 10–11.

⁷ См.: Духовский М.В. Распределение исправительных заведений по территории России. М. 1900.

¹ См.: Beljaeva L.I. Stanovlenie i razvitie ispravitel'nyh zavedenij dlja nesovershennoletnih pravonarushitelej v Rossii. M., 1995. S. 19–20.

² См.: Tam zhe. S. 21.

³ Tolberg D.G. Ispravitel'nye prijuty i kolonii v Rossii. SPb., 1882. S. 3.

⁴ См.: Miklashevskij A.N. Ob ispravitel'nyh prijutah dlja maloletnih prestupnikov. Chernigov, 1889. S. 6.

⁵ См.: Krasovskij M.I. Voprosy ustrojstva russkikh ispravitel'nyh zavedenij dlja nesovershennoletnih, s prilozheniem uzakonenij i rasporjazhenij pravitel'stva, odnosjajushsja k maloletnim i nesovershennoletnim prestupnikam. Saratov, 1900. S. 7.

⁶ См.: Bat' A.G. K voprosu o merah bor'by s prestupnost'ju nesovershennoletnih. Kazan', 1900. S. 10–11.

⁷ См.: Duhovskij M.V. Raspredelenie ispravitel'nyh zavedenij po territorii Rossii. M. 1900.

⁸ См.: Сапрыкин И.И., Коломенцев Д.В. Исправительные учреждения для несовершеннолетних в России на рубеже XIX – начала XX века // Вестник Воронежского колледжа ФСИН России. Воронеж, 2005. Вып. 3. С. 285.

⁹ См.: Гернет М.Н. История царской тюрьмы: В 5 т. М., 1961. Т. 2. С. 63.

¹⁰ См.: Красовский М.И. Вопросы устройства русских исправительных заведений для несовершеннолетних, с приложением узаконений и распоряжений правительства, относящихся к малолетним и несовершеннолетним преступникам. С. 212.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 217.

¹³ См.: Там же. С. 216–217.

¹⁴ См.: Воскобойников Н.Я. О приютах для несовершеннолетних преступников в связи с кратким историческим очерком мест заключения вообще. Саратов, 1876. С. 52.

¹⁵ См.: Сенькевич О.И. Законодательство по делам несовершеннолетних на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел Республики Беларусь: Сб. тез. докл. международной науч.-практ. конф., посвященной Дню белорусской науки. Минск, 2009. С. 223.

¹⁶ См.: Закон от 07.11.1892 г. «Об отдаче в исправительные приюты арестантов из несовершеннолетних, состоящих под следствием или судом, и порядке доставления несовершеннолетних в эти приюты» // Материалы Департамента законов Государственного совета. Т. 217 (1892).

¹⁷ См.: Там же.

¹⁸ Тебиев Б.К., Коркищенко О.А. Государство, общество и «трудные дети» в досоветской России: государственно-правовая мысль, социальная политика и общественно-благотворительная деятельность по предупреждению преступности и безнадзорности несовершеннолетних в России XVIII – начала XX века: Моногр. М., 2005. С. 88–89.

¹⁹ См.: Там же. С. 126.

²⁰ См.: Там же. С. 128.

⁸ Sm.: Saprykin I.I., Kolomencev D.V. Ispravitel'nye uchrezhdenija dlja nesovershennoletnih v Rossii na rubezhe XIX – nachala XX veka // Vestnik Voronezhskogo kolledzha FSIN Rossii. Voronezh, 2005. Vyp. 3. S. 285.

⁹ Sm.: Gernet M.N. Istorija carskoj tjur'my: V 5 t. M., 1961. T. 2. S. 63.

¹⁰ Sm.: Krasovskij M.I. Voprosy ustrojstva russkih ispravitel'nyh zavedenij dlja nesovershennoletnih, s prilozheniem uzakonenij i rasporyzhenij pravitel'stva, odnosjajushsja k maloletnim i nesovershennoletnim prestupnikam. S. 212.

¹¹ Tam zhe.

¹² Tam zhe. S. 217.

¹³ Sm.: Tam zhe. S. 216–217.

¹⁴ Sm.: Voskoboynikov N.Ja. Oprijutah dlja nesovershennoletnih prestupnikov v svjazi s kratkim istoricheskim ocherkom mest zakljuchenija voobwe. Saratov, 1876. S. 52.

¹⁵ Sm.: Sen'kevich O.I. Zakonodatel'stvo po delam nesovershennoletnih na territorii Belarusi vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. // Problemy bor'by s prestupnost'ju i podgotovki kadrov dlja organov vnutrennih del Respubliki Belarus': Sb. tez. dokl. mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konf., posvjawennoj Dnju belorusskoj nauki. Minsk, 2009. S. 223.

¹⁶ Sm.: Zakon ot 07.11.1892 g. «Ob otdache v ispravitel'nye prijutj arestantov iz nesovershennoletnih, sostojajih pod sledstviem ili sudom, i porjadke dostavlenija nesovershennoletnih v jeti prijutj» // Materialy Departamenta zakonov Gosudarstvennogo soveta. T. 217 (1892).

¹⁷ Sm.: Tam zhe.

¹⁸ Tebiev B.K., Korkiwenko O.A. Gosudarstvo, obwestvo i «trudnye deti» v dosovetskoj Rossii: gosudarstvenno-pravovaja mysl', social'naja politika i obwestvenno-blagotvoritel'naja dejatel'nost' po preduprezhdeniju prestupnosti i beznadzornosti nesovershennoletnih v Rossii XVIII – nachala XX veka: Monogr. M., 2005. S. 88–89.

¹⁹ Sm.: Tam zhe. S. 126.

²⁰ Sm.: Tam zhe. S. 128.

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная школа «Уголовная и уголовно-исполнительная политика в отношении несовершеннолетних»

С.П. СЕРЕДА – старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Проблемы формирования и реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних уже более 10 лет являются объектом научных исследований в Вологодском институте права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний. Это одна из приоритетных тем научно-исследовательской деятельности института, в рамках которой проводятся комплексные междисциплинарные исследования по правовым, психолого-педагогическим, социальным, медицинским и другим вопросам, касающимся предупреждения преступлений и иных правонарушений несовершеннолетних, назначения и исполнения в отношении данной категории лиц уголовных наказаний и иных мер воздействия. При этом целостность осуществляемых институтом разработок в данной сфере позволяет говорить о формировании в вузе соответствующей научной школы.

Пристальное внимание к проблемам предупреждения преступности и иных правонарушений несовершеннолетних обусловлено сохраняющимися негативными тенденциями и показателями преступности несовершеннолетних в России, необходимостью совершенствования действующей системы мер уголовно-правового, профилактического и иного характера в отношении несовершеннолетних правонарушителей, в целом уголовной и уголовно-исполнительной политики применительно к данной категории лиц. Несовершеннолетние образуют особую категорию граждан. В силу возрастных особенностей психического и физического развития они в наибольшей степени подвержены влиянию окружающей их социальной среды. Это объясняет особое внимание со стороны государства и общества к

проблемам предупреждения преступности несовершеннолетних и требует реализации особых мер в этом направлении.

С конца 90-х гг. научными коллективами института ежегодно проводится анализ состояния преступности несовершеннолетних в России и за рубежом, причин и условий совершения ими правонарушений, а также применяемых мер пресечения и предупреждения данных явлений. Безусловно, состояние преступности и иных правонарушений несовершеннолетних за последние 10–15 лет изменилось в лучшую сторону. Уменьшилось количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, снизилась их доля в общей преступности, снизился удельный вес преступлений, совершаемых несовершеннолетними в соучастии, произошли другие положительные сдвиги. Тем не менее по-прежнему растет доля повторно совершаемых несовершеннолетними преступлений (с 16,8% в 1999 г. до 19,1% в 2010 г.), доля несовершеннолетних преступников, являющихся учащимися и студентами (с 49,4% в 2002 г. до 94,7% в 2010 г.), доля несовершеннолетних преступников женского пола (с 7,9% в 2002 г. до 11% в 2010 г.)¹. Сохраняются иные негативные тенденции, которые требуют совершенствования уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних, а также повышения эффективности функционирования системы органов и учреждений, реализующих данное направление государственной политики. Существуют недостатки в практике реализации норм уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального, административного и иного законодательства, касающихся несовершеннолетних. Не устранены проти-

воречия и пробелы в действующем законодательстве, составляющем основу уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних. Уголовная политика в отношении несовершеннолетних в недостаточной степени учитывает психофизиологические и иные особенности лиц данного возраста. В связи с этим сегодня требуется пересмотр системы профилактики преступлений и иных правонарушений несовершеннолетних, в том числе изменение подходов в отправлении правосудия в отношении данной категории, совершенствование системы социального и психологического сопровождения назначаемых мер исполнения, то есть в конечном итоге создание в России полноценной системы ювенальной юстиции. Все это в значительной мере обуславливает актуальность проводимых в институте исследований по проблемам формирования и реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних.

В связи с этим основной целью научных исследований, проводимых в институте в рамках научной школы «Уголовная и уголовно-исполнительная политика в отношении несовершеннолетних», является разработка теоретико-методологических и правовых основ современной концепции формирования и реализации уголовной политики в отношении несовершеннолетних, предусматривающих эффективную систему мер предупреждения преступности и иных правонарушений лиц, не достигших 18-летнего возраста, с учетом их прав, интересов, потребностей развития личности и возрастных психофизиологических особенностей.

Основными направлениями научных исследований в рамках научной школы являются:

- проведение научного анализа современного состояния теории и практики в области противодействия преступности несовершеннолетних;
- изучение современного состояния и тенденций развития преступности несовершеннолетних, а также причин, условий и иных факторов, обуславливающих ее существование;
- определение целей, задач, средств, принципов, а также организационно-правовых форм и методов реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних;
- изучение и сопоставление отечественного и зарубежного опыта становления и развития учреждений и органов для ра-

боты с несовершеннолетними правонарушителями, опыта исторического развития системы уголовных наказаний и иных мер правового воздействия в отношении несовершеннолетних, практики их назначения и исполнения;

- проведение анализа и оценка эффективности действующей системы наказаний и иных мер уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетних, практики их назначения и исполнения;

- определение путей совершенствования деятельности воспитательных колоний, создания новых исправительных учреждений (воспитательных центров) для несовершеннолетних осужденных;

- оценка современного состояния системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, определение путей ее совершенствования;

- осуществление сравнительного анализа формирования и реализации уголовной политики в отношении несовершеннолетних в зарубежных странах;

- выработка предложений по совершенствованию норм уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, административного и иного законодательства, составляющих основу уголовной политики в отношении несовершеннолетних, а также практики их применения в направлении создания эффективной системы ювенального правосудия и единой системы ювенальной юстиции в России.

С момента обретения статуса самостоятельного высшего учебного заведения Минюста России в 1999 г. Вологодским институтом права и экономики ведется активная работа по изучению проблем в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Был проведен анализ состояния преступности несовершеннолетних в России и Вологодской области, а также деятельности субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. В ходе исследования был осуществлен опрос экспертов НИИ Генпрокуратуры, сотрудников УВД по Вологодской области, участковых инспекторов и иных специалистов, его результаты были представлены на всероссийской конференции. В частности, отмечались ухудшение показателей преступности несовершеннолетних, подчинение подростковых «групп риска» организованной преступности, разобщенность субъектов профилактики, низкая эффективность деятельности воспитательных колоний.

В 2003–2006 гг. институт принял непосредственное участие в научно-методическом обеспечении эксперимента по созданию на базе Ижевской воспитательной колонии модели учреждения, функционирующего в режиме следственного изолятора для несовершеннолетних, воспитательной колонии и изолированного участка исправительной колонии общего режима. Институт был разработана модель подобного учреждения, а также осуществлялось организационно-правовое и психолого-педагогическое обеспечение его деятельности. В результате был накоплен значительный материал о деятельности исправительного учреждения для несовершеннолетних, включающего в свой состав ПФРСИ, участок общего режима и воспитательную колонию, дана положительная оценка его функционирования. При этом была обоснована необходимость постпенитенциарного социального сопровождения несовершеннолетних, отмечена важность решения вопроса об участии органов исполнительной власти в процессе ресоциализации осужденных, дана положительная оценка практики оставления в ВК осужденных до достижения ими 21 года. С учетом результатов проведенного эксперимента сотрудниками института были подготовлены предложения в уголовно-исполнительное законодательство и сборник методических рекомендаций по организации воспитательной работы с осужденными, содержащимися в учреждении, функционирующем в режиме СИЗО для несовершеннолетних, воспитательной колонии и изолированном участке исправительной колонии общего режима.

В период с сентября по ноябрь 2006 г. сотрудниками института было проведено исследование состояния проблем и перспектив реализации уголовной политики в отношении несовершеннолетних на примере Северо-Западного федерального округа, в ходе которого был организован социологический опрос населения, сотрудников УИС, судей, изучены материалы судебной и уголовно-исполнительной практики, официальные данные правовой статистики. Исследование состояния преступности несовершеннолетних и проблем ее предупреждения в Северо-Западном федеральном округе продолжилось в институте и в дальнейшем. С этой целью в 2010 г. на базе кафедры уголовного права и криминологии была создана и функционирует по сей день внештатная научно-исследовательская лаборатория по изучению проблем предупреждения пре-

ступности несовершеннолетних на территории Северо-Западного федерального округа. Лаборатория является межвузовской, поскольку в ее работе принимает участие кафедра уголовного права и процесса Юридического института Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова.

Для осуществления комплексного научного исследования по проблемам формирования и реализации уголовной политики в отношении несовершеннолетних, координации научных исследований, проводимых в институте в рамках рассматриваемой научной школы, в 2007 г. была создана научно-исследовательская лаборатория при организационно-научном отделе. При непосредственном участии ее сотрудников был подготовлен целый ряд научных работ в рамках научной школы «Уголовная и уголовно-исполнительная политика в отношении несовершеннолетних», в том числе предложения по совершенствованию уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации, учебное пособие «Социальная работа с несовершеннолетними осужденными в ИУ», практические рекомендации для сотрудников УИС «Социальная работа с несовершеннолетними, осужденными к лишению свободы», монография «Проблемы формирования и реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних» и ряд других.

В целом результаты научных исследований, проводимых в институте в рамках научной школы «Уголовная и уголовно-исполнительная политика в отношении несовершеннолетних», нашли отражение в 7 монографиях и 14 учебных и учебно-практических пособиях, 4 практических рекомендациях, подготовленных в том числе в соавторстве с учеными других вузов ФСИН России и иных образовательных учреждений России и ближнего зарубежья. На базе института проведено 6 международных научно-практических конференций по проблемам уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних, 12 научных и научно-практических семинаров, в том числе международного уровня. Формирование научной школы «Уголовная и уголовно-исполнительная политика в отношении несовершеннолетних» позволило вузу принять активное участие в разработке и реализации региональных проектов развития правосудия в отношении

несовершеннолетних, в том числе проекта российско-немецкого партнерства в рамках программы ТАСИС, реализуемого в Архангельской области, российско-норвежского проекта в Мурманской области, российско-швейцарского проекта по предупреждению преступности несовершеннолетних и молодежи «Защита права и оказание помощи освобождающимся в возрасте до 30 лет» и в ряде других.

Значительный объем и высокое качество научных исследований, проводимых в институте в рамках научной школы «Уголовная и уголовно-исполнительная политика в отношении несовершеннолетних», обусловили активное участие вуза в разработке концептуальной модели воспитательного центра для несовершеннолетних осужденных и эксперименте по ее апробации на базе действующих воспитательных колоний в Брянской, Тульской и ряде других областей.

У истоков формирования и становления в институте научной школы, занимающейся проблемами уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних, стояли выдающиеся ученые-пенитенциаристы: доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР Александр Ильич Зубков, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР Александр Соломонович Михлин и доктор юридических наук, профессор Михаил Григорьевич Детков. Они внесли существенный вклад в развитие научного потенциала нашего вуза, в том числе подготовили для института плеяду молодых ученых, развивающих сегодня научную школу «Уголовная и уголовно-исполнительная политика в отношении несовершеннолетних». Под руководством перечисленных, а также других выдающихся ученых целым рядом сотрудников института были успешно защищены диссертации, относимые к рассматриваемой научной школе. Это, в частности, диссертационные исследования на соискание ученой степени кандидата юридических наук А.В. Миронова «Предупреждение рецидива преступлений среди лиц мужского пола, отбывших наказание в воспитательных колониях» (2008 г., науч. рук. – В.И. Старков), А.Л. Санташова «Исполнение лишения свободы в отношении несовершеннолетних: вопросы законодательной техники и дифференциации» (2006 г., науч. рук. – Л.Л. Кругликов), С.А. Боровикова «Принудительные меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних

как альтернатива уголовному наказанию» (2007 г., науч. рук. – А.С. Михлин), Л.А. Колпаковой «Насилие в семье: виктимологический аспект, дифференциация ответственности и вопросы законодательной техники» (2007 г., науч. рук. – Л.Л. Кругликов), Р.В. Колодина «Правовые и организационные аспекты общественного контроля за деятельностью воспитательных колоний» (2011 г., науч. рук. – С.А. Старостин).

В настоящее время в институте осуществляются диссертационные исследования и по другим проблемам, касающимся уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних: Е.В. Тимоховым по теме «Предупреждение преступности несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы (по материалам Северо-Западного федерального округа)» (науч. рук. – З.С. Зарипов), Е.В. Тихомировым по теме «Правовое регулирование участия общественности в исправлении осужденных, отбывающих наказание в ВК» (науч. рук. – Л.И. Беляева), И.С. Осадчим по теме «Прогрессивная система исполнения лишения свободы в отношении несовершеннолетних осужденных» (науч. рук. – С.М. Зубарев) и др.

Значительный вклад в повышение эффективности проводимых в институте научных исследований по проблемам формирования и реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних внесла профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации Лариса Ивановна Беляева. Она осуществляет руководство научными исследованиями адъюнктов и соискателей института, принимает участие в подготовке научных трудов, рецензировании статей, монографий и учебно-методических изданий, участвует в проводимых кафедрой и институтом научных конференциях и семинарах. Л.И. Беляева оказала значительное влияние на формирование основных научных взглядов, идей и положений научной школы «Уголовная и уголовно-исполнительная политика в отношении несовершеннолетних», касающихся, в частности, теоретических и правовых основ политики государства в отношении несовершеннолетних правонарушителей, развития учреждений для их содержания и воспитания, развития ювенальной юстиции в России и других проблем.

Неоценимый вклад в развитие научного потенциала института, в том числе в по-

вышение качества научных исследований по проблемам уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних, внес профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Вячеслав Иванович Селиверстов. В настоящее время под его руководством в институте в рамках рассматриваемой научной школы осуществляется три диссертационных исследования на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: А.С. Александровым по теме «Общественный контроль за обеспечением прав несовершеннолетних осужденных к лишению свободы», С.И. Паканичем по теме «Право несовершеннолетних осужденных на личную безопасность и его обеспечение при исполнении наказания в виде лишения свободы» и

А.М. Рудаковым по теме «Реализация свободы совести и вероисповедания несовершеннолетними осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы (правовые и организационные проблемы)».

Научная школа по изучению проблем уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних в настоящее время в институте продолжает развиваться. Результаты научных исследований, проводимых в ее рамках, имеют важное теоретическое и практическое значение, многие из них внедрены в образовательный процесс образовательных учреждений ФСИН России и в практическую деятельность органов и учреждений, реализующих уголовную и уголовно-исполнительную политику в отношении несовершеннолетних. Однако авторским коллективам института еще многое предстоит сделать в этом направлении, поскольку осуществляемая в России уголовная и уголовно-исполнительная политика в отношении несовершеннолетних далека от совершенства.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Преступность и правонарушения в России (1999–2003): Стат. сб. МВД России. М., 2004. С. 48; Преступность несовершеннолетних в России (2002–2004 гг.): Стат. сб. МВД России. М., 2005. С. 5; Преступность и правонарушения в России (2004–2008): Стат. сб. МВД России. М., 2009. С. 49; Общие сведения о состоянии преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2009 года. <http://www.mvd.ru>; Сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления, за январь–декабрь 2010 года: Сб. по России. М., С. 7, 10.

¹ См.: Преступность и правонарушения в России (1999–2003): Stat. sb. MVD Rossii. M., 2004. S. 48; Преступность несовершеннолетних в России (2002–2004 гг.): Stat. sb. MVD Rossii. M., 2005. S. 5; Преступность и правонарушения в России (2004–2008): Stat. sb. MVD Rossii. M., 2009. S. 49; Obwie svedenija o sostojanii prestupnosti v Rossijskoj Federacii za janvar'–dekabr' 2009 goda. <http://www.mvd.ru>; Svedenija o nesovershennoletnih, sovershivshih prestuplenija, za janvar'–dekabr' 2010 goda: Sb. po Rossii. M., S. 7, 10.

РЕЦЕНЗИИ

**Рецензия на методические рекомендации
Н.А. Коноваловой «Использование методики
«Дерево целей» в социальной работе
с осужденными»**

О.Е. КУРЕНКОВА – начальник кафедры социальной психологии и социальной работы ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук

Современная пенитенциарная практика социальной работы нуждается в расширении и совершенствовании методического обеспечения. В связи с этим актуальной становится задача разработки новых инструментов, обогащающих деятельность специалиста по социальной работе. Одним из них является методика, разработанная Коноваловой Н.А. и представленная в рассматриваемых методических рекомендациях.

Методика «Дерево целей» позволяет формировать у осужденных адекватную временную перспективу, упорядочивать их жизненные планы. Она связывает воедино долгосрочные и краткосрочные цели, цели из разных областей жизни, позволяет привести в порядок планы и наметить различные способы их воплощения в жизнь. Внимание к проблеме содержания, преобразования жизненных планов осужденных обусловлено необходимостью изменения их поведения и его мотивации в условиях изоляции, подготовки их к жизни после освобождения.

Предлагаемая Коноваловой Н.А. методика «Дерево целей» достаточно мобильна и может легко встроиться в систему мероприятий, направленных на ресоциализацию осужденных. Ее использование в практике социальной работы с различными категориями осужденных способствует развитию у них субъектной позиции, стимулирует их к самостоятельному решению актуальных социальных проблем.

Все вышесказанное позволяет говорить о целесообразности использования методики в деятельности специалистов по социальной работе исправительных учреждений различных типов.

В связи с указанными позициями актуальность методических рекомендаций, содержащих обоснование авторской методики Коноваловой Н.А. «Дерево целей», не вызывает сомнений.

В целом методические рекомендации для сотрудников практических органов «Использование методики «Дерево целей» в социальной работе с осужденными» отвечают требованиям, предъявляемым к работам подобного рода, и могут быть рекомендованы к изданию.

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Профессионально важные качества личности сотрудника уголовно-исполнительной системы: Монография / Под общ. ред. О.Н. Ракитской. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 110 с. – ISBN 978-5-94991-207-2.

Монография посвящена проблеме профессионально важных качеств личности сотрудников УИС, которые рассматриваются как условие формирования компетентности специалиста. В работе обсуждаются результаты исследования отдельных ПВК личности сотрудников пенитенциарных учреждений, обосновывается необходимость их своевременной диагностики и развития.

Монография предназначена для сотрудников психологической службы ФСИН России, преподавателей, аспирантов, студентов ведомственных вузов.

Сучкова Е.Л. Правовые представления осужденных: Монография. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 169 с. – ISBN 978-5-94991-206-5.

В монографии рассматривается постановка проблемы правосознания в отечественной юридико-психологической науке, описываются тенденции развития современных отечественных психолого-правовых исследований. На материале эмпирических исследований анализируются правовые представления лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Описываются научно обоснованные подходы к изучению правосознания преступников, его коррекции, даются рекомендации по психологической коррекции правовых представлений осужденных.

Смелова С.В. Уголовная ответственность за превышение должностных полномочий: Монография. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 147 с. – ISBN 978-5-94991-208-9.

Монография посвящена изучению теоретических и практических проблем квалификации превышения должностных полномочий. Значительное внимание уделено отечественному и зарубежному опыту регулирования ответственности за данный вид преступления.

Признаки превышения должностных полномочий рассматриваются с учетом происшедших в 2007–2011 гг. изменений в законодательстве о государственной и муниципальной службе, местном самоуправлении, касающихся правового положения субъекта данного преступления, а также с учетом потребностей современной правоприменительной практики и в свете последних достижений юридической науки. В работе использованы данные статистики МВД России, опубликованные в 1998–2011 гг., материалы судебной практики Верховного Суда Российской Федерации и следственно-судебной практики некоторых регионов России, а также результаты анкетирования судей федеральных судов, сотрудников органов предварительного следствия и прокуратуры по вопросам квалификации превышения должностных полномочий.

Работа может быть использована при преподавании дисциплин уголовно-правового цикла, а также в

научно-исследовательской деятельности. Она может представлять интерес для работников судебных органов, органов следствия, прокуратуры, адвокатуры.

Отражение деятельности уголовно-исполнительной системы в СМИ и общественном сознании: Сборник материалов круглого стола / Отв. ред. А.Е. Творогов. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 125 с.

Статьи, вошедшие в сборник, объединяет проблема взаимодействия пенитенциарной службы и общества, репрезентации уголовно-исполнительной тематики в СМИ, культуре, коллективном сознании как в исторической ретроспективе, так и в современности.

Ряд материалов сборника дополнены и переработаны с учетом изменений в нормативно-правовой базе ФСИН России, произошедших в 2010–2011 гг.

Издание предназначено научным работникам, преподавателям, адъюнктам и аспирантам.

Актуальные проблемы гуманитарного познания: Сборник научных трудов кафедры философии и истории и кафедры русского и иностранных языков / Подред. Л.В. Фивейской, О.М. Чернышевой. – Вып. 7. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 97 с.

В сборнике представлены статьи, посвященные истории, конфессиональным, социально-экономическим, социально-философским, социолингвистическим и этическим проблемам пенитенциарной системы России и других стран.

Материалы сборника адресованы сотрудникам и курсантам ВИПЭ ФСИН России, а также широкому кругу читателей, интересующихся данными проблемами.

Формирование имиджа сотрудника уголовно-исполнительной системы: Практические рекомендации / А.А. Желтов, Ю.В. Соколов, Е.А. Баранова, А.Е. Творогов. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 44 с. – ISBN 978-5-94991-209-6.

В рекомендациях рассмотрены вопросы этического и эстетического облика сотрудника УИС, профилактики коррупционного поведения, взаимодействия учреждений УИС со СМИ. Материалы основаны на актуальных нормативно-правовых документах, в том числе на Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., и будут полезны как сотрудникам учреждений ФСИН России, так и преподавателям ведомственных учебных заведений.

Коновалова Н.А. Использование методики «Дерево целей» в социальной работе с осужденными: Методические рекомендации для сотрудников практических органов. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 63 с. – ISBN 978-5-94991-210-2.

Методические рекомендации адресованы специалистам по социальной работе уголовно-исполнительной системы. В них содержится обоснование авторской методики «Дерево целей», позволяющей решать задачи упорядочения будущего и формирования адекватной временной перспективы осужденных.

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

27 августа 2012 г. состоялся визит делегации Королевства Норвегия в ВИПЭ ФСИН России. В состав делегации вошли: Торунн Хаслер – старший советник Департамента исправительной службы Министерства юстиции и общественной безопасности Норвегии; Пал Кристиан Бергстрем – директор регионального агентства по делам детей, молодежи и семьи Северной Норвегии; Роман Копосов – советник регионального агентства по делам детей, молодежи и семьи Северной Норвегии. На встрече обсуждались вопросы реализации программы замещения агрессии «АРТ» в учреждениях УИС.

«АРТ» – это структурированная педагогическая программа по профилактике, уменьшению или замещению агрессивного поведения у детей и подростков. Она является одной из признанных программ формирования социальной компетентности. Особенностью «АРТ» является ее комплексный характер. Программа включает в себя поведенческий компонент, направленный на тренировку социальных навыков, эмоциональный (тренировка контроля над гневом) и когнитивный (тренировка моральных рассуждений). В связи с тем, что в соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. одной из главных задач социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными является обеспечение ресоциализации осужденных, освоение ими основных социальных функций как необходимого условия исправления и успешной адаптации в обществе после освобождения, эта программа представляется весьма актуальной. В силу своего универсального и комплексного характера она может использоваться при подготовке к освобождению в учреждениях разного типа, в том числе как основа работы социальных педагогов и психологов воспитательных центров.

Апробация программы «АРТ» осуществляется с февраля 2012 г. в рамках программы сотрудничества между Министерством юстиции России и Министерством юстиции и полиции Королевства Норвегия на 2010–2012 гг. на базе Архангельской воспитательной колонии УФСИН России по Архангельской области, Рязанской воспитательной колонии и ИК-6 УФСИН России по Рязанской области.

В соответствии с протоколом заседания Совета по координации психологической работы с осужденными, отбывающими наказание в местах лишения свободы, от 24.05.2012 г. № 1 общий мониторинг апробации программы «АРТ» осуществляет Вологодский институт права и экономики ФСИН России.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Волкова В.В., начальник кафедры управления экономической деятельностью в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат экономических наук, доцент. E-mail: streamant@yandex.ru

Девятковская И.А., соискатель кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. E-mail: devyato4ka@mail.ru

Журавлев В.И., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Российской международной академии туризма, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: zhuravlev_vi@mail.ru

Иваняков Р.И., ученый секретарь ученого совета Псковского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат исторических наук. E-mail: iri274@rambler.ru

Ильин Б.В., доцент кафедры управления экономической деятельностью в уголовноисполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат экономических наук, членкорреспондент РАЕН. E-mail: streamant@yandex.ru

Карасева Я.М., курсант 3 курса Псковского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний. E-mail: iri274@rambler.ru

Макарова Т.В., адъюнкт кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России. E-mail: solnopekova_tvm@mail.ru

Нагорных Р.В., директор Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина (филиал в г. Вологде), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: nagornikh-vipe@mail.ru

Низовец Е.Н., преподаватель цикла педагогики и психологии Черниговского юридического колледжа Государственного департамента Украины по вопросам исполнения наказаний. E-mail: lena-nik75@mail.ru

Новикова Ю.В., старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Воронежского института ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: yvnov2006@yandex.ru

Пудовочкин Ю.Е., профессор кафедры уголовного права Российской академии правосудия, доктор юридических наук, профессор. E-mail: 11081975@list.ru

Рудаков А.М., научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России. E-mail: boss.rud@list.ru

Санташов А.Л., заместитель директора Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина (филиал в г. Вологде) по учебной и научной работе, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: santashov@list.ru

Середа С.П., старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: sta-sereda2006@yandex.ru

Софийчук Н.В., заместитель директора по научной работе Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина (филиал в г. Во-

логде), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: sofiichuk-nataly@mail.ru

Сучкова Е.Л., доцент кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент. E-mail: elizavetasuchkova@yandex.ru

Терентьев И.А., аспирант кафедры административного права Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина. E-mail: 421148@gmail.com

Третьяк Е.С., докторант Института высшего образования Национальной академии педагогических наук, кандидат психологических наук, доцент. E-mail: chebonenko_SO@mail.ru

Уваров О.Н., заместитель начальника УФСИН России по Томской области. E-mail: o-uvarov@mail.ru

Федоров А.Ф., старший психолог Межрегиональной психологической лаборатории УФСИН России по Владимирской области, кандидат психологических наук. E-mail: zimburu@mail.ru

Ходаренко М.И., курсант 3 курса Псковского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний. E-mail: iri274@rambler.ru

Шаталов А.С., профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор. E-mail: asshat-
alov@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTORS

Devyatovskaya I.A., an aspirant of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov. E-mail: devyato4ka@mail.ru

Fedorov A.F., senior psychologist Interregional psychological laboratory FPS Russia's Vladimir region, candidate of Psychological Sciences. E-mail: zimburu@mail.ru

Ilyin B.V., associate professor of economic management in prisons VIPE, candidate of Economic Sciences, corresponding member of the Academy of Natural Sciences. E-mail: streamant@yandex.ru

Ivanyackov R.I., Secretary of science of the Pskov Law Institute of the Federal Penal Service, candidate of historical science. E-mail: iri274@rambler.ru

Karaseva J.M., military student of the 3rd course of the Pskov Law Institute of the Federal Penal Service. E-mail: iri274@rambler.ru

Khodarenko M.I., military student of the 3rd course of the Pskov Law Institute of the Federal Penal Service. E-mail: iri274@rambler.ru

Makarova T.V., associate Chair of the administrative and legal disciplines VIPE FPS Russia captain of the internal service. E-mail: solnopekova_tvm@mail.ru

Nagornyykh R.V., Director of the branch of the Moscow State Law Academy named after Kutafin O.E. in the Vologda town, candidate of law science, docent. E-mail: nagornikh-vipe@mail.ru

Nizovets E.N., teacher pedagogy and psychology cycle Chernihiv Law College of the State Department for the Execution of Punishment. E-mail: lena-nik75@mail.ru

Novikova J.V., Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure and Criminalistics Voronezh Institute FPS Russia, the candidate of jurisprudence. E-mail: yvnov2006@yandex.ru

Pudovochkin Y.E., doctor of Law, Professor, professor of Criminal Law at the Russian Academy of Justice. E-mail: 11081975@list.ru

Rudakov A.M., Researcher Laboratory IT, Vologda Institute of Law and Economics, Federal Prison Service. E-mail: boss.rud@list.ru

Santashov A.L., Deputy Director of the Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafin Vologda for Academic Affairs and Research, PhD, associate professor. E-mail: santashov@list.ru

Sereda S.P., Senior Researcher Research Laboratory institutional research department Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Laws. E-mail: sta-sereda2006@yandex.ru

Shatalov A.S., Professor Department of Criminal Procedure and Criminalistics VIPE FPS Russia, Doctor of Law, Professor. E-mail: asshatalov@rambler.ru

Sofiychuk N.V., deputy director of MSLA affiliated branch O.E. Kutafin's name in Vologda on scientific work, candidate of jurisprudence, associate professor. E-mail: sofiichuk-nataly@mail.ru

Suchkova E.L., Associate Professor Department of organization of psychological service in criminal punishment system of the Vologda Institute of Law and Economics of Russia, candidate of Psychological Sciences. E-mail: elizavetasuchkova@yandex.ru

Terentyev I.A., postgraduate Department of Administrative Law of the Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafin. E-mail: 421148@gmail.com

Tretiak E.S., Ph.D. Institute of Higher Education of the National Academy of Pedagogical Sciences Ph.D., Associate Professor. E-mail: chebonenko_SO@mail.ru

Uvarov O.N., the deputy head of department of Federal Penitentiary Service of Russia for Tomsk region, the colonel of internal service. E-mail: o-uvarov@mail.ru

Volkova V.V., Head of Department of economic management in prisons VIPE FPS Russia, PhD, Associate Professor. E-mail: streamant@yandex.ru

Zhuravlyov V.I., the candidate of jurisprudence, senior lecturer. E-mail: zhuravlev_vi@mail.ru

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ•НАКАЗАНИЕ•ИСПРАВАНИЕ

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

ВИПЭ ФСИН России

Главный редактор:

С.В. Бабурин

Ответственный секретарь:

С.П. Середа

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации

ПИ № ФС77-36704

ISSN 2076-4162

Распространяется
в высших учебных заведениях
и практических органах
уголовно-исполнительной системы

Все права защищены.

Перепечатка материалов только
с разрешения редакции журнала.

Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются.

Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения рукописи

Адрес редакции:

160000, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Телефоны:

(8172) 51-82-50

(8172) 53-60-79

(8172) 51-82-48 факс

E-mail:

vestnikvipe@mail.ru

© ВИПЭ ФСИН России

Подписано в печать 28.09.2012

Формат 60х90/8. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12. Заказ № 3908

Тираж 1000 экз.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакционная коллегия выражает уверенность в том, что журнал уже в недалеком будущем займет достойное место среди ведомственных периодических изданий.

Наша готовность освещать актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов, материалы на историческую тему, вести дискуссию по наиболее актуальным вопросам в области юриспруденции, социальной работы, пенитенциарной педагогики и психологии, обсуждать практические вопросы деятельности пенитенциарных учреждений расширит ряды авторов и читателей.

Решением Президиума ВАК 22 октября 2010 года журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по направлениям: право, экономика, управление, психология и педагогика.

Мы готовы принять к публикации ваши материалы при их соответствии тематике журнала и требованиям в оформлении.

Решение о публикации материала принимает главный редактор или его заместитель.

Основные требования и порядок предоставления материалов для публикации размещены на сайте www.vipe-fsin.ru

Проводится подписная кампания на научно-практический журнал «Вестник института: преступление, наказание, исправление» по Объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 41253 во всех отделениях почтовой связи России.

Условия оформления подписки содержатся в первом томе каталога на страницах, указанных в тематическом и алфавитном указателях каталога. Периодичность издания – 4 раза в год.